

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2017, № 2 (19)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”,
The State Committee of the Republic of Sakha (Yakutia) on innovative policy and science**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (AS RS(Y)); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Borisova Yu.M.*, executive secretary, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Andreeva T.E.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov E.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burtseva Zh.V.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyshcheva L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Makharov E.M.*, Doctor in Philosophy, Professor (YaSC SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Fedorov V.I.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2017, № 2 (19)

Учредитель (соучредители):

**ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»,
Государственный комитет Республики Саха (Якутия)
по инновационной политике и науке**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (АН РС (Я)); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Борисова Ю.М.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Андреева Т.Е.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурцева Ж.В.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габьшиева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Махаров Е.М.*, д. филос. н., проф. (ЯНЦ СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Федоров В.И.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Board

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Acad. RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Burykin A.A.*, Doctor in Philology, Doctor in History (ILS RAS, St. Petersburg); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (IHA, UB RAS (Ekaterinburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kolodeznikov I.I.*, Doctor in Geology and Mineralogy, Professor (AS RS(Y); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nasilov D.M.*, Doctor in Philology, Professor (ICAA MSU, Moscow); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shirobokova N.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *O.A. Melnichuk*, Doctor in Philology

Editors: *N.I. Degtyareva*, *E.F. Molotkov*

English text: *O.N. Kochmar*

Page-proofs: *A.N. Stepanova*

Cover: *A.I. Kharitonov*

Редакционный совет

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Бурыкин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Колодезников И.И.*, д. г.-м. н., проф. (АН РС(Я)); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Насилов Д.М.*, д. ф. н., проф. (ИСАиА при МГУ, г. Москва); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *О.А. Мельничук*, д. ф. н.

Редакторы: *Н.И. Дегтярева*, *Е.Ф. Молотков*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Дьяконов В.М.</i> Карта археологических памятников Ленского района Якутии: новые материалы и уточнения к существующему списку	10
<i>Ушницкий В.В.</i> Хоролоры Якутии: история вопроса (анализ и новейшие интерпретации)	20
<i>Жукова Л.Н.</i> Древнекитайский и юкагирский мифы о сотворении человека: сюжетное и структурное сходство	28
<i>Васильев В.Е.</i> Истоки тенгрианства: от культа гор до культа Неба	40
<i>Винокурова Л.Е.</i> Г.С. Ефимов – один из первых руководителей автономной Якутии (1920–1922 гг.)	48
<i>Никитина С.Е.</i> А.Е. Кулаковский о землеустройстве и землепользовании в Якутской области в начале XX века	58

Социологические науки

<i>Ермолаев Т.С.</i> Северный моногород: контуры исследования	66
<i>Винокурова Д.М., Старостина С.А.</i> Общежитие – мой дом: мнение студентов СВФУ	72

Филологические науки

<i>Иванов С.А.</i> Термины определения стран света в якутском языке	82
<i>Готовцева Л.М.</i> Классификация фразеологических единиц якутского языка (лексико-грамматический подход)	87
<i>Харабаева В.И.</i> Выражение персональности в сложноподчиненном предложении якутского языка (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири)	92
<i>Прокотьева А.Е.</i> Морфологические типы и грамматические функции причастий тундренного диалекта юкагирского языка	97
<i>Буцев А.А.</i> Автобиографический роман А. Сыромятниковой «Родные просторы» как текст индивидуальной «памяти»	103
<i>Ефремова Е.М.</i> «Золотые дожди Сергеляха» Сем. П. Данилова: итоговая книга стихов (жанрово-архитектонические особенности)	108
<i>Буцева Ж.В.</i> Поэтика «женского текста»: гендерные аспекты (на материале творчества Ариадны Борисовой)	117
<i>Григорьева А.Е.</i> Национальный юмор в контексте мирового кино (на примере анализа французской и американской кинокомедий)	122

Научная жизнь

<i>Дьячковский Ф.Н.</i> Всероссийская научная конференция «Письменность в контексте цивилизационной парадигмы»	128
--	-----

Рецензии

<i>Слепцов П.А., Васильева Н.М.</i> Рецензия на второе издание «Сурук-бичик. Оџо ааџар кинигэтинин» С.А. Новгородова	131
<i>Мыреева А.Н.</i> Вклад в якутское литературоведение	132
<i>Трофимова С.М.</i> «Тофаларско-русский словарь» В.И. Рассадина	134

Некролог

<i>Петров П.П.</i> М.С. Иванов-Багдарыын Сюлбэ (08.11.1928–25.03.2017)	136
Сведения об авторах	139
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	142

CONTENTS

Historical sciences

<i>Dyakonov V.M.</i> The map of the archaeological sites of the Lensky region of Yakutia: new materials and updates to the existing list	10
<i>Ushnitskiy V.V.</i> Khorolors of Yakutia: History of the issue (analysis from Earliest Times)	20
<i>Zhukova L.N.</i> The ancient Chinese and the Yukagir myth of the creation of man: plot and structural similarities	28
<i>Vasilyev V.E.</i> Origins of Tengrianism: from the cult of mountains to the cult of Heaven	40
<i>Vinokurova L.E.</i> G.S. Efimov is one of the famous leader of autonomous Yakutia (1920–1922)	48
<i>Nikitina S.E.</i> A.E. Kulakovsky on land management and land use in the Yakut region at the beginning of the XX century	58

Sociological sciences

<i>Ermolaev T.S.</i> The Northern monocity: the outlines of the research	66
<i>Vinokurova D.M., Starostina S.A.</i> The hostel is my home: NEFU students' opinion	72

Philological sciences

<i>Ivanov S.A.</i> Terms of the definition of the countries of the world in the Yakut language	82
<i>Gotovtseva L.M.</i> Lexical and grammatical characteristics of phraseological units of the Yakut language	87
<i>Kharabayeva V.I.</i> Expression of personality in the complex sentence of the Yakut language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)	92
<i>Prokopyeva A.E.</i> Morphological types and grammatical functions of participles Tundra dialect of the Yukaghir language	97
<i>Burtsev A.A.</i> A. Syromyatnikova's autobiographical novel "Native open spaces" as a text of the individual "memory"	103
<i>Efremova E.M.</i> "Golden Rains of Sergelyakh" Sem. P. Danilov: the final book of poems (Genre-architectonic features)	108
<i>Burtseva Zh.V.</i> Poetics of the "female text": gender aspects (based on the work of Ariadna Borisova)	117
<i>Grigorieva A.E.</i> National humor in the context of world cinema (for example, analysis of the French and American comedies)	122

Scientific Life

Dyachkovsky F.N. All-Russian Scientific Conference “Writing in the Context of the Civilizational Paradigm” 128

Reviews

<i>Sleptsov P.A., Vasilyeva N.M.</i> Review of the second edition of “Suruk-bichik. Ogo aagar kinigetiniin” S.A. Novgorod	131
<i>Myreeva A.N.</i> Contribution to Yakut Literary Studies	132
<i>Trofimova S.M.</i> “Tofalarsko-Russian Dictionary” by V.I. Rassadina	134

Obituary

<i>Petrov P.P.</i> M.S. Ivanov-Bagdaryyn Sulba (08.11.1928 – 25.03.2017)	136
Information about authors	140
The manuscripts rules	142

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 902.03(571.56-13)

В.М. Дьяконов

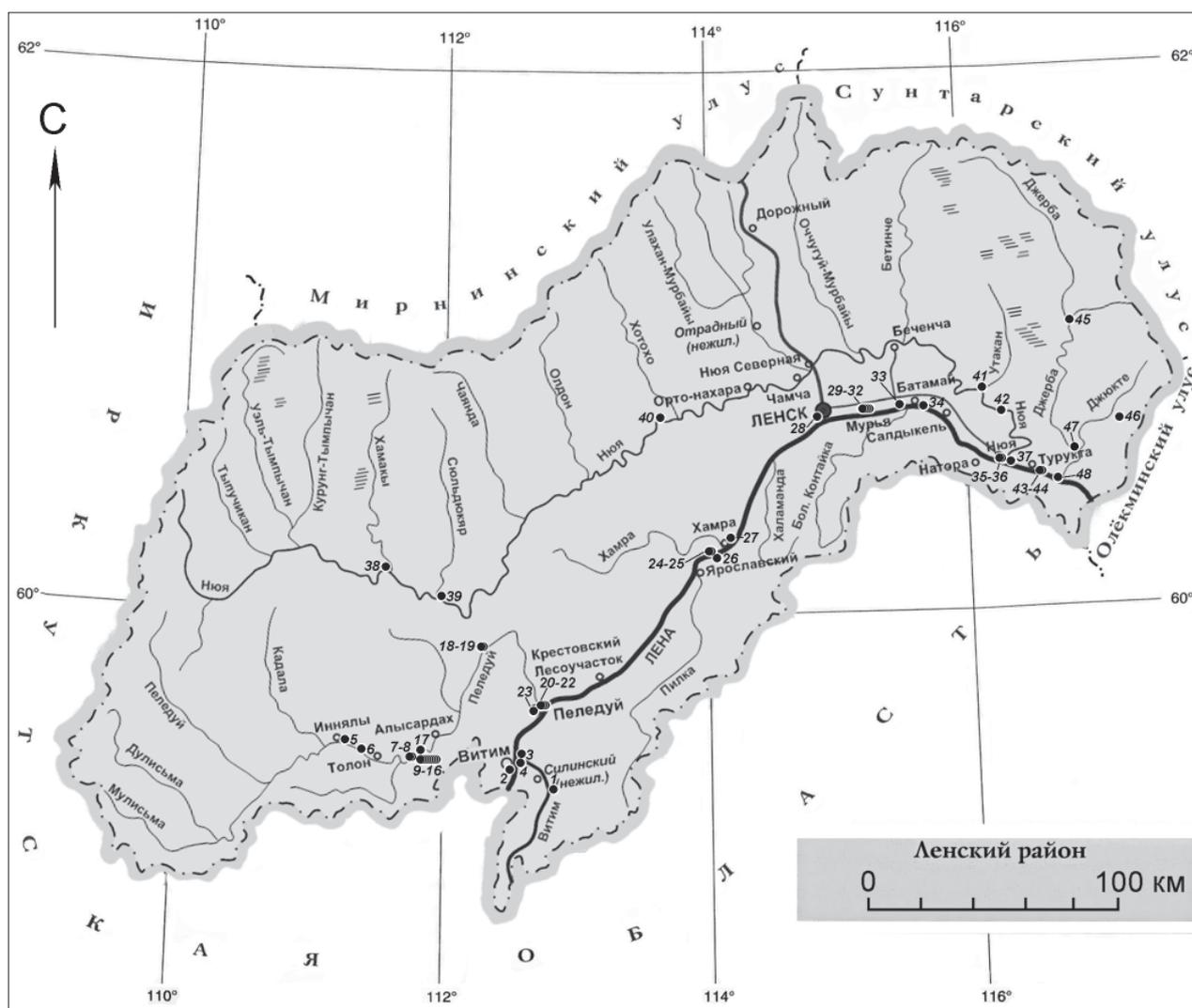
Карта археологических памятников Ленского района Якутии: новые материалы и уточнения к существующему списку

В статье подводятся итоги археологического изучения Ленского района Республики Саха (Якутия). Большой вклад в археологическое изучение района внесли Ленская историко-археологическая экспедиция, Приленская археологическая экспедиция ЯФ СО АН СССР, археологическая экспедиция Якутского государственного университета и археологическая экспедиция Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. В результате многолетних работ здесь было обнаружено около 50 разнообразных археологических памятников (стоянки, погребение, писаницы, святилища) различного хронологического диапазона – от палеолита до этнографической современности. Все памятники приурочены к берегам рек Лена, Витим, Пеледуй, Нюя, Джерба, Джампа. Промышленное освоение юго-запада республики, связанное с развитием здесь нефтегазового комплекса, создает перспективы интенсификации археологических исследований в районе.

Ключевые слова: Якутия, Ленский район, реки Лена, Витим, Пеледуй, Нюя, Джерба, стоянки, писаницы, палеолит, мезолит, неолит, палеометалл.

На сегодняшний день на территории Ленского района Республики Саха (Якутия) обнаружено 48 разнообразных археологических памятников (стоянки, погребение, петроглифы, святилища и др.) различного хронологического диапазона – от палеолита до этнографической современности: Быстрая, Усть-Витим I, II, Липаевская, Ночохо, Сайбаталовка, Тарын I, II, Красный Яр I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, Хапсай, Верхний Дабан I, II, Пеледуй I, II, III, Плитка, Верхняя I, II, Хамра I, II, Мухтуя, Мурья I, II, III, Мурьинское погребение, Калайка, Гагамайская (Багамайская), Нюя I, II, Усть-Нюя, Усть-Хамакы, Сюльдюкяр Нюйский, Саркы, Утакан, Нерюктей, Турукта I, II, святилище Эргеджей,

святилище Джампа, Якутская Джерба, Джерба, [Окладников, 1953, 1955; Мочанов, 2010а, рис. 10; Жукова, 2012; Дьяконов, 2013б, 2015; Алексеев и др., 2015] (рисунки). Количество археологических памятников уточнено на основании изучения всего объема научных публикаций, полевых отчетов экспедиций, а также списка выявленных объектов археологического наследия Ленского района Республики Саха (Якутия). При составлении последнего в перечень, утвержденный в дальнейшем Распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) от 24 апреля 2008 года № 402-р «Об утверждении объектов культурного наследия – выявленных недвижимых памятников истории и культуры по разделу

Карта археологических памятников Ленского района Республики Саха (Якутия)

1 – Быстрая; 2 – Усть-Витим I; 3 – Усть-Витим II; 4 – Липаевская; 5 – Ночохо; 6 – Сайбаталовка; 7-8 – Тарын I, II; 9-16 – Красный Яр I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII; 17 – Хапсай; 18-19 – Верхний Дабан I, II; 20-22 – Пеледуй I, II, III; 23 – Плитка; 24-25 – Верхняя I, II; 26 – Хамра I; 27 – Хамра II; 28 – Мухтуя; 29-32 – Мурья I, II, III, Мурьинское погребение; 33 – Калайка; 34 – Гатамайская (Батамайская); 35-36 – Нюя I, II; 37 – Усть-Нюя; 38 – Усть-Хамакы; 39 – Сюльдюяр Нюйский; 40 – Саркы; 41 – Утакан; 42 – Нерюктей; 43-44 – Турукта I, II; 45 – святилище Эргеджей; 46 – святилище Джампа; 47 – Якутская Джерба; 48 – Джерба

«Археология», включено 24 объекта археологии, из них ошибочно 2 объекта – стоянка Половинка (№15) и писаница Солянка (№24). Как указано в списке, стоянка Половинка находится на правом приустьевом мысу р. Половинка, левого притока р. Лена, на 2513-м км. По лонии р. Лены можно проследить, что на 2513-м км действительно имеется устье р. Половинка, но административно этот участок принадлежит

Олёкминскому району. Возможен, однако, вариант, что в Ленском районе тоже имеется одноименный объект археологии, так как приток Лены с названием Половинка есть и в Ленском районе. Что касается писаницы Солянка, открытой А.П. Окладниковым, то она находится на самом деле в Мамско-Чуйском районе Иркутской области – южнее устья р. Витим [Окладников, Запорожская, 1972, с. 11–12]. Напротив, в перечень не

были включены многие другие ранее выявленные археологические памятники.

Цель данной статьи – уточнить количество археологических памятников Ленского района РС(Я), включая открытые в последние годы отрядами ИГИиПМНС СО РАН под руководством автора статьи. А также опубликовать карту их расположения. Задачами здесь служат изучение опубликованных научных работ по теме, архивных и картографических материалов, сопоставление их со списками археологических памятников, историографический обзор, составление карты объектов археологического наследия.

Первые сведения об археологических объектах в районе относятся к началу XX в. Так, в 1912 г. неизвестный автор написал в «Сибирский вестник» заметку о наскальных рисунках на р. Нюя. В 1913 г. в периодической печати появилось ещё две статьи об этих писаницах. Информатор сообщал, что «на запрос Иркутской архивной комиссии Олёкминско-Сунтарская инородная управа ответила, что в некоторых местах на береговых скалах по р. Нюе имеются доисторические надписи» [Кочмар, 1994, с. 12]. В дальнейшем поиски этих писаниц на р. Нюя оказались безрезультатными. Возможно, что они не сохранились до наших дней.

Первые планомерные и профессиональные исследования древностей на территории Ленского района связаны с деятельностью Ленской историко-археологической экспедиции, работавшей в Якутии в 1940–1946 гг. под руководством А.П. Окладникова. При сплошном исследовании долины р. Лена экспедицией было открыто около 200 разновременных и разноплановых археологических памятников, датируемых от каменного века до этнографической современности. На территории Ленского района в 1941 г. А.П. Окладниковым открыто несколько пунктов, содержащих в себе археологический материал (Витим, Хамра I, II, Мухтуя, Гатамайская, Нюя, Турукта) [Окладников, 1953]. На местонахождениях Витим, Хамра I, II, Гатамайская и Нюя А.П. Окладниковым в 1941 г. были найдены артефакты, которые он отнес к палеолиту [Там же]. В дальнейшем, стоянки Гатамайская и Нюя были отнесены Ю.А. Мочановым к сумнагинской культуре [Мочанов, 1977, с. 206].

На местонахождении Витим (Усть-Витим I-?) в обнажении 25-метровой террасы на глубине 1,5 м была выявлена очажная прослойка с костью мамонта или носорога. Там же найдено ребро мамонта [Окладников, 1953, с. 257–258].

На стоянке Хамра I, расположенной на правом берегу р. Лены, в 3–5 км выше с. Хамра на склоне 12–15-метровой террасы А.П. Окладников нашел крупное каменное изделие палеолитического образа – скребло. В этом месте в разрезе террасы выявлено три уровня залегания находок. В первом культурном слое найдены остатки железного века, в том числе наконечник стрелы, во втором слое в верхней части – следы неолита, из низа второго слоя, возможно, происходит найденное в сборах скребло [Там же, с. 256–257].

На местонахождении Хамра II, выявленном в 1–1,5 км ниже с. Хамра по левому берегу р. Лены в обнажениях 10–12-метровой террасы, обнаружены очаги со скоплениями отщепов неолитического возраста, а в разрезе примыкающей к ней 6–8-метровой террасы, на глубине 1,5 м, – углистые слои, возможно, относящиеся к палеолиту [Там же, с. 258].

Стоянка Нюя (Нюя I) была обнаружена на левом берегу р. Лена, на правом приустьевом мысу р. Нюя, в 2–3 км от с. Южная Нюя. Стоянка приурочена к 25–30-метровой террасе р. Лена. Инвентарь представлен галечными отщепами, скреблом из яшмовидной зеленоватой гальки, топоровидным орудием из диорита, кремневыми нуклеусами, отщепами и скребком на отщепе. Стоянка датируется поздним палеолитом [Там же, с. 258–261]. По данным карты археологических памятников, открытых и исследованных ПАЭ*, имеется два объекта – Нюя I и Нюя II [Мочанов, 2010а, рис. 10, 115], но о второй стоянке подобных данных у нас не имеется.

Надо отметить, что часто точное местоположение памятников, открытых А.П. Окладниковым, вызывает затруднения из-за пространности их привязок и неточностей, даже несмотря на наличие карты их распространения. Кроме того, в научный оборот им введена стоянка Гатамайская, обнаруженная «Ниже д. Гатамайской, в 3–4 км, за островом, на левом берегу р. Лены, на останце древней террасы» [Оклад-

*ПАЭ – Приленская археологическая экспедиция.

ников, 1953, с. 261]. Деревни Гатамайской в этом районе никогда не было, зато есть деревня Батамайская (с. Батамай). По-видимому, в тексте есть опечатка или же автором было дано ошибочное название населенного пункта. На этой стоянке обнаружены отщепы, в том числе кварцитовые, и клиновидный нуклеус [Там же].

В 1941 г. экспедицией А.П. Окладникова были открыты также стоянки эпох неолита – палеометалла Турукта, Мухтуя. Стоянка Турукта располагается на левом берегу р. Лена, у руч. Турукта, «в отложениях первой надпойменной террасы высотой около 10 м» [Окладников, 1955, с. 79–80]. Выявлено 3 культурных слоя – эпохи неолита, бронзы и раннего железного века. Находки связаны с очагом, среди находок выделяются наконечники стрел, костяные острия, кости животных, комочки охры, фрагменты «штрихованной» (рубчатой?) керамики, два изделия из белого нефрита – шильце и лабретка. Стоянка Мухтуя была открыта около с. Мухтуя, вблизи самого берега р. Лены. Здесь А.П. Окладниковым были обнаружены остатки жилища древнего кузнеца и плавильщика, возле которого найдены остатки горна, фрагменты крицы и три железных наконечника стрел. Кроме того, найден двусторонне обработанный кремневый наконечник стрелы подтреугольной формы с вогнутым основанием и отщепы [Там же, с. 199].

Работы А.П. Окладникова во многом были пионерными, он первым предложил периодизацию древних культур Якутии, опираясь, прежде всего, на материалы Прибайкалья. Изучение наскальной живописи позволило ему высказать предположение о высоком уровне духовной культуры древнего населения Якутии [Окладников, Запорожская, 1972].

В 1964 г. Институт языка литературы и истории (ИЯЛИ) ЯФ СО АН СССР принял решение приступить к сплошному археологическому изучению Якутии, обратив особое внимание на поиски следов палеолита и выявление четко стратифицированных многослойных памятников. В этой связи была создана Приленская археологическая экспедиция. Полевые работы ПАЭ охватили территорию всей Якутии, включая и юго-запад Якутии, хотя основным направлением исследовательской деятельности экспедиции стал бассейн р. Алдан, по материалам

памятников которой и с учётом предыдущих исследований были отдельно выделены археологические культуры Якутии возрастом от конца плейстоцена до раннего железного века включительно (дюктайская позднепалеолитическая культура, сумнагинская – мезолита (позднейшего палеолита), сылахская – раннего неолита, белькачинская – среднего неолита, ымыяхтахская – позднего неолита, усть-мильская – эпохи бронзы, культурные комплексы раннего железного века.

В 1967 г. при рытье хозяйственной ямы в с. Мурья в Ленском районе было случайно обнаружено и, к сожалению, разрушено древнее погребение [Мочанов, 1970; Федосеева, 1970, с. 137; 1992, с. 99]. В инвентаре этого погребения был бронзовый кельт. Орнамент мурьинского кельта состоит из двух парных вписанных друг в друга глазков, двух горизонтальных полосок, горизонтальной полосы, от которой вниз спускаются два парных фестона, разделённых тремя вертикальными линиями-разделителями [Федосеева, 1970, с. 137]. По классификации Г.А. Максименкова [1960, с. 151] этот топор относится к кельтам красноярско-ангарского типа третьей формы, отличительным признаком которых является закруглённое секирообразное лезвие. В ходе исследования этого погребения И.В. Константинов и В.А. Кашин открыли здесь многослойную стоянку Мурья I.

В 1970 г. на правом приустьевом мысу р. Витим, в 600 м от его впадения в р. Лена, отрядом ПАЭ под руководством Ю.А. Мочанова была открыта стоянка Усть-Витим [Мочанов, 1970]. Находки обнаружены в подъемных сборах и бортовой зачистке террасы. Среди находок было обнаружено 9 фрагментов гладкостенных сосудов усть-мильской культуры эпохи бронзы [Эртюков, 1990, с. 67]. Эта стоянка, по-видимому, была обозначена Ю.А. Мочановым как Усть-Витим II, принимая во внимание стоянку, открытую А.П. Окладниковым в с. Витим, которая, вероятно, получила индекс и наименование Усть-Витим I. В том же 1970 г. Ю.А. Мочановым была открыта стоянка Усть-Нюя, датируемая неолитом [Мочанов, 1970].

В 1973 г. отрядом ПАЭ были открыты стоянки Мурья II, III на левом берегу р. Лены, в 20 км ниже г. Ленска и примерно в 1 км выше по тече-

нию от дер. Мурья [Федосеева, 1980, с. 95–99]. Неолитическая стоянка Мурья II выявлена на 17-метровой террасе левого берега р. Лена. В 1 км выше ее по течению на прирусловом валу высокой поймы, вытянутому вдоль левого берега р. Сордон и левого берега Лены, на 12-метровой высокой пойме выявлена трёхслойная стоянка Мурья III. Во втором слое были найдены предметы, соотносимые с усть-мильской культурой, а в третьем – ымыяхтахской [Там же].

В 1975 г. Нюйским отрядом ПАЭ под руководством С.П. Кистенёва был пройден разведочный маршрут по реке Нюя от Нюйского Дабана до Лены и далее вниз по Лене до стоянки Малая Мунку в Олекминском районе. В ходе разведочных мероприятий на р. Нюя было открыто 2 археологических объекта: Саркы и Утакан.

Стоянка Саркы открыта на левом берегу р. Нюя, в 2,5 км ниже населенного пункта Кюберген и в 4 км выше устья р. Хотохо. Она приурочена к 4-метровой пойменной террасе. Археологический материал представлен сборами с поверхности террасы и состоит из одного скребка, сработанного на сланцевой гальке, и одного фрагмента керамического сосуда, изготовленного на гончарном круге. Находки предположительно относятся к культурным комплексам раннего или развитого железного века (V в. до н.э. – V в. н.э.).

Местонахождение стоянки Утакан выявлено на правом приустьевом мысу р. Утакан – левого притока р. Нюя, впадающей в р. Нюя в 67 км от ее устья. Здесь на бечевнике под мысом найдено одно грубое скребловидное орудие. Дальнейших исследований местонахождения не производилось [Кистенёв, 1975, 1976]. Кроме того, на карте археологических памятников, открытых и исследованных ПАЭ, обозначен также объект Нерюктяй на р. Нюя [Мочанов, 2010а, рис. 10, 118]. Другие данные об этом объекте не опубликованы. Возможно, что он был также выявлен в ходе разведки 1975 г. в местности Нерюктяй на Нюе, расположенной в 47 км от ее устья.

Тогда же отрядом С.П. Кистенева было произведено дообследование стоянки Усть-Нюя, в ходе которой был выявлен ранее не зафиксированный культурный слой (ымыяхтахская поздненеолитическая традиция) [Кистенёв, 1975, 1976]. Еще одним результатом разведки отряда

в 1975 г. стало обследование стоянки Турукта, в 15 км ниже устья Нюи, на левом берегу Лены. Здесь С.П. Кистенёв обнаружил «гладкостенную керамику эпохи бронзы (?), кремнёвые пластины и отщепы, на склоне десятиметровой высокой поймы Лены» [Кистенёв, 1976]. По данным карты археологических памятников, открытых и исследованных ПАЭ, имеется два объекта – Турукта I и Турукта II [Мочанов, 2010а, рис. 10, 119].

В том же 1975 г. Витимский отряд ПАЭ провел разведку на о-ве Липаевский в устье р. Витим, где на западном берегу выявил три пункта находок призматических нуклеусов, кремневых пластин, отщепов, скребков, тёсел и других каменных изделий, а также керамики. Расстояние между каждым из пунктов составило примерно 200–250 м. Анализ материалов позволил предположить, что они относятся к различным этапам неолита и к усть-мильской культуре эпохи бронзы. Кроме того, на юго-западной оконечности острова были обнаружены остатки пяти древнеякутских землянок с большим количеством обломков плоскодонной глиняной посуды [Эртюков, 1976, с. 291].

В 1980 г. отряд ПАЭ под руководством С.А. Федосеевой проводил археологические изыскания по р. Пеледуй – крупному левому притоку Лены. В ходе работ экспедиции был обнаружен целый ряд археологических объектов (16 стоянок разного возраста – от палеолита до эпохи металла) [Федосеева, 1981; Мочанов, 2010а, рис. 10].

Стоянка Ночохо выявлена в 5,5 км ниже с. Иннялы, на левом берегу р. Пеледуй, на ровной площадке 15–17-метровой террасы, ограниченной с северо-запада и запада скальными выходами, обрывающимися в воду. Кроме прочих находок, здесь найдено 25 фрагментов гладкостенной керамики, относящейся к эпохе бронзы.

Стоянка Сайбаталовка открыта на правом берегу р. Пеледуй, в 10 км выше селения Толон, в 5–6 км ниже стоянки Ночохо, и приурочена к размывающемуся рекой мысу террасы высотой 6–7 м. Здесь найдена кремнёвая пластина и обломок гальки, а также несколько фрагментов костей животных. Датировка – неолит и/или ранние металлы.

Стоянка Тарын I находится примерно в 1 км выше впадения в неё речки Тарын-Юрях, в 4–5 км

выше стоянки Красный Яр (Кыгыл-Хая) I. Стоянка приурочена к мысу 5–6-метровой террасы, который подвергается длительному размытию и разрушению водой. В сборах зафиксирован 181 каменный предмет с первичной обработкой, среди которых нет готовых изделий. Датировка – каменный век и/или ранние металлы.

Стоянка Тарын II расположена приблизительно в 300 м ниже по течению от предыдущей стоянки и в 700 м выше впадения в р. Пеледуй, речки Тарын-Юрях, на южном склоне мыса 5–6-метровой террасы левого берега Пеледуя. Коллекцию из сборов со стоянки составляют 78 экземпляров каменных предметов и фрагментов костей млекопитающих. Археологический материал стоянки предварительно отнесен к верхнему палеолиту.

Комплекс стоянок Красный Яр I–VIII* выявлен на обнажениях древней высокой террасы Кыгыл-Хая, растянутой на 5,5 км вдоль правого берега р. Пеледуй, в 12 км выше посёлка Верхний Алысардах и в 32 км ниже с. Толон.

Стоянка Красный Яр I расположена на правом приустьевом мысу ручья От-Арыы-Юрэгэ. Находки приурочены к галечному бечевнику под обнажением 4–5-метровой террасы. Протяжённость сборов 30 м. Было обнаружено 14 каменных предметов, дающих возможность судить о палеолитическом возрасте стоянки, и фрагмент кости млекопитающего.

Стоянка Красный Яр II обнаружена в 300 м ниже по течению от предыдущей стоянки, под обнажением упомянутой террасы. Здесь найдено 6 каменных предметов и 2 фрагмента кости крупных млекопитающих. Точное культурно-хронологическое определение сборов невозможно вследствие невыразительности обработки находок.

Стоянка Красный Яр III выявлена также в 300 м ниже от предыдущего пункта в той же геоморфологической ситуации. Здесь найдено 3 кремнёвых обломка и фрагмент кости лошади, что позволило предположить палеолитический возраст объекта.

Стоянка Красный Яр IV находится примерно в 200 м ниже предыдущей стоянки на левом мысу безымянного ручья (третьего от острова

От-Арыы), прорезающего 5–6-метровую террасу р. Пеледуй.

Стоянка Красный Яр V расположена в 170 м ниже предыдущей стоянки и в 50 м ниже правого приустьевого третьего безымянного ручья. Сбор археологического материала протяжённостью около 50 м производился на бечевнике под обнажением вышеупомянутой 4–5-метровой террасы. В сборах здесь зафиксировано 16 кремнёвых предметов предположительно палеолитического времени и фрагмент трубчатой кости млекопитающего.

Стоянка Красный Яр VI находится в 150 м ниже предыдущего пункта и на 90 м ниже правого мыса четвёртого безымянного ручья. Протяжённость сборов с бечевника под обнажениями террасы составила 70 м. Здесь обнаружено 24 каменных предмета, некоторые из которых возможно относятся к позднему неолиту, а также обломок кости крупного животного.

Стоянка Красный Яр VII расположена примерно в 300 м ниже предыдущей стоянки, на правом приустьевом мысу пересыхающего ручья Красный Яр. Находки тянутся на 70 м вдоль бечевника под обнажениями террасы, которая на этом расстоянии плавно повышается с 6–7 м у ручья Красный Яр до 14–15 м. В сборах зафиксировано 24 каменных предмета и мелкий невыразительный фрагмент керамики. Предположительно стоянка относится к эпохе неолита и ранних металлов, но имеется перспектива обнаружения и более древних культурных пластов.

Стоянка Красный Яр VIII находится в 50 м ниже по течению р. Пеледуй от предыдущей стоянки и приурочена к 40-метровой террасе протяжённостью около 65 м, которая причленяется к цокольной террасе, именуемой Кыгыл-Хая (Красная Гора или Красный Яр). В сборах с бечевника под вышеупомянутой террасой было обнаружено 67 каменных предметов, отнесённых к дюктайской археологической традиции, и два обломка костей предположительно плейстоценовой лошади [Мочанов и др., 1991, с. 213, табл. 139]. В 2000-х гг., после открытия стоянок Мунгхарыма I, II на Вилуе, Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой была выделена среднепалеолитическая кызыл-сырская культура (150–35

* Стоянки Красный Яр в публикациях авторов открытий имеют параллельные названия: Кыгыл-Хая и Кызыл-Сыр.

тыс. л.н.), которая получила название по стоянке Красный Яр (Кызыл-Сыр) VIII [Мочанов, 2010б, с. 363].

Стоянка Хапсай расположена в 1,5 км ниже горы Кыгыл-Хая на правом берегу р. Пеледуй. Здесь, на бечевнике, под обнажением 4–5-метровой террасы на протяжении примерно 100 м, собрано 44 каменных предмета, 1 костяное шило, 4 фрагмента гладкостенной керамики и 7 обломков костей животных. Был сделан вывод о многослойности данной стоянки [Мочанов, Федосеева, 1980].

Стоянки Верхний Дабан I и II расположены на правом берегу Пеледуя, в устье р. Верхний Дабан. На первой стоянке найдено 34 каменных изделия, 2 образца гладкостенной керамики и обломки костей животных, на второй – 12 каменных артефактов и кости крупных млекопитающих. Датировка четко не определена, т.е. находится в пределах неолита и ранних металлов.

Стоянки Пеледуй I–III открыты ПАЭ в 1973 г. на левом берегу реки Пеледуй, на приустьевом участке, напротив пос. Пеледуй. Археологический материал указанных стоянок был отнесен к эпохе неолита и ранних металлов.

Стоянка Плитка открыта ПАЭ в 1980 г. на западной окраине пос. Пеледуй, на правом берегу р. Пеледуй, в 2 км выше места её впадения в реку Лену. Стоянка приурочена к правобережному мысу цокольной террасы Пеледуя высотой 10–12 м. На стоянке вскрыто три культурных слоя. Верхний слой содержал усть-мильскую керамику эпохи бронзы, слой II – кремнёвые орудия и сетчатую сылахскую керамику, слой III – отщепы и обломок ножевидной пластины [Федосеева, 1981].

На карте археологических памятников, открытых и исследованных ПАЭ, в районе с. Хамра указано еще два объекта – Верхняя I, II [Мочанов, 2010а, рис. 10, 113]. В перечне археологических памятников Ленского района, утвержденном Распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) от 24 апреля 2008 г., указано, что стоянка Верхняя датируется неолитом и железным веком, а находится она на левом берегу р. Лена, в 2,5 км выше р. Верхней.

В 1985 г. по территории Ленского района прошёл разведочный маршрут Олёкминского отряда археологической экспедиции ЯГУ от пос. Витим до р. Туолба [Алексеев и др., 1988].

На левом приустьевом мысу р. Джерба в Ленском районе была открыта стоянка Джерба, содержащая разновременный материал всех этапов неолита и средневековые артефакты [Алексеев, 1987].

В 2007 г. Ленский отряд ЦААПЧ АН РС (Я) под руководством Т.Б. Симокайтиса провёл работы по обследованию сохранности археологического объекта Усть-Нюя. Была проведена зачистка отложений в траншее, получена коллекция подъёмного материала, среди которой имеется шнуrowая керамика белькачинской средне-неолитической культуры [Симокайтис, 2012].

В последние годы (2006–2008, 2010–2013, 2015 и 2016 гг.) в связи с масштабными промышленными работами нефтегазового комплекса на территории Ленского района Республики Саха (Якутия) целым рядом экспедиций разных ведомств (ПАЭ ЦААПЧ АН РС (Я), Берингийская экспедиция Института наследия им. Д.М. Лихачева, АЭ СВФУ им. М.К. Аммосова, ИГИИПМНС СО РАН, ООО «ГеоКорд») производилось неоднократное натурное археологическое обследование территорий землеотводов, испрашиваемых под проектирование и строительство магистральных трубопроводов, объектов инфраструктуры, ЛЭП и т.д. [Тетенькин, 2007; Макаров, 2008аб, 2009аб, 2013, 2015; Кирьянов, 2009; Жукова, 2012, 2016; Загоруйко, 2012; Симокайтис, 2012, 2014; Строгова, 2012; Дьяконов, 2013а; Бравина, 2016]. Эти работы, как правило, показывали отсутствие объектов археологического наследия на территории землеотводов. Лишь только археологической экспедиции ИГИИПМНС СО РАН удалось в ходе этих исследований выявить новые археологические памятники (введено в научный оборот 6 новых памятников археологии в Ленском районе).

В 2011 г. на основе хозяйственного договора, заключенного в связи с археологической разведкой землеотвода под строительство магистрального газопровода «Якутия – Хабаровск – Владивосток» (вариант 2), археологические изыскания в Ленском районе производил Южно-Якутский отряд ИГИИПМНС СО РАН под руководством автора. В ходе работы экспедиции были открыты стоянка Калайка вблизи с. Батамай (неолит, раннее железо), поселение позднего средневековья – нового времени Якутская Джерба на р. Джерба и святилище (грот с на-

скальными изображениями и жертвенником) возле ручья Джампа – притока второго порядка р. Джерба [Алексеев, Дьяконов, 2013; Алексеев и др., 2015]. Тогда же от работника Ленской районной природоохраны А. Дергачёва и от завуча Лицея №2 г. Ленска С.Р. Боровик была получена информация о древнем святилище на р. Эргеджей, содержащем наскальные изображения и жертвенный материал [Дьяконов, 2013б].

Стоянка Калайка находится в 33 км восточнее г. Ленска, в 5 км западнее с. Батамай, в урочище Калайка, на северном берегу одноименного озера. На стоянке было заложено 3 разведочных шурфа. Археологический материал обнаружен в шурфе, разбитом в центре стоянки, в 15 м над уровнем оз. Калайка. Культурный слой лежит на поверхности и заключен в коричневой, местами коричневато-жёлтой супеси, частично нарушенной пахотой, мощностью до 50 см. В сборах и в шурфе найдены артефакты, в целом отнесенные к неолиту. Наличие в инвентаре памятника находок эпохи палеометалла стоит под вопросом [Алексеев и др., 2015].

Поселение Якутская Джерба располагается на правом берегу р. Джерба, в урочище Якутская Джерба, в 17 км к югу-юго-западу от с. Турукта. На этом объекте находятся остатки жилищ и погребов в виде ям и всхолмлений, остатки деревянных построек, скреплённых коваными кузнечными гвоздями и др. На высокой террасе Джербы у края поляны находится древнее кладбище, не имеющее явных признаков, но визуально определяемое небольшими продолговатой формы западинами. Памятник Якутская Джерба датируется новым временем. Хронологические границы существования поселения Якутская Джерба относятся к XVIII – первой половине XX в. [Там же].

Святилище Джампа находится в 3,6 км восточнее устья р. Джампа (Джампа > Дюкте > Джерба > Лена), в 38,2 км северо-восточнее устья р. Джерба, в 56,5 км к западу-северо-западу от с. Южная Нюя, в 62,5 км севернее с. Чапаево, в урочище Джампа, расположенном у одноимённой речки, недалеко от административной границы Ленского и Олёкминского районов республики. Святилище, включающее грот и скальный выход-останец с сохранившимися

наскальными рисунками, возле которых обнаружен также и разновременный жертвенный материал, располагается на верхнем ярусе прибрежных скал речки Джампа, на её правом берегу. Жертвенный материал состоит из кремневого концевого скребка, отщепы и современных подношений. В шурфе внутри грота были найдены детали деревянных ловушек на пушного зверя и бусины-одекуй. Ниже грота найден угловой резец на кремнёвой пластине. Петроглифы расположены как внутри грота, так и на скальном останце вблизи него. Выделено 12 плоскостей с 62 рисунками, среди которых антропоморфные и зооморфные изображения, а также аморфные пятна. Святилище предварительно датировано в пределах от неолита до этнографической современности [Алексеев, Дьяконов, 2013].

Святилище Эргеджей расположено в устье р. Эргеджей (Эргеджей > Джерба > Лена), в месте впадения её в р. Джерба, в 45 км на ССВ от святилища Джампа. По фотографиям, полученным от информантов, ясно, что в устье р. Эргеджей находится скальный останец, обильно расписанный древними художниками, и бывший, судя по всему, объектом почитания древних охотников и рыболовов. По фотографиям визуально определяются зооморфные, антропозооморфные и антропоорнитоморфные фигуры, неопределимые пока фигуры-знаки, а также большое количество рядов пятен-чёрточек и антропоморфная фигура, аналогичные таковым на писаницах Джампа и Тинная. Рисунки выполнены красной и бордовой охрой. Школьники г. Ленска, в 2010 г. побывавшие у святилища Эргеджей, обнаружили возле скалы с рисунками жертвенные материалы – деревянное древко стрелы и два костяных предмета (наконечники стрел?) [Дьяконов, 2013б].

В 2013 г. Ленским отрядом археологической экспедиции ИГиПМНС СО РАН под руководством автора в ходе обследования территории Чаюдинского НГКМ был осуществлен 400-километровый сплав на резиновых лодках по р. Нюя от устья руч. Арга-Алды до с. Орто-Нахара. При этом непосредственно на территории Чаюдинского месторождения было открыто две новые стоянки древних людей: Усть-Хамакы и Сюльдюкяр Нюйский [Дьяконов, 2015].

Стоянка Усть-Хамакы находится в 96,4 км к северу-северо-западу от пос. Витим, в 194,5 км к западу-юго-западу от г. Ленска, на территории Чаяндинского НГКМ, в районе высокого 15-метрового правого приустьевых мыса р. Хамакы, приблизительно в 1,1 км выше устья р. Хамакы. На памятнике были проведены подъёмные сборы и заложено 3 шурфа общей площадью 6 м². Культурный слой залегает сразу под дерном в красновато-коричневом суглинке. Судя по керамике и каменному инвентарю, стоянка Усть-Хамакы содержит смешанные остатки сумнагинской мезолитической культуры (торцовый нуклеус, фрагменты микропластин), сылахской раннеолитической культуры (фрагмент сетчатой керамики), ымыяхтахской позднеолитической культуры (фрагменты керамики с примесью шерсти в тесте), усть-мильской культуры бронзового века (тонкостенная гладкостенная керамика). На памятнике, возможно, присутствуют артефакты белькачинской среднеолитической культуры, а также раннего железного века, хотя это пока не доказано. Стоянка предварительно датируется в хронологических рамках IX тыс. до н.э. – V в. н.э. [Там же].

Стоянка Сюльдюяр Нюйский находится в 75,1 км к северу-северо-западу от пос. Витим, в 179,4 км к западу-юго-западу от г. Ленска, на территории Чаяндинского НГКМ, на левом берегу р. Нюя, в районе левого приустьевых мыса р. Сюльдюяр, на относительно ровной 10–18-метровой мысовидной возвышенности, расположенной у подножия высокой террасы. На памятнике было заложено 3 шурфа общей площадью 3 м². Во втором шурфе, разбитом в южной части памятника, был выявлен культурный слой. В верхней части красновато-коричневого (рыжего) поддернового суглинки непосредственно на контакте с дерном были найдены фрагмент гладкостенного (?) керамического сосуда и железный нож. В сборах найден кремневый отщеп. Стоянка, судя по полученному материалу, предварительно датируется в широких пределах – от неолита до позднего средневековья – нового времени (V тыс. до н.э. – начало XX в. н.э.) [Там же].

Таким образом, за все годы исследований на территории Ленского района Республики Саха (Якутия) было открыто около 50 разнообразных

памятников археологии, что предполагает большие перспективы для полноценного научного археологического изучения Ленского района Республики Саха (Якутия) и юго-запада республики в целом.

Полученные данные могут быть использованы для подготовки научных отчетов археологическими экспедициями, работающими в этом регионе, а также Департаментом по охране культурного наследия Республики Саха (Якутия) для обновления списка выявленных объектов археологического наследия.

Источники и литература

Алексеев А.Н. Работы на Лене, Олёкме и Чаре // Археологические открытия 1985 года – М.: Наука, 1987. – С. 220–221.

Алексеев А.Н., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Симокайтис Т.Б., Строгова Е.А. Работы в Якутии в 2011–2013 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. – М.: Ин-т археологии РАН, 2015. – С. 552–556.

Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Святилище Джампа – новый памятник древних обитателей Ленской тайги // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 460–468.

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Черосов Н.М. Основные итоги и задачи исследований археологической экспедиции Якутского университета // Археология Якутии. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. – С. 5–15.

Бравина Р.И. Отчет о работах Верхневиллючанского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по археологической разведке земельного участка для строительства разведочных скважин №№ 125-12, 125-13 Верхневиллючанского нефтегазоконденсатного месторождения на территории Сунтарского и Ленского районов Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2017 // Архив ИА РАН. – № 51601. – 82 с.

Дьяконов В.М. Отчёт о работах Южно-Якутского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по объекту «Магистральный газопровод Якутия – Хабаровск – Владивосток» в составе стройки ПИР будущих лет (код стройки 001). Объекты линейной инфраструктуры магистрального газопровода на участке «Чаяндинское НГКМ – г. Ленск» на территории Ленского района Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2013а // Архив ИА РАН. Р-1. №34461. – 207 с.

Дьяконов В.М. Древние святилища Ленского района Республики Саха (Якутия) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр.: в 2 т. / гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. Д. Дж. Андерсон, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013б. – Т. 2. – С. 251–255.

Дьяконов В.М. Археологические памятники реки Нюя (Юго-Западная Якутия) // Человек и Север: антропология, археология, экология. Материалы Всероссийской конференции, г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. – Вып. 3. – С. 115–120.

Жукова Л.Н. Отчёт о работах Южно-Якутского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по объекту «Магистральный газопровод «Якутия–Хабаровск–Владивосток» в составе ПИР будущих лет (код стройки 001). Участок Ленск–Сковородино. Вариант 2» на территории Ленского и Олёкминского районов Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2011 года. – Якутск, 2012 // Архив ИА РАН. Р-1. №30992, 30923. – 335 с.

Жукова Л.Н. Отчет о работах Ленского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по объекту «Приемо-сдаточный пункт нефти и узел подключения объектов нефтедобычи ЗАО «Иреляхнефть» к магистральному нефтепроводу системы Восточная Сибирь – Тихий океан на НПС №12» на территории Ленского района Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2016 // Архив ИА РАН. – № 51409. – 66 с.

Загорулько А.В. Научный отчет об археологическом обследовании магистрального газопровода «Якутия–Хабаровск–Владивосток» г. Ленск – Чайндинское НГКМ в 2010 г. – М., 2012 // Архив ИА РАН.

Кирьянов Н.С. Отчет о проведении археологической разведки на территории бассейна р. Телгеспит в 2008 г. в Ленском районе Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2009 // Научно-отраслевой отдел ИА РАН. Ф. 1, Р-1. – № 43126.

Кистенёв С.П. Отчет о работе разведочной группы Ленско-Витимского отряда ПАЭ в сезоне 1975 г. – Якутск, 1975 // Архив ИА РАН. Р-1. №5887. – 20 с.

Кистенёв С.П. Работы Нюйского отряда Приленской экспедиции // Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 245.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1994. – 262 с.

Макаров И.В. Научный отчет о работе Приленского отряда Берингской археологической экспе-

диции по теме: «Археологическое обследование площадей земельных участков, планируемых ОАО «Сургутнефтегаз»: НГДУ «Талаканнефть» и трест «Сургутнефтедорстройремонт» к отводу в 2007 и последующих годах на территории Ленского района Республики Саха (Якутия)». Том I. – М., 2008а // Архив ИА РАН. – № 48231.

Макаров И.В. Научный отчет по теме: «Проведение историко-культурной экспертизы земельных участков, предусматриваемых под строительство нефтепровода «Среднеботуобинское НГКМ – трубопроводная система ВСТО» с узлом подключения в г. Ленск на территории Ленского района РС (Я)». Том II. – М., 2008б // Архив ИА РАН. – № 48232.

Макаров И.В. Научный отчет о работе Приленского отряда Берингской археологической экспедиции по теме: «Археологическое обследование площадей земельных участков, планируемых ОАО «Сургутнефтегаз»: НГДУ «Талаканнефть» и трест «Сургутнефтедорстройремонт» к отводу в 2007 и последующих годах на территории Ленского района Республики Саха (Якутия)». Том I. – М., 2009а // Архив ИА РАН.

Макаров И.В. Научный отчет о работе Приленского отряда Берингской археологической экспедиции по теме: «Археологическое обследование территории, испрашиваемой под строительство «ВЛ 110 кВ (220) «Пеледуй–Витим в Ленском районе Республики Саха (Якутия)». Том II. – М., 2009б // Архив ИА РАН. – № 43146.

Макаров И.В. Научный отчет по теме: «Археологическое обследование трассы ВЛ 220 кВ в Олекминском, Нерюнгринском и Ленском районах Республики Саха (Якутия) в 2012 г.». – М., 2013 // Архив ИА РАН. – № 46733.

Макаров И.В. Научный отчет по теме: «Работы Северо-Восточной археологической экспедиции в Ленском районе Республики Саха (Якутия) в 2015 г.». – М., 2015 // Архив ИА РАН. – № 45220. – 68 с.

Максименков Г.А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // Советская археология. – 1960. – №1. – С. 148–162.

Мочанов Ю.А. Отчет о работе Приленской археологической экспедиции ЯФ СО АН СССР в 1970 г. – Якутск, 1970 // Архив ИА РАН. Р-1. № 5224, 5225.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 263 с.

Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России): в 2 томах / ЦААПЧ АН РС (Я). – Т. 2. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2010а. – 594 с.

Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части

России): в 2 томах / ЦААПЧ АН РС (Я). – Т. 1. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2010б. – 548 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии (труды ПАЭ). – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 3–19.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленёка. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Окладников А.П. Следы палеолита в долине р. Лены // Палеолит и неолит СССР / Под ред. А.П. Окладникова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 227–265. – (Материалы и исследования по археологии СССР. №39).

Окладников А.П. История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. I. – 430 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.

Симокайтис Т.Б. Отчёт о работах Ньюского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований АН РС (Я) на территории стоянки Усть-Нюя в Ленском районе Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2007 года. – Якутск, 2012 // Архив ИА РАН. Р-1. №30655. – 61 с.

Симокайтис Т.Б. Отчёт о работах Мирнинского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по объекту «Поисковые скважины №1 и №2 Бюкского лицензионного участка» на территории Мирнинского и Ленского районов Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2014 // Архив ИА РАН. Р-1. №41447. – 45 с.

Строгова Е.А. Отчёт о работе Южно-Якутского отряда археологической экспедиции ИГИИПМНС СО РАН на лицензионном участке Чаяндинского НГКМ в Ленском районе Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2011 г. – Якутск, 2012 // Архив ИА РАН. Р-1. №30629.

Тетенькин А.В. Археологическое обследование территории, трассы трубопровода «Расширение трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан». Участок, пролегающий по Ленскому району Республики Саха (Якутия) в 2006 г. – Иркутск, 2007 // Архив ИА РАН. – № 27487.

Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии (Тр. ПАЭ). – Якутск: Кн. изд-во, 1970. – С. 128–142.

Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

Федосеева С.А. Работы в бассейне средней Лены // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 218–219.

Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник (типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии: труды ПАЭ. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 94–104.

Эртюков В.И. Работы Витимского отряда // Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 291.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

V.M. Dyakonov

Map of the archaeological sites of the Lensky region of Yakutia: new materials and updates to the existing list

The article sums up the results of the archaeological studies of the Lensky district of the Republic of Sakha (Yakutia). The great contribution to the archaeological study of the region was made by the Lenskaya Historical and Archaeological Expedition, the Prilenskaya archaeological expedition of the Yakutsk Branch SB AS USSR, the archaeological expedition of the Yakutsk State University and the archaeological expedition of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS. As a result of many years of works, about 50 various archaeological objects (sites, burials, petroglyphs, sanctuaries) of various chronological ranges from the Paleolithic to ethnographic modernity were discovered here. All objects of archeology are confined to the banks of the rivers Lena, Vitim, Peleduy, Nuya, Djerba, Jampa. Industrial development of the South-West of the Republic, associated with the development of the oil and gas complex, creates prospects for intensifying of archaeological research in the region.

Keywords: Yakutia, Lensky district, Lena river, Vitim, Peleduy, Nyuya, Djerba, Jampa, archaeological sites, petroglyphs, sanctuaries, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Paleometal.

В.В. Ушницкий

Хоролоры Якутии: история вопроса (анализ и новейшие интерпретации)

В данной статье анализируется роль хоролоров в этногенезе саха, которых считали сыновьями Солнца и которые почитали Орла и Ворона. Якутских хоро связывали с забайкальскими хоринцами и также считали хоринцами. Хоринцев в свою очередь связывают с курыканами, хор-шивеями, с монгольскими племенами хорласов и хорчин. Отдельной фратрией хоринцев считаются туматы и батулинцы, также имеющиеся в родовом составе саха. Исследуется возможность этнической связи хоролоров с баргутами и даурами – монголоязычными народами, проживающими во Внутренней Монголии, а также с хоораями (самоназвание хакасов). В фольклорных текстах подчеркивается, что хоро имели собственный язык, которым пользовались шаманы в своих камланиях. Анализируется этимологическая связь якутского слова хоро с этнонимами хорваты, хурриты-хор (поклонники культа Солнца-Хорса), юэчжэми-хор и тохары, а также с Корё-Когурё и др. Таким образом, термин хоро имеет и северные параллели, и центральноазиатские, что связывает предков саха с предками монголоязычных народов.

Ключевые слова: история Якутии, этногенез народа саха, фольклор, монголоведение, Центральная Азия, забайкальские буряты, хоринцы, историография, культ Солнца, шаманский язык.

Этническая принадлежность народов всегда являлась дискуссионным и политизированным вопросом, так как позволяет представителям одних народов претендовать на территорию других. Так, на Северном Кавказе идут настоящие «исторические» войны между карачаево-балкарскими, аланскими и чечено-ингушскими авторами в вопросе об историческом наследии Аланского государства. В Республике Бурятия сложилась прекрасная школа монголоведов, которые с научных позиций разрабатывают теории монголоязычной этнической принадлежности туматов, хоринцев, баргутов и т.д. В Якутии научное изучение средневековых народов Байкальской Сибири, к сожалению, прервалось после ухода из жизни учеников основателя иркутской исторической школы Б.Э. Петри – Г.В. Ксенофонтова и А.П. Окладникова. Чтобы претендовать на исторические памятники в Байкальской Сибири и участие предков в исторических событиях средневековья, надо выдвигать научные концепции и, исходя из слов якутского языка, разрабатывать этимологическую доказательную базу.

Проблема хоринского компонента в этническом составе якутского народа имеет обширную

историографию. Но авторов в основном интересовал вопрос отождествления хоролоров Якутии с хоринцами Бурятии в связи с наличием бурят-монгольского компонента в этногенезе народа саха. Историографические сведения по хоринскому участию в этногенезе саха приведены в работах Г.В. Ксенофонтова, А.П. Окладникова, И.В. Константинова и А.И. Гоголева. Специально участие хоринского компонента в этногенезе саха в связи с наличием родов хоро в Якутии изучал Б.Р. Зориктуев [2011], а также Л.П. Герасимова, успешно защитившая в 2007 г. в г. Улан-Удэ кандидатскую диссертацию на тему «Несказочная проза хоролоров: традиция бытования» [2010].

В советской историографии было принято отождествлять гулиганей-курыкан VI–VII вв. и кури-фури арабо-персидских источников X в. с кули-кори китайских и арабо-персидских источников XIII в., а также хори-туматами монгольских источников XIII в., бурятскими хоринцами и якутскими хоролорами, затем, некоторыми исследователями, – с куралас-горлос, Корё-Когурё, хорватами и даже коряками. Чтобы подтвердить или опровергнуть это, прежде всего, надо проанализировать территориальное расположе-

ние и возможную этническую принадлежность носителей этнонима, затем изучить семантику этнонимов в различных языках.

В целом проблема хоролоров в изучении ранней этнической истории саха является ключевой темой. Результатом стали многочисленные дебаты и ряд статей, монографий и др.

Перейдем к сути вопроса. В арабо-персидских источниках X в. упоминается племя кури, живущее по соседству с кыргызами. Считается, что они являются переходным звеном между курыканами и хоринцами [Окладников, 1955; Дашибалов, 2003]. К VII в. относится последнее упоминание гулиганей-курыканов в письменных памятниках. Гулиганы входили в состав племен теле, а курыканы были одним из девяти племен тогуз-огузов, что одно и то же. Таким образом, искомые курыканы могли в составе огузских племен откочевать в пустыню Каракумы и дальше – в Закавказье и в Малую Азию.

В «Сокровенном сказании монголов» (далее – ССМ) XIII в. упоминаются хори-туматы из состава «лесных народов». Сообщается, что туматы оказали ожесточенное сопротивление монгольской армии в отличие от хори, которые считались родственниками монгольских ханов. Еще во времена легендарного предка монголов Добун-Мергена к Бурхан-Халдуну прикочевало племя хорилар, отколовшееся от единого племени хори-туматов [Козин, 1941].

В китайских источниках XIII в. есть сведения о племени кули, а в сочинении персидского автора Рашид-ад-Дина – кури. Интересно, что, согласно Рашид-ад-дину, прамагерь монголов Алан-гоа происходит из племени куралас (хорлос), а согласно ССМ – из хори-туматов. Следовательно, многочисленные горлосы (кураласы) и, возможно, хорчины во Внутренней Монголии также являются потомками племени хори, которых принято считать ветвью средневековых курыканов. Однако курыканы, несмотря на отдельные публикации о их монгольском происхождении [Дашибалов, 2003], относились к тюркоязычным племенам теле-огузов. Следовательно, хори являются одним из основных компонентов при образовании средневековых монголов. Об этом свидетельствует наличие многочисленных племен, в названии которых присутствует корень хор, в составе современных внутренних монголов: хорлосов, хонкиратов, хорчинов.

Хоринцев в Бурятии также принято связывать со средневековыми курыканами. Так, Б.Б. Дашибалов [2003], согласно археологическим данным, прослеживает преемственную связь между курыканами и хори. Однако, согласно новым материалам, курыканы могли жить в Тункинской долине [Харинский, 2010, с. 229]. К тому же в пределах Прибайкалья не было единой курумчинской культуры [Там же, с. 229–238].

Как свидетельствуют китайские источники, именно курыканы-хори издревле скупали пушнину у охотничьих племен Крайнего Севера. Об этом говорят, прежде всего, бурятские предания, согласно которым Барга-Батор с младшим братом Хоридоем отправился в Якутию, оставил там Хоридоя, сам вернулся обратно в Ольхон, где и был похоронен [Нимаев, 2007, с. 76]. Вслед за Д.Д. Нимаевым следует сказать, что данные якутские мотивы в бурятском фольклоре появились отнюдь неслучайно. Они свидетельствуют о том, что вся ленская магистраль являлась единой зоной для самых северных групп тюрков и монголов; в этом качестве всегда были представлены предки бурятов.

Возвращаясь к теме статьи, следует сказать, что будет нелогично выводить слова и элементы монгольского происхождения в якутской культуре от легендарных хоролоров, если учесть, что прародитель саха Омогой Баай принадлежал к монголам или народу «бырааскай», а Элэй – к народу «татаар», которые также считаются монголоязычными. Не найдено ни одной привязки – ни в этнонимах, ни в элементах материальной и духовной культуры, ни в лексических параллелях, ассоциирующихся с хоролорами, чтобы утверждать о их забайкальском, а именно хоринском происхождении. Находимые на Средней Лене берестяные гробы (когда трупы умерших заворачивают в бересту) население связывает с хоролорами, а археологи – с таежным населением: самодийцами и тунгусами [Дашибалов, 2003]. Обнаруженные Е.В. Стреловым остатки одежды в погребении хоролоров по своему покрою сходствуют с тунгусским кафтаном [Зориктуев, 1997, с. 51]. Также различаются тотемы у якутских хоролоров и бурятских хоринцев. Якутские хоролоры, по фольклорным источникам, относятся к потомкам Во-

рона. Бурятские хоринцы о себе говорят: «пра-мать наша Лебедь» [Ксенофонов, 1977, с. 118]. По якутской традиции лебедя почитают намцы и батулинцы – потомки Омогоя. Однако, согласно бурятским легендам, в древности хоринцы могли почитать в качестве прародителя Орла.

Отождествление якутских родов хоро с бурятскими хоринцами впервые было сделано участниками II Камчатской экспедиции и Северной экспедиции под руководством И. Биллингса [Этнографические..., 1978, с. 273–274; Гоголев, 1993, с. 117]. При этом непонятно, чем руководствовались исследователи XVIII в., говоря о происхождении хоро от хори-бурятов: простым созвучием этнонимов или тем фактом, что якутские хоролоры того времени четко помнили свое забайкальское происхождение?

Очень интересные сведения о хоролорах есть в «портфелях» Г.Ф. Миллера. Из них можно сделать вывод о том, что якуты вплоть до середины XVIII в. состояли из двух фратрий (у него «поколений». – *В.У.*), имевших тотемы Орла и Лебедя [Элерт, 2001, с. 115]. Тотем Лебедя он связывает с батулинцами, а Орла – с хоро (у него хоринцы. – *В.У.*), относя все якутские роды к этим двум фратриям. Даже кангаласцев он относит к хоринцам, почитателям Орла. Таким образом, хоро – не иноплеменники в составе якутского народа, а его этническая основа, сыгравшие такую же роль, как восточные славяне или древние русы в образовании русского народа.

Мнение об участии иноэтнического компонента в этногенезе саха исходит из наличия отдельных родов хоро в составе единого якутского народа. Роды хоро распространены по всей территории огромной Якутии. Их миграцию можно проследить по сведениям из фольклорных источников и письменных материалов. В частности, из них следует, что из-под Хатасс (пригород г. Якутска) хоро ушли в нынешний Верхневилуйский улус, оттуда – на территорию современного Сунтарского улуса и т.д. На север, в район рр. Яна и Колыма, хоро стали переселяться из Центральной Якутии с начала XVII в.

Сохранились легенды о приходе человека по имени Улуу Хоро, третьего прародителя саха, на озеро Мюрю (территория современного п. Борогонцы) через рр. Алдан, Амга, Таатта, который и дал эти названия [Боло, 1994, с. 41]. Действи-

тельно, топонимы Алдан, Амга и Таатта связываются с монгольскими словами [Иванов М.С., 1985], в частности, топоним Алдан – с названием даурского рода ардан, а Таатта – с сакральным возгласом хоринцев «Гатай», восходящим к божеству бурятов Тат.

В этой связи интересно проследить связь хоро с даурами – монголоязычным народом XVII в., жившим в Приамурье и Восточном Забайкалье. По одной версии дауры, имевшие архаичный монгольский язык, считаются прямыми потомками киданей (искомые китайцы – кытай), по другой – носителей покровской культуры – дагоу шивей [Цыбенков, 2008]. Согласно Б.О. Долгих [1960], в переписных документах XVII в. в отдельных якутских волостях встречались один-два даура как представители чужого народа. Хоролоры упоминаются отдельно как представители якутского рода, жившие по рр. Таатта, Амга, Алдан [Там же, с. 498]. Отдельно упоминается Хоринская волость, которая располагалась на территории будущего Намского улуса.

Таким образом, намечается путь переселения хоро через Джугджурский хребет вдоль рр. Олекма и Витим из Приамурья. Через него ходили на Амур казачьи отряды атаманов В. Пояркова и Е. Хабарова, по устной истории вдоль р. Амга пролегал путь в Китай. Через Витим и Баргузинскую тайгу, туда и обратно кочевали оленные группы тунгусов, потом отступали отряды белых. Следовательно, прибывшие из Маньчжурии в Забайкалье в начале XVII в. представители хоринских родов могли проложить путь через нее на территорию Якутии. Однако этнографических и археологических материалов, свидетельствующих о связях хоролоров с даурами и хоринскими бурятами, не сохранилось. Любопытно, что на Амуре среди местных народов широко встречаются топонимы и этнонимы с корнем хор. При этом вряд ли имеет смысл искать корни хоролоров в далекой Корее, связывая их с палеоазиатами Корё-Когурё [Зориктуев, 2011, с. 185–191]. Поэтому можно задать вопрос о том, не связан ли этноним хор-хоро с тунгусским компонентом в этногенезе саха? Ведь южные эвенки-тунгусы – больше скотоводы, чем охотники и оленеводы. К тому же группы тунгусского населения, обитающего в различных природно-географических ландшафтах, под общим названием тунгус и эвенк

сначала стали обозначать именно в русских письменных документах. Южные предки тунгусов, проникавшие из Амура на территорию Якутии, вполне могли именоваться хоро.

Легендарные хоролоры осели на озере Мюрю [Исторические предания ..., 1960, с. 41]. Согласно историческим преданиям, они были разгромлены сыновьями Тыгына во главе с Чаллаайы и Бёдьёкё [Ксенофонов, 1992]. Эти сведения подтверждаются обнаруженными документами о разгроме Подгородней волости сыновьями Тынины – Откураем и Челаем (на якутском – Ёлькёрёй и Чаллаайы) [Миллер, 2005]. Ранее нами утверждалось, что под Подгородней волостью в этом документе фигурирует Борогонская, так как Ленский острог тогда мог располагаться на её территории. Однако вполне возможно, что под этим названием скрываются хоролоры долины Туймаады, проживавшие в местности Хатас, рядом с Якутским острогом, тогда расположенным на территории современного города. К тому же есть легенда о проживании хоро в долине Туймаада рядом с озером Ытык-Кюёл и истреблении их Тыгыном. По другой легенде, хоро с юга прибыли в долину вместе с Тыгыном [Боло, 1994, с. 41].

Таким образом, хоро которые имели тотемом Орла, с одной стороны, вроде являются отдельным родом в составе саха, с другой – к ним относятся также кангаласцы и другие крупные роды. Такое их двойственное упоминание в этногенезе саха подразумевает более широкое их участие в этом процессе и наличие поздних остаточных элементов этого легендарного племени внутри единого народа. Представляет интерес мнение амгинского краеведа М.А. Алексеева о том, что ранее бётёнгцев, борогонцев именовали хоролорами [Алексеев, 2001, с. 23–25]. В волках-бётёнгах можно увидеть родственников племен с тотемом Волка – буртэ-чиносцев, а в борогонцах с предками Барга Баатыр, Боркутай, согласно Я.И. Линденау, – баргутов. В бурятском историческом фольклоре сохранились легенды о проживании предков бурятского народа Барга-Батора и Хоридай-Мергена на Нижней Лене и женитьбе первого на дочери неба, от которого родился второй прародитель, умерший в Якутии. Предводитель хоролоров Сынгах Амыыкан, в легендах разгромленный сыновьями Тыгына, отождествляется с именем отца борогонского

тойона Лёгёя – Амукан, князец официально именовался Лёгёй Амуканов.

По этой причине хоролоров можно сопоставить с баргутами, вплоть до середины XVII в. обитавшими, по одним данным, на территории Баргузинской котловины, а по другим – на Нижнем Амуре. Оттуда они вполне могли проникнуть на территорию Якутии. Известно, что баргутов эвенки именовали корчунами (хорчинами). Баргутский язык, т.е. язык шэнэ баргутов (старых баргутов), относится к языкам с неопределённым статусом. Одни считают его диалектом бурятского языка, другие относят к отдельной группе барга-бурятских языков.

Поэтому коснемся так называемого «хоролорского» языка, который считался тайным, шаманским языком. Как и все шаманские языки, он кажется вымышленным, искусственным языком. Небольшое четверостишие из шаманского камлания на хоролорском языке приводится в труде С.И. Боло [1994, с. 158] большой отрывок есть в труде А.А. Попова [2008].

Интересно, что хоринцы Забайкалья XVII в. также именовались «коринцами и батулинцами». При этом хоринцев связывали с галзутовскими родами с культом Собаки, т.е. монголоязычных предков хоринцев связывали с тотемным образом волка-собаки. Этих загадочных батулинцев одни бурятские исследователи считают потомками туматов [Румянцев, 1962, с. 140], другие – тюркоязычных найманов [Цыдендамбаев, 1972, с. 226].

В целом проблема батулинцев состоит в том, что вместе с хоринцами они образуют единое племя. Много неясного в этнических контактах между хоринцами и туматами, хоринцами и баргутами, хоринцами и бурятами (булагатами), хоринцами и ойратами, а также хоринцами и собственно монголами (буртэ-чиноевцами). Так, некоторые считают туматов военизированной группой, «мужским союзом» хоринского племени [Цыбикдоржиев, 2004].

Сами хори-туматы, как буряты и ойраты, согласно генеалогическим преданиям бурят [Румянцев, 1962] и летописям монгольского времени [Рашид-ад-Дин, 1952], входили в состав баргутского объединения. Так, баргутов эвенки и другие соседи именовали хорчинами. Считается, что название народа хорчин, проживавшего во Внутренней Монголии, происходит

от одноименного названия «хорчин» – ‘стрелок’. Название же другого монгольского племени «куралас» (горлос) непосредственно связывается с хориларами [Там же].

Согласно «Сокровенному сказанию монголов» [Козин, 1941], хоринцы отделились от туматов, об их двойном наименовании говорится только применительно к временам до эпохи легендарной прародительницы Алан-Гоа, которая могла жить в VII в. н.э. Если считать туматов потомками раннесредневековых дубо, которые были частью древних уйгуров, то хори можно отнести к потомкам гулиганей. Алан-Гоа была дочерью Хорилартай-Мергена, отождествляемого с легендарным предком хоринцев Хоридой-Мергеном, и происходила от дочери Баргучжин-Гоа.

Этническая картина усложняется еще тем, что термин хоорай выступает в качестве самоназвания хакасского народа [Бутанаев, 2008]. В X в. на востоке от кыргызов проживал народ «кури». В хакасских легендах упоминается, что в долине Абакана в старину жил богатый скотоводческий народ туматы [Бутанаев, Бутанаева, 2001]. Следовательно, легендарные хори-туматы могли быть коренным населением Минусинской котловины (Хакасско-Минусинской) и предками современного хакасского народа.

Мост между культурой хори и саха установлен в работе Р.Н. Дугарова [1996]. Наличие сакрального термина «Айа» в музыкальных возгласах хоринских бурят, отождествляемого с названием верховного божества саха Юрюнг Айыы Тойона, свидетельствует об этнической связи между саха и хоринцами [Дугаров Д.С., 1991, с. 231].

Хоролоры в фольклорных текстах делятся на два клана: Кус Хоро (Кус ‘Утка’) и Таба Хоро (Таба ‘Олень’). Кус Хоро живут на земле Кытат (Китай), где зимуют птицы. У Таба Хоро тотемом является Олень [Боло, 1994]. К тому же этноним хоро походит на слово оро, служащее для обозначения оленя в тунгусских языках, отсюда происходит другой известный этноним – *орочон* (в переводе «оленевод»). Более того, именно от слова к’оро «олень» производят самоназвание корякского народа. Термин хор, хоро встречается на территории Центральной Азии, поэтому не следует их связывать с северными оленеводами. Тотемный культ Ворона, связываемого в

якутском фольклоре с представителями рода хоро, существовал не только среди палеоазиатских народов, но и среди индейских племен Америки [Зориктуев, 2011]. Среди тюрко-монгольских народов достаточно приверженцев культа Ворона. Это и керейты, хонкираты, тюрки-шато. У усуней, соседей античных юэчжи, бытовала легенда, аналогичная якутской, о предке хоро, о спасении предка вороном, принесшим мясо в клюве [Зуев, 1967].

Следует отметить, что в тибетских текстах термином хор, хоро называют кочевые народы Центральной Азии, в основном монгольского происхождения, или территориально близких к ним (древних уйгуров, монголов). С другой стороны, кочевые тюркские народы называют еще сок, саг, что близко к самоназванию саха [Дугаров Р.Н., 1996]. Представляется интересным мнение Е.В. Павлова [2002], что в древности термином хор обозначали кочевые племена юэчжи иранского происхождения. Возможно, к этому восходит и название тохаров. В то же время рядом с ними в Центральной Азии кочевали племена саков, считавшихся азиатскими скифами.

По якутским традициям, только человек из рода хоро, как сын Солнца, имеет право зажигать огонь с помощью огнива [Ионов, 1912]. Поэтому нам непонятны утверждения о том, что шаманы, происходящие от хоро (черные шаманы), не имели права посещать Ысыах – культовый праздник в честь божеств Айыы. Видимо, такое мифологическое представление отражает двойственность участия хоролоров в этнических процессах. С одной стороны, связь с Солнцем подтверждает древность людей из рода хоро, а с другой – указание на их связь исключительно с черным шаманством говорит об аборигенных корнях этноса.

В связи с этим, возможно, правы исследователи, связывающие этноним хор, хори с племенами шивей (татар) в китайских источниках [Дашибалов, 2003; Румянцев, 1962, с. 126–128]. По китайской традиции, шивеев считали потомками динлинов. В советской науке вслед за трудами Г.Е. Грумм-Гржимайло [1926] было принято считать динлинов индоевропейцами, имеющими культ Солнца – Хорса.

Таким образом, этноним хор связывается с индоевропейским миром, а индоевропейские этнонимы – хорваты, хорутане, этнотопонимы

Хорасан и Хорезм – сопоставляются с именем хоринцев. Корень этих слов – хор, хорс, связывается с названием кругового танца – хоровода [Дашибалов, 2003]. При лечении болезней высекаемлем огня у саха мог быть человек только из хоринского рода. Исходя из этого Е.В. Павлов делает вывод, что хоро слыли людьми, имевшими солнечную – огненную природу [Павлов, 2002].

Отдельно хотелось бы остановиться на теме отождествления якутских хоролоров и бурятских хоринцев с носителями этнонима Корё-Когурё на Корейском полуострове [Дашибалов, 2003; Зориктуев, 2011]. Как видно из публикаций, размещенных в Интернете, основателей государства Когурё считают представителями тунгусского или японского этноса, оставшегося на азиатском континенте.

Как известно, хоринцы только в XVII в. перекочевали из Маньчжурии на территорию Забайкалья. Ни у одного из исследователей нет сомнения в существовании преемственности между хоринцами и хори-туматами XIII в. Более того, кроме Е.В. Павлова, никто из бурятских ученых не сомневается в хоринском происхождении добайкальских родов шарайтов, галзутов, нохой-уруков, проживающих на Верхней Лене. По их мнению, они являются потомками хоринцев XIII в., не ушедших с остальными хоринскими родами в Маньчжурию. Хотелось бы, чтобы якутские исследователи занялись темой происхождения этих родов. Возможно, именно они могли иметь отношение к предкам саха, проживавшим на Верхней Лене.

Надо полагать, что миграции народов происходили и в бронзовом веке. Они приносили с собой новые названия этносов, мифологические сюжеты и культурные элементы. Так, в Закавказье проживали хурриты – древний народ, самоназванием которых был этноним хор. У предков далеких армян, имеющих хуррито-урартское происхождение, было божество Ара, страну называли Хайастан.

Таким образом, таба хоро можно связать с монголоязычными шивеями, которые через Амур могли проникнуть на территорию Якутии и проживать на Средней Лене вплоть до прибытия потомков Омогая и Эллэя. Есть мнение о тунгусо-маньчжуроязычии этих шивеев. Более того, считается, что да-шивеи (большие шивеи) жили на территории Южной Якутии и в VII в.

н.э. Из Олекмы они стали проникать на территорию Амура и вытеснять оттуда другие племена шивеев [Нестеров, 2001]. А кус хоро можно связать с южными, монголоязычными шивеями-татарами на территории Внутренней Монголии, которые вместе с тюркоязычными сог-по – татарами сформировали кочевой союз буирнурских татар.

Литература

- Алексеев М.* Ааттамат айан аартыга // Илин. – 2001. – № 2. – С. 23–25.
- Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Бичик, 1994. – 320 с.
- Бутанаев В.Я.* Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. – 376 с.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.* Хакасский исторический фольклор. – Абакан, 2001. – 148 с.
- Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 220 с.
- Герасимова Л.П.* Несказочная проза хоролоров: традиция бытования: автореф. дис... канд. филол. наук. – Якутск, 2010.
- Гоголев А.И.* Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.
- Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. II. – Л., 1926. – 523 с.
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М: Тов-во «Клышников и Комаров и К», 1993. – 520 с.
- Дашибалов Б.Б.* Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 124 с.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- Дугаров Д.С.* Исторические корни белого шаманства на материале обрядового фольклора бурят. – М., 1991. – 302 с.
- Дугаров Р.Н.* Об этнониме хор (хури) // Монголо-бурятские этнонимы: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – С. 51–57.
- Зориктуев Б.Р.* Прибайкалье в середине VI – начале XVII вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – С. 51.
- Зориктуев Б.Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Вост. литература, 2011. – 278 с.
- Зув Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: дис... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967.

- Иванов В.Ф.* Историко-этнографическое изучение Якутии XVII–XVIII вв. – М., 1974. – 284 с.
- Иванов М.С.* Дойду сурахтаах, алаас ааттаах («Топонимы Якутии»). – Якутск: Бичик, 1982. – 232 с.
- Иванов М.С.* Топонимика Якутии (краткий научно-популярный очерк). – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 144 с.
- Ионов В.М.* Орел по воззрениям якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. 1, вып. XVI. – 1912. – СПб., 1913. – С. 1–28.
- Исторические предания и рассказы якутов. – Ч. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 322 с.
- Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник / Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т.1. – С. 5–122.
- Ксенофонов Г.В.* Ураангхай-сахалар. – Якутск, 1999.
- Ксенофонов Г.В.* Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск: Наука, 1977. – 245 с.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. – Т. III. – М.: Вост. литература, 2005.
- Нестеров С.П.* Этнокультурная история народов Приамурья в эпоху раннего средневековья: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2001 [Электронный ресурс]. Информационный ресурс сектора информатики ИАЭТ СО РАН Sibirica. Портал «Археология и этнография Севера Азии». Режим доступа: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/>
- Нимаев Д.Д.* Монгольские народы: этническая история и современные этнокультурные процессы. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос.ун-та, 2007. – 146 с.
- Окладников А.П.* Якутия до присоединения к Русскому государству. – Т.1. История Якутской АССР. – М.; Л., 1955. – С. 400–428.
- Павлов Е.В.* Вариативность уранического пантеона западных бурят и этническая история Предбайкалья // Этническая культура: история и современность. – М.; Улан-Удэ: Изд.-полигр.компл. ВСГАКИ, 2002. – С. 32–62.
- Попов А.А.* Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа. – 2-е изд. – Новосибирск: Наука, 2008. – 458 [5] с. : ил., портр.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 1, кн.1. – М.; Л.: Вост. литература, 1952. – 221 с.
- Румянцев Г.Н.* Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ: Кн. изд-во, 1962. – 268 с.
- Харинский А.В.* Курумчинская культура Прибайкалья в свете новых археологических данных // Этногенез и культурогенез в Байкальском средневековье (средневековье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 191–205.
- Цыбенков Б.Д.* Происхождение дагуров // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Элиста, 2008. – С. 67–74.
- Цыбикдоржиев Д.В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 334–362.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.
- Элерт А.Х.* Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: сб. науч. тр. – Вып. 21. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 285 с.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. / сост. З.Д. Титова. – Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1978. – 174 с.

V.V. Ushnitskiy

Khorolors of Yakutia: History of the issue (analysis from Earliest Times)

This article deals with the problem of the horolors in the ethnogenesis of Sakha, who were considered the sons of the Sun, and who revered the Eagle and the Crow. The Yakut people were well associated with the Trans-Baikal Chorintsey, and this was so strengthened in the scientific literature that they are also considered the Chorinians. Horintsey, in turn, is associated with the Kurykans, Chorus shivei, with Mongolian tribes, the Horlases and Horchins. A separate phratry of the Chorintsey is considered to be the Tumat and Batulintsey, also found in the generic Sakha. The possibility of ethnic connection of the chorolors with bargots and dauri - Mongolian-speaking peoples living in Inner Mongolia, as well as with the Hoorai (the self-name of the Khakas) is being explored. In folklore texts are emphasized that they had their own language, their language was used by shamans in their rituals. The etymological relationship of the Yakut

word Horo with ethnonyms Croats, Hurrit-choir (worshippers of the cult of the Sun-Horse), with the Yuezhi-Choir and Tokhars, the Paleo-Asiatics of Kore-Korea, and the Tungus word k'or are derived from the Koryak derivative. Thus, the term horo has both northern parallels and Central Asian, linking the ancestors of Sakha with the ancestors of Mongolian-speaking peoples.

Keywords: the history of Yakutia, the ethnogenesis of the Sakha people, folklore, Mongolian studies, Central Asia, Trans-Baikalian Buryats, Chorinty, historiography, the cult of the Sun, shamanic language.

82-343.581+82-343.554

Л.Н. Жукова

Древнекитайский и юкагирский мифы о сотворении человека: сюжетное и структурное сходство

Анализируются в сравнительном плане юкагирский и древнекитайский мифы о создании человека. Обнаруживается структурное и семантическое сходство; рассматриваются фольклорно-мифологические образы предков юкагиров по женской и мужской линии, претерпевшие под влиянием христианизации и затем, в конце XX в., существенные трансформации. Особое внимание обращено на реконструирование древнего растительнозооантропоморфного образа прародительницы по женской линии. Объясняется присутствие в древнекитайском мифе единоличного образа матери-прародительницы, богини Нюйвы, а в юкагирском – двух мужских demiургов-антагонистов: Христа и его антипода из арсенала юкагирского пантеона – чёрта Острая Голова.

Ключевые слова: Северо-Восток Азии, юкагиры, первопредки, библейский образ, древний Китай, мифология.

В исследованиях по истории и культуре народов Северо-Востока Сибири содержатся отдельные сведения о присутствии китайских элементов. В частности, о наличии их в украшениях юкагирской одежды писали В.И. Иохельсон и Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок).

В.И. Иохельсон предположил в качестве одного из возможных вариантов, что железные изделия юкагиры могли получать через тунгусов из Китая. Описывая бронзовые пластины круглой формы с изображением лошади, которыми украшали женские передники, он высказался об их китайском или западно-тюркском древнем происхождении [Иохельсон, 2005б, с. 631–632].

О роли тунгусов в истории юкагирской культуры и получении через них из районов Дальнего Востока металлических изделий писал Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок): «Ламуты (эвены. – Л. Ж.) принесли в этот край культуру Дальнего Востока, китайскую, которая до этого подверглась изменению и преломлению у мань-

чжуров, удэ, гольдов, гиляков и др... Те побрякушки, украшения и амулеты, которые находили у одулов (у ламутов) всевозможной формы – развилчатые, лапистые, хвостовые – не что иное, как изображения морских обитателей (крабы, спруты) и «обитателей» земли – драконов, тигров и т.д... Орнамент из бисера, из разноцветных лоскутков и страсть одулов к ярким цветам – все это явление или влияние Д[альнего] В[остока]... многие явления материальной и духовной культуры указывают нам на перенятую, но неизвестную до сих пор культуру, берущую начало с Д[альнего] В[остока]» [Спиридонов, 1996, с. 16]. На одежде лесных юкагиров, далее продолжает Н.И. Спиридонов, «пришиваются металлические (медные) кружки различной формы, снабженные рожками, поясками и т.д., очевидно пришедшие с Дальнего Востока, символизировавшие некогда лики китайских драконов и демонов» [Там же, с. 32]. К сожалению, проверить такие высказы-

вания затруднительно из-за отсутствия материальных предметов.

Фольклор юкагиров сохранил возможные следы схожего с древнекитайским способом захоронения детей в котле [Жукова, 2012, с. 319–323; Кучера, 1977, с. 63].

Исследователь древних культур Якутии, археолог А.П. Окладников [1955, с. 129], высказал предположение, что поздненеолитическая традиция покрывать сосуды вафельным или шашечным техническим штампом, известная на неолитических сосудах Якутии, могла впервые появиться «в Китае, у первых земледельцев Дальнего Востока». Он же сопоставил бронзовые мечи, найденные в Якутии на рр. Виллой, Алдан, с древнекитайскими [Там же, с. 150].

Интересно, что якутские трехногие чороны из дерева имеют близкие параллели с древнекитайскими неолитическими сосудами, изготовленными из глины [Кучера, 1977, с. 72, 74].

С древними китайскими иероглифами много общего имеют наскальные рисунки бронзового века Южной и Центральной Якутии [Алексеев, Пеньков, 2006]. О том, что Якутия с древних времен посещалась выходцами из Китая, свидетельствуют грунтовые захоронения в средне-неолитическом погребальном комплексе на горе Туой-Хая на Виллое [Федосеева, 1968, с. 39]. Мы доказали, что это типичный жертвенный погребальный обряд, носивший в древнем Китае название «поясничная яма» или «собачья яма» с отдельным захоронением головы и тела человека и собаки [Жукова, 2012, с. 315–318; Кучера, 1977, с. 116, 172]. В позднее время предметы китайского происхождения обнаружены в атрибутике якутских шаманов [Бравина, Дьяконов, Степанов, Масумото, 2015].

В связи с этим особый интерес представляют исследования генетиков. Результаты анализа генетических взаимоотношений демонстрируют, что «по спектру материнских линий юкагиры ближе к урало- и алтаеязычным этносам, чем к палеоазиатам... Y-генофонд юкагиров [содержит] достаточно редкую для Якутии гаплогруппу О, характерную для популяций Китая и Дальнего Востока» [Федорова, 2008, с. 170–171].

Некоторые параллели обнаруживаются при сравнительно-сопоставительных исследованиях юкагирских этиологических мифов о потопе

и последующем устройстве мира с древнекитайскими текстами [Жукова, 2015; 2016а]. Анализ юкагирской и китайской версии известного сибирского мифа о небесной погоне показал, что оба текста восходят к общему источнику [Жукова, 2016б].

В сопоставлениях с древнекитайской мифологией опорными для нас были труды китайских авторов [Юань Кэ, 1987], российских и зарубежных китаеведов [История древнего Востока, 2007; Кучера, 1977; Крюгер, 2006; Крюков, 1988; Рифтин, 1978, 1980, 1987; Яншина, 1984].

В космогонических мифах лесных юкагиров (одулов), ставших известными в конце XX в., основными действующими персонажами часто выступают демиурги-антагонисты Христос и черт/Сатана, что свидетельствует о значительном влиянии библейского сказания на картину мира и мифологию одулов. Надо отметить, что подобные мифы о Христе распространены среди народов Якутии (тундровые юкагиры, эвены, эвенки, якуты), но значительный цикл текстов записан только от лесных юкагиров. В конце XIX в. у смешанного населения р. Анадырь (юкагиры разных групп, коряки, эвены, русские) безымянные добрый и злой духи создают сушу и человека [Дьячков, 1992, с. 231–232].

В настоящей статье обратимся к одульскому и китайским мифам о сотворении человека.

Китайские мифы о сотворении человека имеют несколько версий. Самой распространенной является версия о брате и сестре, Фуси и Нюйве, лепивших людей из глины. Есть варианты, в которых браку предшествует первая неудачная попытка лепки людей из глины [Рифтин, 1987, с. 388]. По одним версиям, создание людей происходит в первоначальные времена, сразу после создания Вселенной: «людей же в Поднебесной еще не было» [Юань Кэ, 1987, с. 39], по другим – после потопа как новое поколение очищенного человечества. Предания этого цикла различаются в разных местностях, у этнических китайцев и малочисленных народностей Юго-Западного Китая.

Существует ранняя версия, по которой только одна Нюйва лепила людей из глины от чувства одиночества.

«Ва – женщина-дух, в древние времена сотворившая все вещи в мире... В те времена, ког-

да земля отделилась от неба, хотя на земле уже были горы, реки, трава и деревья и даже птицы и звери, насекомые и рыбы, на ней еще не было людей, и потому мир был просторен и тих. По этой земле бродил великий дух – Нюйва... глядя на свое отражение, [Нюйва] вылепила нечто вроде маленькой девочки. Как только она поставила ее на землю... эта маленькая фигурка ожила, закричала “уа-уа” и радостно запрыгала. Ей дали имя Жень – “человек”... Нюйва... вылепила из глины множество человечков обоего пола... Затем они в одиночку и группами разбрелись в разные стороны... Желая заселить всю землю этими разумными маленькими существами, Нюйва трудилась очень долго и, еще не выполнив желаемого, очень устала. [Тогда] она взяла нечто вроде веревки, по-видимому, это была сорванная с горного обрыва лиана, опустила ее в топь и, когда та покрылась жидкой желтой глиной, стряхнула эту глину на землю. В местах, куда падали кусочки глины, появлялись кричащие “уа-уа” и радостно прыгающие маленькие человечки [Там же, с. 48–49].

Вариант происхождения человечества, вылепленного первопродком из глины, Б.Л. Рифтин считает стадильно более ранним, чем непосредственное рождение его от вступивших в брак первопродков. В последнем случае обнаруживается переосмысление мифа «в связи с более поздними рационалистическими воззрениями» [Рифтин, 1987, с. 389]. Исследователь пишет: «Образ Нюйвы мог сложиться в древности в Юго-Западном Китае отдельно от образа Фуси, ...их соединение в божественную пару первопродков могло произойти позднее, во время складывания общекитайской мифологической системы, не без влияния мифологических представлений соседних племен и народов» [Там же, с. 397].

С ранним китайским мифом имеет параллель этимологический текст лесных юкагиринов «Христос создает людей» [Лунное..., 1992, с. 33–34]. Другой одульский текст «Как Христос людей делал», записанный П.Е. Прокопьевой [Жукова, Прокопьева, 1991, с. 146, № 3], имеет, скорее всего, иную природу.

В мифе «Христос создает людей» акт создания людей принадлежит Христу, но, очевидно, за этим библейским образом, привнесенным в

религиозные воззрения и фольклор одулов в позднее время, может скрываться другой, древний мифопоэтический образ. В отличие от китайского мифа, здесь в акт создания людей включается и злая сила. Антагонист Христу, эквивалент христианскому Сатане, черт Острая Голова (или просто черт) пытается сам создать людей, но появляются черти.

«Иногда рассказывают, будто бы Христос людей создал. По земле три раза ударит – голый человек выходит. Много людей так на свет появилось. Устал Христос, домой обедать пошел. Черт Острая Голова пришел. Видит: людей много. Сам решил людей сотворить. Место расчистил, тальниковую палку взял, бьет ею по земле и говорит: “Лопачек!”... Как ударит – так голый черт выходит. Шесть раз так ударил – шесть чертей вышло. Он седьмой. Тут Христос вернулся.

– Что ты делаешь? – спрашивает.

– Ты людей сотворишь, я тоже хочу.

– Убери, – говорит Христос, – этих чертей!

Тут Острая Голова и шесть чертей, как гагары в воду ныряют, так в землю воткнулись. В земле большая дыра появилась...» [Лунное..., 1992, с. 33–34].

Анализ китайского и юкагирского мифов показал наличие определенных сюжетных и структурных параллелей.

Оба текста состоят из двух частей. В первой части демиурги создают людей: Нюйва лепит из глины и ставит на землю, Христос ударяет трижды о землю (не названо, чем), и появляются люди. Затем следует общий элемент: после того, как было создано «много людей», демиурги «устали». Во второй части китайского текста Нюйва меняет способ создания людей: она просто стряхивает на землю комочки жидкой глины с веревки/предмета растительного происхождения. В юкагирском мифе уставший Христос уходит, черт Острая Голова, желая создать людей, бьет по земле тальниковой палкой, но появляются черти.

«Усталость» – как некий барьер, до которого были созданы «качественные» люди, результат деяния рук самого творца. Ручная работа богини: «вылепила из глины множество человечков обоего пола» сопоставима с результатами действий Христа: после каждого третьего удара «голый человек выходит».

Не назван предмет, которым Христос ударял по земле (ногой, палкой и проч.), но примечательно, что его антипод Острая Голова при создании чертей пользовался предметом растительного происхождения – «тальниковой палкой». В китайском мифе растительное происхождение имел предмет «нечто вроде веревки», «горная лиана», с которого на землю падали кусочки глины. О сакральных воззрениях на происхождение человека в связи с растительностью имеется обширная литература [Топоров, 1980б; 1982; Пропп, 1986]. В этом же контексте у юкагиров упоминаются соломина, хвоя, дерево [Жукова, 2012, с. 205–216; Прокопьева, 2008]. Можно предположить, что Христос в юкагирском мифе ударяет о землю схожим по происхождению предметом. Добавим, что любимым деревом одулов является лиственница, а женским деревом иногда называют тальник.

Во второй части сравниваемых текстов появляются люди из глиняных комочков или созданные Острой Головой черти. Вторичные творения демиургов имеют отрицательную коннотацию с точки зрения их социально-мифологической составляющей: 1) сначала первичное множество людей, рассматриваемое как привилегированные предки и 2) подобие их менее качественного порядка. Выявляется двучастная структура мифов с кульминационной точкой, после которой сакральность действий демиургов снижена.

Двучастная структура мифов указывает на их составной характер. Возможной причиной такой компилятивности является стремление мифопоэтически обосновать социальное, кастовое или иное неравенство (люди «ручной работы» и люди, сброшенные как комочки глины с «веревки»). Так мифопоэтически противопоставлены два последовательно созданных сообщества людей. Об этом косвенно свидетельствуют варианты китайских мифов. В сычуаньском предании Ньюва «рождает ровно сто бесформенных комочков и эти дети дают начало ста фамилиям... Недаром и по сей день народ в Китае называется «лао байсин» («почтенные сто фамилий»), а книга, содержащая перечень этих фамилий (а их немногим более 400), – «Книгой ста фамилий»» [Рифтин, 1987, с. 390]. В традиции выделять «сто» (или «немногим более 400») фамилий можно видеть стремление

отделить титульные династии китайцев от населения империи, не вошедшего в особую книгу привилегированных фамилий.

В юкагирском тексте, претерпевшем поздние трансформации под влиянием христианской мифологии, противопоставления носят не социальный, а религиозно-мифологический характер: люди, создания Бога, и черти, созданные Острой Головой. Вычищаемая Христом из Среднего мира нечисть удаляется под землю, в Нижний мир, чем и объясняется его возникновение. Миф перекликается с другим юкагирским мифом о мироустроительной деятельности Христа («Как Христос делал жизнь на Средней земле»), где Нижний мир (Нижняя земля) становится прибежищем чертей-грешников и других злокозненных сил.

Одульский миф ничего не сообщает о ручной лепке людей. В первой и второй частях мифа люди появляются после ударов о землю, что сближает его со второй частью китайского текста.

Обратимся к мифопоэтическим образам создателей людей в китайском и юкагирском текстах.

В китайском тексте богиня-прародительница Ньюва создает обе предполагаемые группы людей. В юкагирском действуют два мужских демиурга-антагониста, известные по мифу «Как Христос и Сатана землю создавали» как братья: «мать у них одна была» [Лунное..., 1992, с. 32]. Возникает предположение, что мифической праматерью демиургов могла стать древняя прародительница, образ которой пока неясен и его предстоит выявить в мифологии одулов.

Составим таблицы с использованием изложенного выше материала (табл. 1, 2).

Ранняя версия мифического подателя (или подателей) жизни в мифологии юкагиров пока не ясна. Сложность заключается в том, что первые записи устного народного творчества юкагиров (конец XIX в.) демонстрируют переработку многих этиологических текстов с христианских позиций, а также обнаруживают влияние фольклора и мифологии соседних народов (тунгусы, якуты, русские и др.), что значительно затрудняет выделение собственно юкагирского пласта. Наши исследования в начале XXI в., опираясь на работы предшественников, позволили в какой-то мере уточнить представления

Таблица 1

Создатели людей по данным мифологии и фольклора

Китайский миф			Юкагирский миф		
Версия			Версия		
ранняя	поздняя	позднейшая	ранняя	поздняя	позднейшая
Нюйва	Нюйва и Фуси	-	?	Добрый и злой духи	Христос и Сатана

Таблица 2

Божества древних китайцев и юкагиров в разные хронологические периоды

Периоды	Китайский миф	Юкагирский миф
Ранний	Богиня Нюйва	?
Поздний	Сироты-предки Нюйва и Фуси	Добрый и злой духи
Позднейший	-	Демиурги Христос и Сатана

древних юкагиров о мироустройстве и перво-предках [Жукова, 2012]. Примечательна остроголовость предка не только по мужской («Дедушка с Остроконечной Головой»), но и по женской линии, восходящие к единому общему образу [Там же, с. 189–216]. Историческая глубина этих представлений уходит в древнее наскальное искусство Якутии, к периоду неолита [Окладников, Запорожская, 1972]. Остроголовые изображения известны и за пределами Якутии.

Более четко образы первопредков предстают в поздней эпической сказке лесных юкагиров о пребывании Петра Бэрбэкина в Средней, Нижней и Верхней земле [Жукова и др., 1989, ч. 1, № 31], в мифе о «черте» *Кожэ* [Там же, № 8] и притче о солоmine [Там же, № 11]. Образ мужского остроголового предка одулов («Дедушка с Остроконечной Головой») впервые зафиксировал В.И. Иохельсон [2005б, с. 222]. Наши записи в конце XX в. показали, что этот древний персонаж в народных воззрениях и фольклоре ассоциируется с чертом, антагонистом Христу [Жукова, 2008].

Обратимся к образу предка по женской линии.

В мифопоэтических представлениях и фольклоре одулов присутствует *Кожэ* – персонаж с древними неясными корнями, возможно, переосмысленными к моменту фиксации его исследователями. Впервые о *Кожэ* писал

Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) в 1930 г. «*Кож-эргэ*, т.е. ‘Сказочная старушка’, получившая свой реальный облик впоследствии как эпидемия оспы и кори, которая буквально выкашивала целые племена» [Спиридонов, 1996, с. 51]. *Эргэ* – междометие отвращения, соответствующее рус. ‘фу!’ Вариантом имени старухи-людоедки *Кож-эргэ* является *Кож-этиэ* ‘Бабушка *Кожэ*’ (от *көжөм* ‘скрести’), которая сопоставима со славянской Бабой-ягой [Спиридонов, 1996; 2003, с. 18].

К сожалению, Н.И. Спиридонов ничего не сообщает о раннем облике *Кож-эргэ/Кож-этиэ*. Под этим именем может выступать женский мифический персонаж, возможно, предок: ‘старушка’, ‘бабушка’. Только впоследствии персонаж мог получить «реальный облик» людоедки – ‘Сказочной старушки’, воплощенной эпидемии оспы и кори, а людоеды Сказочные старики и старухи относятся к древним пластам фольклора одулов. Примечательно сопоставление персонажа со славянской Бабой-ягой. Известно, что образ Бабы-яги базируется на мифопоэтических представлениях славян о матери-первопредке, дарительнице и охранительнице, хозяйке зверей [Пропп, 1986]. В конце XX в. женский образ *Кожэ* интерпретируется уже как «черт», подобно тому, как предок по мужской линии «Дедушка с Остроконечной Головой» именуется «черт Острая Голова».

Так выявляется возможный образ предка одулов по женской линии *Кож-эргэ/Кож-эниэ* или *Кожэ*, которая вместе с «Дедушкой с Остроконечной Головой» составляют пару прародителей – наследие плохо сохранившихся к настоящему времени пластов архаической мифологии.

Рассмотрим этиологический текст, в котором женский образ *Кожэ* интерпретируется как «черт». Миф «Как черт *Кожэ* без земли остался» записан в с. Нелемное в 1987 г., в нем воспроизводятся начальные этапы сложения юкагирской трехчастной модели мира. Вот краткий пересказ текста.

Бог *Хойл* разделил землю для обитания между хозяевами животных, птиц и рыб. Не нашлось земли для кукула ‘черта’ *Кожэ*, который тоже «чей-то хозяин». *Хойл* отправил *Кожэ* просить земли у получивших свои наделы хозяев. Хозяева животных, птиц и рыб выделили *Кожэ* негодные участки по берегам озер, в редколесье, по краю тундры. На этих местах *Кожэ* прыгал, «танцевал в своих сапогах», в результате появились кочки, бугры и ямы. С тех пор труднопроходимые участки называют «местом, где прыгал *Кожэ*» [Жукова и др., 1989, ч. 1, № 8, с. 34–35].

В мифе воспроизводится структура трехуровневой вселенной и только с мужскими соответствиями персонажей: Бог – хозяева животных Средней земли – черт. Черт *Кожэ* – обитатель нечистых, болотистых мест, потенциальный антипод богу *Хойл*. Образы антагонистов еще четко не разработаны, обозначена только иерархия пантеона. Текст демонстрирует этап сложения пантеона богов, базирующегося на божествах из «арсенала» традиционной юкагирской культуры. Верхнему уровню этой структуры соответствует бог *Хойл*, божественный образ основан на существовавшей в прошлом традиции изготавливать из останков умершего шамана-родоначальника «натуральный макет» с использованием черепа, такая фигура называлась *хойл* и почиталась родовой святыней [Иохельсон, 2005а, № 37; 2005б, с. 212]. В мифе действия бога *Хойл* в качестве мироустроителя заключаются в разделе среды обитания между божествами рангом ниже – хозяевами животных, птиц и рыб. Происходит упорядочивание и гармонизация мифопоэтического пространства в противопоставление предполагае-

мому предшествующему первичному хаосу. Присутствие человека здесь не обозначено, т.е. реконструируются начала мира, в который человек может быть этиологически включен. При этом мир как таковой уже создан (земной ландшафт и животные).

Мироустроительные функции бога *Хойл* сопоставимы с деяниями Христа в других юкагирских мироустроительных мифах и, отчасти, с Хозяином Земли, который в фольклоре, мифологических и народных представлениях одулов ассоциирован с покровителем животных. Таким образом, *хойл* – изготовленная фигура родового покровителя трансформируется в бога *Хойл* – языческое божество с функциями мироустроителя. Древний образ остроголового праотца утратил актуальность и переместился в область демонологии и сказок, враждебных хтонических существ.

Рассматриваемый текст добавляет новые штрихи к «портрету» мифопоэтического образа *Кожэ*. Пересказавший миф одул В.Г. Шалугин сравнивал отпечатки трехпалых ног (или сапог) черта *Кожэ* с лапой птицы, причем, вороны. Трехпалость как характерный признак персонажа имеет древние корни в традиционной культуре лесных юкагиров. В декоративно-прикладном искусстве известен трилистник – узор *оожии нодо нойл* ‘утиные ножки’, который в качестве знака благопожелания помещали на сумочках, перчатках промысловиков [Жукова, 1996, с. 54, рис. 51]. Трехпалые руки или ноги имеют остроголовые и круглоголовые антропоморфы на писаницах Якутии периода позднего неолита – бронзового века [Окладников, Мазин, 1979]. Трехпалые ноги у лося на наскальном рисунке со средней Лены [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 50].

Трехпалостью отмечен фольклорный персонаж одулов – предполагаемый предок по мужской линии. По три пальца на руках у Одноглазого великана – хозяина нижнего яруса Нижней земли в эпической сказке «Петр Бэрбэкин». Одноглазый великан описывается как бывший предводитель племени, лучший охотник; деформация его внешности произошла как возмездие за греховные поступки перед тем, как он был отправлен со Средней земли в подземный Мир теней с напутствием: «Там живи, там таких, как ты, друзей себе найдешь»

[Жукова и др., 1989, ч. 1, с. 97]. То есть введен такой оценочный императив, как греховность поступков. Ранее светлому персонажу – предводителю племени и лучшему охотнику – в качестве возмездия приданы хтонические черты и определено местонахождение после смерти в Мире теней, т.е. Мире предков. Надо отметить, что в юкагирской традиции предки рассматриваются обычно как покровители и помощники живущих родственников.

Схожая пересемантизация наблюдается и в развитии мифопоэтического образа *Кожэ*. Трехпалость ног/сапог персонажа сочетается с характеристикой (по Н.И. Спиридонову) *Кож-эргэ* как людоедки, олицетворением эпидемии оспы и кори. Кроме того отмеченный в начале XX в. скребуший женский образ *Кож-этиэ/Кож-эргэ* в конце XX в. становится танцующим и прыгающим мужским хтоническим чертом *Кожэ*, «чьим-то хозяином».

Согласно древней системе двоичных оппозиций, мужское и женское начала антагонистичны и противопоставлены как Небо – Земля, добро – зло, бог – черт. Это еще раз указывает на то, что под именем черта *Кожэ* в мифе «Как черт *Кожэ* без земли остался» может скрываться женский персонаж, встраиваемый в новую патернизированную трехчастную картину мира.

Историко-мифологические корни другого персонажа юкагирского фольклора, несомненно, древнего, принадлежавшего к забытым пластам мифологии, также не вполне ясны. Не исключен переосмысленный образ предка по женской линии. Оборотень Соломина-червь *Ульэгэраа-кэлидьэ* (*ульэгэраа* – ‘травяное дерево’, ‘соломина’, *кэлидьэ* – ‘червь’) – единственный женский персонаж в упоминавшейся уже эпической сказке «Петр Бэрбэкин». Другое имя оборотня – *Апльитай* – обнаруживает заимствование из русской сказки «Федор Бермятин», рассказывающей о походе героя за море в поис-

ках царских регалий. Сказка записана в нескольких вариантах от русских старожилов р. Индигирки в середине XX в. [Фольклор Русского Устья, 1986, № 28, 50, 65]*.

Ульэгэраа-кэлидьэ обитает в нижнем ярусе Нижней земли/Мира теней наряду с Одноглазым великаном – возможным сказочным эквивалентом мифического остроголового предка. Примечательно, что Одноглазый великан называет *Ульэгэраа-кэлидьэ* своей сестрой, что является отсылкой к мифической дуальной паре сирот-первопредков. Мужской и женский образы предков в сказке о Бэрбэкине имеют хтонический облик и не могут вновь реинкарнировать на Среднюю землю, что предполагает их древний возраст, они уже «заперты» в Мире теней.

Облик женского персонажа *Ульэгэраа-кэлидьэ* составной, из соломины – высохшей травы со многими сочленениями – она превращается в большого червя. Соломина не имеет возможности передвигаться самостоятельно и песней подзывает к себе проходящую мимо жертву, захватывает ее и заставляет носить на себе. Пение Соломины косвенно указывает на извлечение звука из полого стебля сухой травы, т.е. музыкального инструмента, дудки. Набросившись на подошедшего Бэрбэкина, *Ульэгэраа* повалила его на землю и превратилась в гигантского червя *кэлидьэ*. Петр Бэрбэкин носил на себе оборотня около трех лет, определяя время по своей стоптанной обуви. Странствование Бэрбэкина с женским персонажем на плечах может быть прочитано как символ супружества и стремления предка по женской линии к перерождению и продолжению рода. Герой нашел способ освободиться (залез в кусты шиповника) и спасся бегством.

Этот сказочный эпизод с участием Бэрбэкина и женского персонажа растительного происхождения с трансформацией ее в червя-личинку об-

* Мужской персонаж русской сказки, именуемый Старичишше-оплетаишше, змея, имеет параллели с женским юкагирским образом *Апльитай*. Можно полагать, оба образа восходят к арабской сказке о пятом путешествии Синдбада-морехода, в которой описывается встреча героя со стариком, имеющим растительно-змеевидную природу и лишенным речи: «сидел красивый старик и был тот старик покрыт плащом из древесных листьев» [Книга тысячи и одной ночи, 1959, с. 317]. Старик знаками попросил Синдбада перенести его на другое место, но затем отказался спуститься с его плеч, он обвил шею ногами «которые были черные и жесткие, как буйволова кожа» [Там же]. Герой носил старика до тех пор, пока не освободился, напоив его виноградным вином. Сказания о семи путешествиях Синдбада-морехода основаны на более ранних арабских текстах IX–XIII вв. [Там же, с. 267].

наруживает параллель с народными представлениями юкагиров о внеполовом зачатии и рождении ребенка. Представление о черве-личинке как носителе души человека сохранялось до недавнего времени в лечебной магии юкагиров верхней Колымы. От бесплодия женщины лечились следующим способом: «На высоких деревьях растут иногда целые копны сучьев с одного места, которые образуют веерообразный навес. Нужно подняться на дерево и срубить их и если в основании их женщина найдет белого червя и съест его, то тогда может получиться внеполовое зачатие и ребенок» [Спиридонов, 1996, с. 45].

Выстраивается семантическая цепочка: женщина – дерево – червь – ребенок. Аналогичные представления существовали у якутов и тунгусов [Линденау, 1983, с. 89].

В сюжетах мирового фольклора дерево, в особенности Мировое Древо, рассматривается как проводник-посредник небесного дара [Топоров, 1980б]; у лесных юкагиров дерево (обычно лиственница) ассоциировано с человеком и включено в мифологизированную цепочку реинкарнации души умершего [Жукова, 1988, 2012; Прокопьева, 2008]. Существует представление о том, что упавшая на землю осенняя желтая хвоя лиственницы имеет отношение к воспроизводству человека (записано от одула В.И. Шадрина).

В реинкарнации *айбии* ('тень', 'душа') умершего человека участвует и соломина *ульэгэраа*. В притче «Приход тени человека с Нижней земли на Среднюю землю», записанной в с. Нелемное от В.Г. Шалугина в 1987 г., *ульэгэраа* является носителем *айбии* умершего. Название притчи показывает, что текст создан в условиях шаманской трехчастной модели мира: *айбии* циркулирует между Нижней, Средней и Верхней землей. Одул Н.И. Спиридонов писал [1996, с. 49]: «...после смерти человек живет особой таинственной жизнью, приобретает способность перелетать пространства подобно птице, жить в воде подобно рыбам и уходить в землю подобно мышам».

Краткое содержание текста.

Выйдя из Мира теней на поверхность Средней земли, *ульэгэраа* последовательно поедается мышью, рыбой, птицами – символически представителями трех стихий Природы: Земли, Воды, Неба. Затем *ульэгэраа* падает на

землю, где заключенная в ней *айбии* человека высвобождается и вселяется в родившегося ребенка или в проходившую мимо женщину, чтобы появиться на свет с ее ребенком. Либо тень/душа обращается в растительность (обычно, дерево) и ждет появления на свет «предназначенного» ей младенца, чтобы переродиться с ним [Жукова и др., 1989, ч. 1, № 11; комментарии, с. 137].

Таким образом, предметы растительного происхождения (соломина, дерево, хвоя) участвуют в мифопоэтическом реинкарнационном цикле перерождений тени/души умершего человека. Подземный Мир теней «населен» этими мифопоэтическими образами. Петр Бэрбэкин в поисках бессмертия отправился со Средней земли на самый нижний ярус Нижней земли и по дороге не встретил ни одного самостоятельно передвигающегося существа. Лишь «дерева, тальник, трава стоят и между собой разговаривают, рассказывают» [Там же, с. 95]. Слушая их, шел Бэрбэкин дальше, пока не услышал пение оборотня *Ульэгэраа-кэлидьэ*.

Ульэгэраа – соломина со многими сочленениями – возможный мифопоэтический образ многорукой-многоногой праматери, известный с древности в изобразительном искусстве народов Северной и Восточной Азии [Новгородова, 1984; Окладников, Запорожская, 1972]. В мифологии одулов соломина (травяное дерево) и дерево (лиственница) могут быть семантически сближены; это репрезентация древнего женского растительного кода прародительницы, предка по материнской линии, семантика которого дополнена и усилена зооморфным кодом – червь-личинка.

Выясним, какая роль отведена червю в традиционной культуре юкагиров. В научной литературе этот вопрос малоисследован. Червь *кэлидьэ* (возможно, от *кэл* 'приходить') имеет значимость в традиционных языческих воззрениях одулов о началах жизни и зафиксирован в фольклоре.

Одулы сохраняют мифопоэтические воззрения на Небо как на гигантское коническое жилище *нумэ*, покрытое облаками – шкурами животных (*ниицхаар* 'облако', где *хаар* 'шкура, кожа, кора', букв. 'много шкур'). Звезды *йургу-дьэйэйэпул* – отверстия в шкуре (*йургуу* 'прореха, щель', в отличие от *хонжо* 'дыра'). Звезды – это

многочисленные щели в небесной шкуре. Возможно, еще до ассоциации Неба с гигантским жилищем, в то время, когда стихии Природы имели женские отождествления, Небо мыслилось в зооморфной ипостаси в виде гигантского копытного животного (лося/оленя). Через отверстия в шкуре мифической Матери-лосихи на Землю сыпались *кэлидьэ* черви-личинки – эмбрионы живых существ, в том числе человека. Ниспослание капель «благодатного дождя» – один из распространенных сюжетов наскального искусства древней Якутии. Возможно, в прошлом в космогонии лесных юкагиров существовал мифопоэтический образ Матери-зверя, и червь был одной из составляющих наивно-рационалистического объяснения появления жизни на Земле.

Мифическая связь *кэлидьэ* и лося находит объяснение в наблюдениях древнего человека за реальными природными процессами, происходившими в окружающем мире. Овод (слепень) откладывает яйца в шкуру/ноздрях лося/оленя, личинки развиваются, дырявят шкуру, затем появляется взрослая особь насекомого. Интересно, что в годовом календаре лесных юкагиров зимние месяцы январь и февраль соотнесены с лосем и маленьким оленем, а также большой и малой бабочками – разного вида оводами [Иохельсон, 2005б, с. 85]. Н.И. Спиридонов [1996, с. 42] писал о шкуре копытного животного, изъеденной личинками овода: «Зверь, вынесший на своей спине чудовищную зиму, отощал, и остались одни кости (шкура также не годится: начинает линять, а кожу превращают в сетку развернувшиеся под кожей личинки овода)». Скорее всего, мифопоэтическое сознание в поисках ответов на вопрос о появлении животного мира и человека натуралистические наблюдения обрамляло мифологической оболочкой и в таком виде экстраполировало на причинно-следственные связи. Так возникла мифологема, что основой всего живого является мельчайшая структурная частица – червь, ниспосылаемая небесным божеством [Жукова, 2012, с. 157–159]. Данное предположение подтверждается приведенным выше примером из лечебной магии одулов, когда червь-личинка рассматривается носителем зародыша человека.

Лесные юкагиры сохраняют воспоминание об употреблении так называемых «червей» в пищу. *Эндэша* – редко встречаемая на р. Ясачной (приток р. Колымы) сибирская минога, тонкая, длинная рыба, также ‘вьюн’; одулы называют ее «червем». «И-и, какой [он] человек, [если] *эндэша* ел!», – говорила в с. Нелемное старая женщина. Она считала, что юкагиры р. Коркдон едят этих «червей». В лечебных целях употребляли древесных червей, доставая их из-под коры (ПМА*).

В сказке о Бэрбэкине герой искал возможность вернуться из Мира теней в мир живых на Среднюю землю. Через эти странствия в Мире теней описан предполагаемый реинкарнационный путь *айбии* умершего человека. На одном из ярусов Нижней земли старик-*айбии* дал странствующему герою совет: отсюда тени-люди на Среднюю землю уходят во что-нибудь превратившись – в птиц, комаров, червей». Следовательно, в одульском фольклоре не только червь, но также комар и птица имеют отношение к реинкарнационному перевоплощению *айбии*.

Подводя некоторые итоги, скажем, что в традиционных представлениях лесных юкагиров о возникновении жизни солоmine и червю отведена особая роль. Каждый из них имеет самостоятельное значение, это позволяет предположить, что женский персонаж оборотень *Ульэгэраа-кэлидьэ* является относительно поздним, составным фольклорно-мифологическим образом.

Червь как мифический носитель тени/души человека к одульским мифам «Христос создает людей» и «Приход тени человека с Нижней земли на Среднюю землю» отношения не имеет. В представлениях о червях-личинках, ниспадающих из животного-предка, нет звена с растительной символикой, однако семантическая цепочка: женщина – дерево – червь – ребенок предполагает сложение образа Мирового Древа как связующего основные космические стихии. Возможно, представления одулов о роли червя и соломины в воспроизводстве жизни существовали независимо. Это говорит в пользу предположения о синкретичности оборотня *Ульэгэраа-кэлидьэ*.

*ПМА - полевые материалы автора.

Как уже отмечалось, в относительно позднее время *Ульэгэраа-кэлидьэ* приобрела еще одно имя – *Апльнтай*, заимствованное из фольклора русских старожилов р. Индигирки, и стала ассоциироваться с мужским персонажем. Таким образом, юкагирские мифические женские образы *Ульэгэраа-кэлидьэ* и *Кожэ* в позднее время стали трансформироваться в мужские образы.

Изложенный материал дает основание предполагать тождественность оборотня растение-червь *Ульэгэраа-кэлидьэ* (имеющего гипотетическую связь с тотемической Лосихой-Матерью) и антропоморфной *Кожэ* как с тремя разными ипостасями одного древнего женского образа. Растение (вегетативный код), червь (животный код) и антропоморф – известное триединство синкретичного образа Мирового Древа в некоторых культурных традициях. Создание этой смысловой цепочки шло на протяжении длительного периода господства родовых матрилокальных отношений. Позднее в условиях сложения универсального представления о божественном Небе-отце и становления патернизированного общества образ матери-прародительницы претерпел значительные трансформации, и, как видим на юкагирском примере, стал воплощать либо злое, либо мужское начало.

У лесных юкагиров на смысловую цепочку растение – червь – антропоморф, только начинающих соединяться в синкретичном образе Мирового Древа, наложился библейский образ Христа, посредника между миром богов и людьми. Христианство, а следом советский атеизм значительно поколебали устои юкагирской языческой мифологии, подобно тому, как с принятием христианства была разрушена языческая мифология славян [Пропп, 1986; Жукова, 2013]. Надо отметить, что структура библейской вселенной оказала влияние на сложение собственно юкагирской трехчастной модели вселенной с божествами из традиционного пантеона, что мы наблюдали при анализе текста «Как черт Коже без земли остался».

В фольклорных интерпретациях мифологических женских персонажей *Ульэгэраа-кэлидьэ* и *Кожэ* и позднего мужского образа Христа имеются значительные различия, обусловленные мифологической наполненностью одульских женских персонажей и чужого юка-

гирской культуре Христа-мироустроителя. «Встраивание» демиурга Христа в языческую картину мира не лишено логической составляющей.

В мифе «Приход тени человека с Нижней земли на Среднюю землю» соломина *ульэгэраа* падает на землю и из нее высвобождается *айбии* человека. Складывается структурная цепочка, известная по юкагирскому и китайскому мифам о создании человека: растительный символ – удар об землю – появление человека. В юкагирском тексте «Христос создает людей» эта цепочка воспроизведена дважды (Христос и черт Острая Голова), в китайском – один раз (богиня Нюйва). В отличие от этих мифов, в одульском тексте «Приход тени человека...» отсутствует антропоморфный демиург – создатель человека. В результате христианизации юкагиров мироустроителем и подателем жизни становится Христос. Под влиянием библейского сказания такие языческие мотивы, как пребывание соломины в трех стихиях, в трех зооморфных эквивалентах и реинкарнационные воззрения в связи с растительностью оказались нивелированными. Юкагирский мифопоэтический сюжет обеднен и сокращен до одной строки: Христос «по земле три раза ударит – голый человек выходит». Становится ясным, почему ударяет «три раза» – это реминисценция значимости цифры «три»: пребывание в трех стихиях, три зооморфных носителя. Находит объяснение и предмет, которым Христос ударяет по земле: это предмет растительного происхождения, юкагирский языческий символ.

На основании изложенного, можно считать выясненным исток образа Христа в мифе «Христос создает людей». В первоначальной версии отсутствовал образ антропоморфного творца, а появление человека объяснялось через языческие реинкарнационные и анимистические представления. Двучастность в структуре этого мифа и параллели с деяниями богини Нюйвы предполагают присутствие древнекитайского влияния, то есть исходный этиологический текст одулов, возможно, претерпел сначала древнекитайскую, а затем христианскую обработку.

В этом случае Христу могли предшествовать значимые один – два образа юкагирской

мифологии, причастные к космогоническому акту сотворения человека. Это, вероятно, мать-прародительница, супружеская пара предков или сироты. Юкагирский миф называет лишь одного предка – по мужской линии «Дедушка с Остроконечной Головой» под именем черт Острая Голова. Весьма вероятный женский антропоморфный предок – бабушка/старушка *Кожэ*. Если же обратиться к эпической сказке о Бэрбэкине, то в ней выведена пара предполагаемых первопредков – Одноглазый великан и его сестра оборотень *Ульэгэраа-кэлидэ*.

Итак, сопоставления древнекитайского и юкагирского мифов о создании человека указывают на их несомненные сходства: 1) в структурном построении текстов; 2) двучастных действиях демиургов с кульминационной точкой в центре, обозначенной «усталостью»; 3) однотипность сакральных действий богини Нюйвы во второй части мифа, Христа и черта Острая Голова: они создавали людей/чертей, держа в руках предметы растительного происхождения; 4) маркировка первичносозданных людей как «привилегированных»; 5) китайская богиня Нюйва антропоморфна, что ставит в ряд с ней предполагаемую мать-прародительницу одулов бабушку/старуху *Кожэ*; 6) антропоморфизм богини Нюйвы говорит об относительно позднем сложении образа, за которым могут скрываться первичные языческие зоорастительные элементы (как, например, одульская *Ульэгэраа-кэлидэ*).

Несмотря на различия, могущие возникнуть в результате значительного хронологического и территориального промежутка, отмеченная общность в мифах не может быть случайной. Скорее всего, это две разновременные стадии существования одного этиологического текста.

Литература

Алексеев А.Н., Пеньков А.В. Новые подходы к познанию духовной культуры таежных племен древней Якутии: пиктографические «тексты» на ленских писаницах бронзового века // Древности Якутии: искусство и материальная культура. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 12–56.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Масумото Т. Предметы китайского происхождения

в атрибутике якутских шаманов // 中国北方及蒙古, 贝加尔, 西伯利亚地区古代文化: 全 3 册 / 内蒙古博物院, 内蒙古自治区文物考古研究所编. – 北京: 科学出版社, 2015.9. – 页数1327–1334. Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: Т. III / Музей Внутренней Монголии, серия Археологического института автономного района Внутренняя Монголия. – Пекин: Наука-Пресс, 2015. – С. 1327–1334.

Дьячков А.Е. Анадырский край // Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове. – Магадан: Кн. изд-во, 1992. – С. 160–270.

Жукова Л.Н. Образ человека в пиктографическом письме юкагиров // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1988. – Вып. 1. – С. 126–147.

Жукова Л.Н. Одежда юкагиров: Учеб. пособие. – Якутск: Якутский край, 1996. – 143 с.

Жукова Л.Н. Представления одулов (лесных юкагиров) о первопредках по данным изобразительного искусства и фольклора // Якутский архив. – 2008. – № 4. – С. 3–19.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 2. (Мифологическая модель мира). – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Жукова Л.Н. Юкагирско-славянские фольклорные параллели // Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 3. (Из ранее опубликованного). – Якутск: Бичик, 2013. – С. 40–56.

Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорные параллели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 7. – С. 72–76.

Жукова Л.Н. Юкагирский и древнекитайские мифы о переустройстве мира // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016а. – № 2. – С. 108–111.

Жукова Л.Н. Юкагирский миф о погоне богатыря за восьминогим лосем и его китайские параллели // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016б. – № 3. – С. 121–128.

Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. – Ч. 1. – 161 с.; Ч. 2. – 89 с.

Жукова Л.Н., Прокотьева П.Е. Фольклорные тексты юкагиров верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1991. – Вып. 2. – С. 146–167.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005а. – 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005б. – 675 с.

- История древнего Востока* (учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений) / под ред. В.И. Кузищина. – М.: Издат. центр «Академия», 2007. – 368 с.
- Книга тысячи и одной ночи*: В 8 т. – Т. 5. / пер. с араб. М.А. Салье. – М.: Изд-во худож. лит., 1959. – 470 с.
- Крюгер Р.* Китай. Полная история Поднебесной (пер. с англ.). – М.: Эксмо, 2006. – 448 с. (Тайна древних цивилизаций).
- Крюков В.М.* Дары небесные и земные // Этика и ритуал в традиционном Китае. – М.: Наука, 1988. – С. 56–84.
- Кучера С.* Китайская археология. 1965–1974 гг.: Палеолит – эпоха инь. Находки и проблемы. – М.: Наука, 1977. – 369 с.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан: Книжн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Лунное лицо: сказки юкагиров* / сост. и обраб. Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецова. – Якутск: Кн. изд-во, 1992. – 124 с.
- Новгородова Э.А.* Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Окладников А.П.* История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. I. – 432 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 271 с.
- Окладников А.П., Мазин А.И.* Петроглифы бассейна реки Алдан. – Новосибирск: Наука, 1979. – 152 с.
- Прокопьева П.Е.* Образ дерева в песенном фольклоре юкагиров // Языки и фольклор народов Севера. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 109–114.
- Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
- Рифтин Б.Л.* Общие темы и сюжеты в фольклоре народов Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1978. – С. 34–39.
- Рифтин Б.Л.* Китайская мифология // Мифы народов мира. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 652–662.
- Рифтин Б.Л.* О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М.: Гл. редакция вост. литературы, 1987. – С. 378–477.
- Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок).* Одулы (юкагиры) Колымского округа. – Изд. 2-е. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.
- Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок).* Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь / подгот. к печати А.А. Бурькин. – Якутск, 2003. – 57 с.
- Топоров В.Н.* Древо жизни // Мифы народов мира. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980а. – С. 396–398.
- Топоров В.Н.* Древо мировое // Мифы народов мира. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980б. – С. 398–406.
- Топоров В.Н.* Растения // Мифы народов мира. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 368–371.
- Федорова С.А.* Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. – 235 с.
- Федосеева С.А.* Древние культуры верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 170 с.
- Фольклор Русского Устья* / под ред. А.Н. Азбелева и Н.А. Мещерского. – Л.: Наука, 1986. – 184 с.
- Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. – М.: Гл. редакция вост. литературы, 1987. – 5–377, 478–527 с.
- Янишина Э.М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

L.N. Zhukova

The ancient Chinese and the Yukagir myth of the creation of man: plot and structural similarities

Analyzed in comparative terms are the Yukagir and ancient Chinese myths about the creation of man. There is a structural and semantic similarity. The folklore and mythological images of the Yukagir ancestors are considered along the female and the male lines, under the influence of Christianization and then, at the end of the XX century, significant transformations. Special attention is paid to the reconstruction of the ancient plant-zoo-anthropomorphic image of the ancestress in the female line. It explains the presence in the ancient Chinese myth of the sole image of the mother-ancestor, the goddess Nyuva, and in the Yukagir - the two male demiurgic antagonists: Christ and his antipode from the arsenal of the Yukagir pantheon - a feature Sharp Head.

Keywords: Northeast Asia, Yukagirs, ancestors, Biblical image, ancient China, mythology.

В.Е. Васильев

Истоки тенгрианства: от культа гор до культа Неба

В этой статье рассматривается тенгрианство, в постсоветском пространстве получившее распространение среди тюркских и монгольских народов. На волне подъёма чувства национальной гордости и самобытности этносов тенгрианство преподносилось как древнейшее вероучение, стоявшее наравне с другими мировыми религиями. Сторонникам этого движения привлекательна идея единобожия, присущая иудаизму, христианству и исламу. Это даёт повод адептам монотеистического тенгрианства отречься от шаманизма и искать основы мировоззрения народа саха в теории евразийства, возникшей среди русских эмигрантов из царской России. Однако культ «золотых династий» древних степных ханств был детищем шаманизма и строился по линии почитания Земли и Горы, Солнца и Луны, Бога-царя и его Сына-кагана. Эта эволюция идей предполагает заимствование культа царей у соседних стран, а с другой стороны – развитие собственных культов. Их слияние приводило к сложению новых систем религии. Исторические и этнографические данные показывают, что в формировании культа Неба большую роль сыграли тотемные предки. Также тюркские и монгольские этимологические параллели свидетельствуют о тесной взаимосвязи основных обрядов тенгрианства с культурами гор и шаманства. Эта триада «гора – тотем – шаман» приводит к мысли о том, что истоки религии *Айыы* следует искать в архаичных пластах верований далёких предков народа саха.

Ключевые слова: история, шаманизм, религия номадов, тенгрианство, культ айыы, Ысыах, христианство, евразийство, Якутия, геополитика России.

«Евразийский вектор», включающий мегапроекты на Северо-Востоке Азии, занимает в стратегии России особое место. В этом плане не последнее место отводится деятельности православной церкви, всегда стоявшей на страже ключевых интересов государства. Роль Сибири в экономике страны историки рассматривают через призму трёх фаз взаимоотношений (сбор соболя, добыча золота, а далее – нефти и газа). При этом учёные выражают опасение, что на современном этапе хищническое отношение добывающих компаний к природным ресурсам может повторить ситуацию разграбления богатств Сибири при царизме [Неёлов, Ламин, 2011, с. 13]. Промышленное освоение заставляет северян искать собственные способы самозащиты и адаптации к реалиям жизни.

В этих условиях очень важно сохранить духовные ценности предков, которые экологически верно строили отношения с природой, отражая их в культах своей религии. Неслучайно в конце 1980-х гг. в Якутии появилось учение *Айыы*, основанное на 12-летнем цикле праздни-

ков *Ыһыах*. Однако с самого начала интеллигенция старшего поколения, пережившая сталинизм, с опаской восприняла новую идею. Исторически это объясняется ещё тем, что грамотные якуты начала XX в., получившие образование в христианских школах, ратовали за искоренение язычества. Хотя на рубеже веков сложился своеобразный синтез поверий, близкий к простонародному пониманию православных образов и праздников, слитых с язычеством.

Так, по рассказам стариков, в старину вилюйские якуты проводили «Столбовые *ыһыахи*». Они ставили ритуальные столбы с крестами на вершинах, а церемонию праздника освящал священник, певший молитву [Тимофеев-Терешкин, 1945, с. 2]. О планомерной борьбе миссионеров против язычества говорит исторический факт, приводимый С.И. Боло [1938, л. 4–6]: в местности Кулуһуннаах на Вилюе, на мысе где раньше якуты проводили праздники *Айыы ыһыаҕа*, поп Илья специально воздвиг массивный крест, вокруг которого появилось кладбище. Эта картина даёт ясно понять, почему якуты заменяли Айыы

Тойона образом Христа, а позднее и Сталина, по сути, продолжившего русификаторскую политику «Белого царя».

При царизме отрицательное отношение к шаманству «инородцев» насаждалось повсеместно. Об этом писал сагай С.Д. Майнагашев, утверждая, что у них очень мало шаманов, но и те не пользуются уважением и в скором времени совсем исчезнут. Однако после прекращения работы православной миссии в горах Алтая и Хакасии вновь началось возрождение шаманизма, но культ Неба в былой форме почитания был утрачен [Потапов, 1991, с. 163, 270]. В истории Сибири принятие христианства носило противоречивый характер. Например, тезис о «мирном крещении» якутов воспринимается в русле концепции о «добровольном вхождении» Якутии в состав России [Шишигин, 1991, с. 96]. Из чего следует, что возврат «туземцев» к исконным религиям являлся протестным движением против насильственного крещения.

Ведущий специалист по бурятскому шаманизму Т.М. Михайлов считал культ Неба венцом мировоззрения монголов-шаманистов, возведённым до уровня религии чингизидов. Но к началу прошлого века у бурят древний культ не сохранился. Поэтому в советское время *тайлаганы* носили чисто развлекательный характер, и буряты осмысливали обряды далеко не в религиозном духе [Михайлов, 1987, с. 86]. Но, анализируя древнейшие корни этого праздника, автор отмечал присутствие «чувства прекрасного» у бурят. При этом он ссылаясь на приангарские записи Г.В. Ксенофонтова: «Обычно *тайлаганы* устраиваются на вершинах гор, откуда открывается широкий вид на расположенные у подножия улусы. Это и понятно, ибо хозяин места – *эжин* не может не жить там, откуда он может обозревать все свои владения» [Там же, с. 68]. В эпоху атеизма Т.М. Михайлов тонко подметил роль культа гор в сложении идеологии шаманизма.

Между тем на глубокий смысл обряда окропления молоком у монголов указывал Д. Банзаров, который видел эволюцию праздников Нового года в том, что все священные горы наделялись эпитетами ханских предков и выступали как «цари гор». Даже гений Чингис-хана был связан с родовой горой Бурхан-Халдун и носил имя «большой и сильной птицы Хаджир», по-

бедившей «коршунов». В последующем новогодние моления монголов испытали иноземные влияния, из-за чего у калмыков и татар они стали называться *урус сара* («русский месяц». – В.В.) [Банзаров, 1997, с. 41, 36, 52]. О влиянии русской культуры на кочевников говорят названия бурятских праздников: «Покров тайлган», «Петров тайлган» и «Ильиын тайлган» [Манжигеев, 1978, с. 69]. Здесь в пору вспомнить «Петров день», в который якуты устанавливали высокие кресты, стилизованные под коновязи *сэргэ*, и отмечали поворот лета в сторону осени.

Таким образом, тюркомонгольские праздники прошли схожий путь развития от культов царственных гор и божественных гениев неба до культа христианских святых. Тюрки, подарившие миру слово *тенгри*, возвысились в VI в. н.э., но задолго до этого культ Неба существовал у ханьцев и хуннов [Неклюдов, 1991, с. 536]. Китайцы сообщали, что сюнну совершали моления Небу в 1-й, 5-й и 9-й луне [Бичурин, 1950, с. 119]. При этом пятый месяц по китайскому календарю соответствует маю или июню, когда степняки устраивали праздники кумыса. Значит, в феврале северные вассалы Китая должны были совершать моления духу императора – сыну Неба. Бурятские учёные пишут, что у монголов классический культ чингизидов сложился в результате захвата Китая [Балдаев, 2004, с. 64–67]. Государственный статус культа Неба предполагает, что народный шаманизм номадов существенно отличался от идеологии их алчных правителей.

Культ Неба у якутов был зафиксирован в описании праздника *Ыһыах*. Так, Г.Ф. Миллер упоминал бога неба *Мэнэ Танара* и мать-землю *Утүгэн*, которым шаманы первым бросали пищу в огонь [Элерт, 2000, с. 264]. Поэтому утверждение некоторых авторов о том, что тенгрианство не имеет ничего общего с шаманством, выглядит как тезис, преследующий иные цели. Идеологи новой веры заменяют маргинальность и синкретизм принципом «универсальности» идей и ищут точки соприкосновения с религией славян. Они обходят стороной труды этнографов, изучавших шаманство народов Саяно-Алтая, и странным образом обвиняют их в шовинизме и искажении истории тюрков. На этом фоне преподносят тенгрианство как базисную основу православной веры [Федорова, 2013, с. 32–38].

Решительно выступая против теории прамотеизма, не признающей шаманизм как религиозное явление, следует подчеркнуть тесную связь веры в творцов *айыы* с тотемизмом. На языке саха термин *таҕара / тангара* имеет много обозначений: 'бог', 'небо', 'дух-покровитель', 'идол', 'икона', 'образ' [Пекарский, 1959, стб. 2518, 2551–2552]. Тюрколог Н.К. Антонов [1971, с. 124–126] отмечал близость термина к огузским и болгарским *тангры, тангри, танра* и разделял на составные части: *тан* и *эри*, предлагая вариант значения как «муж зари». Более подробный анализ термина *тэнгри* приводил Б.И. Татаринцев. Так, автор ставил в один этимологический ряд термины: *тангры, таҕара, тигир, тегре, тегри, тенгир, деери* и др. Учитывая мнения Г. Дёрфера, Б.Я. Владимирцова, В.И. Цинциус, он считал *тенгри* тюркским словом, восходящим к общеалтайским параллелям *дэги-, дэг-* 'подниматься', 'летать', 'летучий', 'птица' [Татаринцев, 1984, с. 74–83].

Далее лингвист приводил тунгусоманьчжурские термины *дэгдэ, дэкэ, дэжэн* 'возвышенность в тайге', 'бугор', 'полёт', сопоставляя их с тюркскими глаголами *тен-, тег-/ тек-* 'подниматься', 'взлетать', производящими шор. *тегей* 'темя, макушка головы', 'вершина горы', 'холм', хак. *тигей* 'макушка', 'вершина горы', 'сопка, холм', тув. *тей* 'макушка', 'верхняя часть головного убора'. В северных говорах тунгусоманьчжуров существует глагол *дэг-* 'улетать, прилетать'. Древнетюркский глагол *тен-* 'взлетать', 'подниматься' мог образовать глаголы *тег-/ тэгир-* с теми же значениями, от которых произошли куманд. *тегре*, як. *таҕара*, тоф. *деери*. При этом *деери* является монголизмом, как и тув. *дееди* 'высший, верховный', *деевиш* 'потолок', 'крыша', и параллелен монг. *дегде-* 'взлетать, подниматься', *дегедү* 'лучший', 'верховный', *дегедүс* 'предки', 'знать', 'небожители' [Там же, с. 80–84]. В итоге выстраивается семантический ряд: гора – предок – божество.

Считается, что слово *тэнэрэ* через уйгуров проникло к монголам в качестве культа царей. Но тунгусские параллели, связанные с образами птицы, горы и холма, указывают на архаичный пласт хозяев земли и воды. Развивая мысли Б.И. Татаринцева, к приведённым примерам добавим тур. *деде* 'дед, предок', др.-тюрк. *дедэ* [ДТС, 1969, с. 160] и кирг. юж. диал. *дада* 'отец'

[Киргизско-русский словарь, 1965, с. 181]. Образ предка даёт возможность обратить внимание на шаманов, облачённых в «птичьи» костюмы из перьев орла или филина, которые позднее повлияли на атрибуты тюркских каганов.

Видимо, с алтайским словом *дэги* 'птица' были связаны и огузские воины с «закрытыми лицами», в эпосах носившие геройское звание *дели*. Этот термин встречается в имени одного из предков саха Дэли Дархана. Неслучайно якутское слово *туйгун* 'отличный' у кыргызов означает 'белый ястреб', а в переносном смысле – силу, смелость и ловкость [Там же, с. 769]. На языке саха слово *дэгийэ* 'крючковатый' (о соколе или орле) родственно *дэгий-* 'бежать, легко ступая, едва касаясь земли', *дэгэрэн* 'танец с подсакиванием на носках' [БТСЯЯ, 2006, с. 227. 229]. Этимологически к ним близки як. *тэкэй-* 'бежать, рысать легко и грациозно' (о жеребёнке), *тэкээр-* 'бежать легко, словно взлетая' (об олене), а также *тэгийл* 'далёкий' и *тэгийли-* 'делать круги' [БТСЯЯ, 2014, с. 462, 454]. Все эти термины саха восходят к др.-тюрк. *тенри-* 'кружиться' (о голове) [ДТС, 1969, с. 551].

Приведённые примеры основаны на глаголах, обозначающих понятия 'подниматься вверх' (пешком по склону горы), 'двигаться по кругу' (словно олени или птицы), 'танцевать' (летать по ярусам неба). Тюркские глаголы *тен-/ тен-/ тег-* позволяют рассматривать гору как «крышу Мира», где живут боги. На наш взгляд, *таҕ* 'гора' должен иметь вариант *тав*, как и *суҕ* 'вода' имеет древнетюркский вариант *сув* 'вода, река' [ДТС, 1969, с. 515]. Отсюда вытекает заманчивая идея сопоставить *тав* 'гора' с др.-тюрк. *тап-* 'служить, поклоняться', уйг. *тапла-* 'оказать почесть' и монг. *таҕала-* 'любить' [Пекарский, 1959, стб. 2561]. Гора всегда связана с образом чего-то отдалённого и маленького (ср. як. *саар тэгийл*), а на самом деле великого и труднодоступного для людей.

В свете этого интересно, что у рядовых алтайцев оставались следы почитания Синего Неба в виде оленя, лося или коня. Шкуры этих животных использовались для изготовления мембраны бубна, который служил компактной походной молельней [Потапов, 1991, с. 269; 163, 165]. Образы зверей горно-таёжной зоны иногда дополнялись рисунками козлов-теке, нанесёнными на верхнюю, или «небесную»,

часть бубна [Там же, с. 195]. «На летнюю» символику бубна указывает то, что алтайские шаманы камлали [Там же, 262] с весны до осени, ибо зимой небо «замерзло» [Там же, с. 193]. О солярном культе говорят тамги на скалах в виде круга с крестом или рожками сверху. Соединение символа солнца-матери с рогами архара объясняется запретом весенне-летней охоты на самок оленей, вынашивавших и кормивших детёнышей. Значит, отстрелу подлежали самцы парнокопытных, которые становились символами летних месяцев года.

Саха утеряли культ горного козла-теке, но, судя по глаголу *тэкэй-* ‘бежать как жеребёнок’, они перенесли его на солнечных коней. Существует миф о том, что Эллэй спустился к людям Омогоя с вершины горы, держа в распростёртых как крылья руках белую чайку [Боло, 1994, с. 259]. По другой версии, его первый сын устроил *Ыһыах* и улетел вместе с чайками на небеса. Он оставил на камне южной Священной горы *Ытык Хайа* след своей ноги [Боло, 1934, л. 185]. Можно предположить, что сюжет об оставлении первым шаманом «птичьего следа» на камне является отголоском древнетюркских наскальных росписей.

Мифические образы птиц позволяют нам обратить внимание на глаголы саха: *тай-* / *дай-* ‘летать низко, паря над землёй’, *тэй-* ‘отдаляться’, а также *дайыр-* ‘тратить много усилий для приготовления чего-либо’. Забытое слово *дайыр* можно связать с карач.-балк. *тейир* ‘небо’ и бур. *тайлаган* ‘обряд жертвоприношения’. Эти параллели сходны с кирг. *тайы-* / *тайын-* ‘приносить жертву, поклоняться’ (божеству Земли-Воды *Жер-Суу* и духу «сивогривого волка» – *көк жал* Манаса) [Киргизско-русский словарь, 1965, с. 690, 219]. С небом связаны кыргызские глаголы *дайыры-* ‘учиться летать’, ‘расправлять крылья’, *дайында-* ‘приготавливать, управлять’, термин *дайди* ‘бродячий’ [Там же, с. 181], а также монг. *тай-х* и каз. *табуны-* ‘поклоняться духу-аруаху’ [Монгол-казах толь, 1984, с. 446].

Зооморфный облик духов видится в терминах саха: *табай-* / *дабай-* ‘прикасаться’, *табыл* ‘сексуальная страсть’. Тюрки могли совершать обряды на вершине горы *таб* и, получив силу диких козлов, спускаться вниз, где их ожидали жёны. Видимо, образ небесной тверди был взят с ледяных вершин гор, о чём говорит древне-

тюркский глагол *тай-* ‘скользить’, сходный с як. *тайаа-* ‘охватить всё пространство’, *тайба* ‘хребет, покрытый лесом’, *тайылба* ‘дальнее расстояние’ [Пекарский, 1959, стб. 2530].

Изучая жилища саха, этнограф Ф.М. Зыков заметил, что глагол *табыс-* ‘подниматься вверх’, употребляемый при обозначении переезда на летник *сайылык*, указывает на то, что предки саха знали вертикальное кочевание, характерное для горных условий Средней Азии и Южной Сибири. При этом глагол *тахсы-* ‘восходить’ созвучен тюрк. *таг* ‘гора’ [Зыков, 1986, с. 87]. На основании данной гипотезы Н.К. Данилова [2011, с. 36] считает, что перекочёвка на альпийские луга происходила во время пробуждения вечно живой природы. Отсюда логично предположить, что бубны *камов* из шкур диких козлов гремели на горных пастбищах кочевников.

Тюркский корень мог лежать и в основе названия монгольского обряда *тогоху*, во время которого все участники пели, кричали и хлопали в ладоши, чтобы ввести шамана в состояние транса [Банзаров, 1997, с. 54]. Название этого обряда происходит от глагола *тогло-х* ‘играть’ [Монгол-казах толь, 1984, с. 460] и напоминает «поднятие» души шамана на небо. Отсюда выходит, что глагол *тогло-* соответствует исчезнувшим тюрк. *табла-*, *тавла-* ‘подниматься на гору’, реконструкция которых возможна на основе як. *тылаа-* ‘идти в лес или село’. Топоним *Тав Дайыр* (совр. Лесоселье) встречается в названии лесного аула в Крыму [Язык Земли..., 2008, с. 300]. Это даёт возможность сравнить крымскотатарское (ногайское?) слово *дайыр* ‘круг, сфера обитания’ с як. *дайы-* / *дабайы-* ‘летать, парить’, ‘подняться на горный перевал’.

Близость символик горы и дерева в фольклоре саха заставляет нас вспомнить высокую лиственницу *тэнкэл тиит* с ветвями на верхушке, обычно обгоревшую снизу [Пекарский, 1959, стб. 2636]. Этот образ находим в сюжете о том, что Эллэй плыл по реке, сидя верхом на дереве с обгорелым корнем. В обрядовой песне высокая лиственница *тэгэл тиит* описывается как место для гнездования орла – *Ала тойона* [Зверев, 2000, с. 25]. Любопытно, что эпитет орла *дыабыл* ‘пёстрый’ встречается в описании бурой земли у древних тюрков и саха, из чего следует вывод о том, что земные культы дали толчок для появления культа Неба. Это мог заметить

В.В. Радлов, переведивший термин *умай* в значениях «богиня» и «мужское имя» [Потапов, 1991, с. 285]. Можно уверенно сказать, что тюркская знать носила сакральное имя «Умай» в качестве высокого титула.

О происхождении богов *айыы* рассказывает миф саха Средней Колымы: Эллэй Айыы спустился сверху, устроил *Айыы Тэҕил ысыаба*, а затем вознёсся обратно на небо. С тех пор саха совершают кумысные праздники в честь творцов [Боло, 1940а, л.10–11]. Примечательно, что в тексте сохранился глагол *тэҕиллээ-* ‘организовать’. Это даёт основание думать, что дух предка совершал полёт по кругу или двигался по зигзагу, так как из зигзагов состоит узор *тангалай* – символ перистых облаков. Возможен и простой вариант: Эллэй мог спускаться по «лестнице» из лиственницы, на которой он приплыл с верховьев Лены.

В свете изложенного текста интересна работа С.Б. Самбуевой [2004, с. 22–34] о тотемном происхождении бурятской женской шубы *тэгэл / тэгэлэй* и её семантической связи с якутской женской шубой *тангалай*. Бурятское слово *тэгэлэй* напоминает як. *тэгэлий-* ‘делать круги’ и восходит к культам горы и неба, где обитали маралы и лебеди. Отсюда ясно, почему старинные пляски якуток были очень близки к камланиям шаманок. В этом контексте приемлемо мнение о том, что у прибайкальских бурят обряд *тайлган* с обязательным исполнением танца *ёхор* пожилыми женщинами восходит к культу матерей [Дашиева, 2015, с. 92].

Любопытно, что *дэгэлэй* (или *олбок*) монгольские воины носили как доспех, а в русском языке он известен как *тегилай* ‘доспех с короткими рукавами и высоко стоящим воротником’ [Банзаров, 1997, с. 92]. По легенде кангаласцев, перед битвой воины саха надевали доспехи *кэдьингэ* из шкуры зверя *кэй*, «пёстро́го как облака» [Боло, 1940б, л. 18]. Это одеяние является той самой шубой *тангалай сон*, которая сравнима с *тегилаем* монгольского шамана *бугэ* (ср. с тюрк. *буха* ‘бык-производитель’). Слово *бугэ* ‘шаман’, приводимое Д. Банзаровым, является вариантом бурятского *бёё* ‘шаман’ и восходит к куманскому *буу / бугу* ‘лось’, ‘олень’ [Самойлович, 2005, с. 194] и казахскому *бубы* ‘марал’ [Монгол-казах толь, 1984, с. 298]. Таким образом, зверь *кэй* являлся отголоском легенды о

быках-огузах, облачённых в рогатые доспехи из шкур рыжих козлов *кейик*. Это напоминает сагу о Торир-Собаке: он жил в горах Финнмёрка и носил 12 заколдованных рубашек из оленьих шкур, которые были крепче любой кольчуги. Их не мог рассечь даже меч крестителя – конунга Олава Святого [Головнёв, 2009, с. 333–334].

К этому добавим, что *кэй кыыл* является образом матери-зверя шаманов саха и находит параллель в як. *көй кынат* ‘воздушные крылья’ и алт. *кэй канат* ‘рукава шаманского плаща, символизирующие крылья’ [Гоголев, 2016, с. 13]. Слово *көй* ‘много’ подразумевает бесчисленность «войска» шамана и восходит к др.-тюрк. *кейик* ‘олень’, ‘лань’, ‘дикий зверь’ [ДТС, 1969, с. 294]. Ритуальное воинское одеяние *кэдьингэ сон* напоминает древнетюркское слово *кеджик* ‘лань’ [Там же, с. 294–295]. Это позволяет предположить, что *кэдьингэ* могли шить из шкур оленя или козла. Согласно сказаниям шаманов саха, идолы мужчин назывались *хан* (ср. с др.-тюрк. *хан* ‘отец’. – В.В.), а идолы женщин – *көдьөнө*. Они изготовлялись из шкур, снятых с черепов лошадей или коров [Константинов, 1941, л. 37]. Таким образом, шубу *кэдьингэ сон* следует считать предтечей кольчуги *көй куйах*.

В эпосе *олонхо* кодовый мотив песни *тангалай ырыа* должен был сопровождаться танцем-полётом *дэгэрэн*. Это указывает на генетическую связь обрядовой пляски *дэгэрэн* с бурятской женской шубой и монгольской воинской бронёй *дэгэлэй*.

О тотемной природе *айыы* говорится в описании обряда путешествия шамана к богине рогатого скота Анахсыт хотун, записанного со слов шамана С.И. Башарина. Он сначала призвал помощников: голубя, кукушку, лебедя, гуся и др. Затем восхвалял «корень» Хомпоруун Хотоя, наделяя эпитетами: *тайбыр дьабыл, төгүрүк кынат, түрбүү тумус, хотой дьабыл* («рябой ковш, округлое крыло, острый клюв, пёстрый орёл»). И при этом жрец говорил, что создали его *Үөчэй Айыы, Дьабыл Айыы, Көтөр Дьөлүк* (букв. «летающий бродяга»), имеющий острогу *айыы үөрбэтэ*, и приказали стать шаманом *айыы тэбэл ойууна* [Саввин, 1937–1941, л. 205]. За ним стояли мальчики и девочки, изображавшие «крылья» орла. Они притопывали ногами ритм *тангалай хаамыы* и двигались «навстречу солнцу» [Там же, л. 201].

Этот клин «птиц» при многократном повторении образует рисунок дерева с сакральным числом ветвей, в которых отражены ярусы неба. Интересно, что в источнике говорится о пляске против часовой стрелки. Этот факт легко объясняется подражанием ходьбе оленей в загоне, которые, убегая от укусов оводов, всегда кружатся против хода солнца. Искусствовед А.Г. Лукина [2004, с. 262–264] пишет, что во время танца *тангалай хаамы* шаман и чистые дети впадали в экстаз и поднимались по ступенькам прямой дороги в Верхний мир.

В словаре Э.К. Пекарского [1959, стб. 2525] термин *тайбыр / дайбыр* фиксируется как 'имя мифологического предка' (Аан Тайбыр) и 'деревянный ковш'. Вероятно, в *алгысе* узорчатый ковш *тайбыр* относится к сакральным сосудам со знаком креста или круга (вспомним эпитет орла – «округлое крыло»). Также имя легендарного предка саха Татаар Тайма может восходить к глаголу *тайбаа-* 'махать крыльями', в чём прослеживается шаманский «корень» отца Эллэй Боотура.

Синонимичность терминов *айыы* и *тэбэл* даёт основание сопоставить слово *тэбэл* с *табара* и перевести *айыы тэбил ойууна* как «небесный шаман», а праздник *Айыы Тэбил ыһыаба* (*Айыы Тангара ыһыаба*) – «обряд окропления Творца Неба». Таким образом, генезис праздника *Ыһыах* был неразрывно связан с архаичными культами земли-воды, горы, предков, а затем развился до культа вождей. Весь этот комплекс стоял на фундаменте шаманизма.

Священная легенда возводит генеалогию Чинчис-хана к супружеской паре пятнистого волка Бортэ Чино и лани Гоа Марала, жившей в VIII в. на берегу Байкала. Чингизиды образ пращура могли унаследовать от тюрков, которые прибыли на Алтай из Турфана и, объединившись с теле-уйгурами, геройствовали на севере. У телесцев тотемом мог служить марал, известный со времён скифов, черты которых сохранили южные алтайцы [Гоголев, 2016, с. 14]. Позднее этноним теле / дили превратился в нарицательное название огузских воинов, ушедших на запад.

Средневековые монголы из волчьего рода Чино тоже были смешанного происхождения. Первая часть имени Буртэ, по трактовке учёного А. Очира, является тюркизмом *бор / бури* 'серый волк' [Нанзатов, 2010, с. 336]. Любопытно,

что в скандинавских мифах Бури и Бор выступали предками бога войны Одина, в конце жизни проглоченного волком [Мелетинский, 1991, с. 103]. И в этом мы видим влияние гуннов, покоровших готские и германские племена. Если тюрки называли лань *кейик* или *теке*, то рождение принца Тэмуджин-тегина связывается с вершиной родовой горы *тег*. Отсюда берёт начало вера в творцов *айыы*, которая именуется тенгрианством.

Возможно, горную страну, куда «бродячие» духи шаманов долетали в облике орлов, обозначало и монголо-якутское слово *дайды*. Эта древнейшая традиция берёт начало с эпохи палеолита, когда пути освоения Севера проходили по горным цепям. Даже в долинах рек охотники сохраняли «горный стиль» освоения пространства, перенося модель пещеры на жилища из дерева или костей крупных зверей [Головнёв, 2009, с. 75]. Исходя из этого, устанавливается целостная картина культа Неба и Земли, в которой земные образы были первичными.

Гора является главным ориентиром при дальних переходах, и вершины гор манили охотников образом козла. Зооморфный аналог «темени» Земли, восходящий к культу горы *тав*, оставил отпечаток в почитании тюрками курганов *тебе*, а саха – оленей *таба*. Степняки эти образы перенесли на верблюдов. Поэтому казахское слово *түйе* 'верблюд' соответствует тур. *деве* 'верблюд' [Турецко-русский словарь, 1977, с. 966], як. *таба* 'олень' [Антонов, 1971, с.155], напоминая термины *тейир* и *табара* 'небо'. Неслучайно саха сравнивали невесту с небесным оленем *тангара табата*, приносимым в жертву верхнему божеству, вероятно, представлявшемуся в образе самца лося или марала.

Тюрки почитали коней чубарой масти, похожих на пятнистых маралов, а саха поклонялись жертвенным лошадям *табык ат*, заменившим диких оленей. Этот обычай заложен в тюркских словах *тапаб удуб*, *тапыб*, *тапуб* 'поклонение, почитание', *тапын-жүгүн* 'поклоняться' [ДТС, 1969, с. 533–535]. При этом вариант *тапуб* встречается в имени сына Омогой баая – Кэлтэгэй Тобук, внук которого улетел на небо. В память об этом шаманы носили платья из шкуры белого пыжика и шапки с рожками. Также древний глагол *тапла-* 'любить, почитать' этимоло-

гически сходен с як. *хатаҕала-* (*хат таҕала-*) 'угощать, потчевать (повторно)', в чём прослеживается обычай угощения предков во время поминальных обрядов древних тюрков.

Сказители саха упоминали о существовании пяти видов ритуальных барабанов, среди которых были: *лөкөй табык*, *көй табык* и *кэрэ табык* [Жирков, 1981, с. 76]. Судя по названиям, они изготовлялись из шкур лося *буур тайах*, оленя *кэйик* и белой лошади с желтоватым отливом. При этом белая лошадь *кэрэ ат* в поэтике саха имеет синоним *улаан ат* 'красный конь', что связано с солярной символикой и рыжего марала, и белого коня. Отсюда ясно, что обряд жертвоприношения священного коня *табык ытык ат* (ср. с др.-тюрк. *тапыҕ удубу*) возник на почве почитания оленя *таба*. Ветвистые рога оленей сохранились в масках коней из курганов скифов и ассоциировались с крыльями птиц.

Огузский след проявляется в шаманском жертвоприношении *табык кэрэх* грозному воздушному духу Уйулҕан Маҕан тойону в виде белого быка-пороза *атыыр обус* с белыми копытами и красной мордой *тумус* (досл. «клюв»), цельную шкуру которого вешали на дереве, а кости и мясо сжигали на костре [Саввин, 1937–1941, л. 8]. Интересно, что эти сведения сообщил старый шаман Степан Башарин с «орлиным корнем», считавший своим «отцом» божество Хомпоруун Хотой айыы. Культ солнечного быка через уйгуров восходит к гуннам, правитель которых говорил, что вырос он среди быков, намекая этим на своё тотемное происхождение. Образ птиц прослеживается в предании саха из рода Бахсы, в котором головы *төбө* трёх удаганок, убитых врагами, разлетаются в разные места и превращаются в три добрых кургана [Боло, 1994, с. 235]. Здесь умалчивается то, что духи шаманок улетали прочь от карателей, размахивая своими волосами.

Краткий обзор проблемы происхождения культа Неба раскрывает тесную взаимосвязь шаманства с более ранними культурами. Пройдя через жернова репрессий сначала царизма, а затем и коммунистического режима, шаманизм вобрал в себя элементы поздних учений. Поэтому тенгрианцы стремятся примкнуть к евразийцам и исключить шаманство из религиозной сферы. В советскую эпоху в опалу попал и

праздник *Ыһыах*. Большевики предлагали заменить его ежегодной народной ярмаркой [Ойунский, 1925, с. 1]. Эти меры предпринимались потому, что обряд *алгыс*, известный и у других тюркских этносов, был сопряжён с идеей полёта птицы на небо. При этом аналогичное путешествие шамана с использованием символов родовой горы или дерева приравнивалось к акту моления божествам.

Опираясь на труды своих предшественников, мы предполагаем, что прообразом многослойного Верхнего мира послужили горы, ставшие предтечей тенгризма nomadов. На это указывают тотемные олени и козлы, венчавшие «крышу Неба» в скифском зверином стиле. И эта версия совпадает с мнением этнографа Л.П. Потапова о том, что шаманизм сложился в горно-таёжных районах Южной Сибири. До недавних пор кыргызы, буряты и туркмены украшали крыши домов рогами козлов и баранов, помня о горных духах далёких предков. Тем самым подчёркиваются единые истоки двух культов древних тюрков и монголов.

Литература и источники

- Антонов Н.К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 173 с.
- Балдаев Д.Ф.* Некоторые вопросы эволюции культа Неба в Центральной Азии // Мункуевские чтения–2: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. – С. 63–68.
- Банзаров Д.* Собрание сочинений. – 2-е изд., доп. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 240 с.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 382 с.
- Боло С.И.* Предания якутов Якутского округа: этнография, предания и верования. 1934 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 14. Д. 57. 227 л.
- Боло С.И.* Тылгыны кыргыһыта. 1938 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 25. 6 л.
- Боло С.И.* По историческому фольклору наслегов Среднеколымского района. 1940а // Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 435. 38 л.
- Боло С.И.* Записи по верованиям якутов бывшего Колымского улуса. 1940б // Там же. Д. 438. 37 л.
- Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 352 с.

БТСЯЯ, 2006 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с. (Буквы Г – И).

БТСЯЯ, 2014 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XI (буква Т) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.

Гоголев А.И. Якутско-алтайские этнокультурные и языковые параллели // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 3 (16). – С. 10–16.

Головин А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. – 496 с.

Данилова Н.К. Традиционное жилище народа саха: Пространство. Дом. Ритуал. – Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2011. – 122 с.

Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. – 2-е изд. – М.: Наука. – Вост. лит., 2015. – 239 с.

ДТС, 1969 – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Жирков М.Н. Якутская народная музыка. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 120 с.

Зверев С.А. Кыыл Уола. Сарсын, сарсын сарсыарда: (С.А. Зверев тылыттан фольклорной суруйуулар). – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 352 с.

Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в.: историко-этнографическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1986. – 102 с.

Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. – М.: Сов. энцикл., 1965. – 973 с.

Константинов Х.И. Ойуун кырыгылар. 1941 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф 3. Оп. 5. Д. 537. 60 л.

Лукина А.Г. Традиционные танцы саха. Идеи, образы, лексика. – Новосибирск: Наука, 2004. – 356 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М.: Наука, 1978. – 128 с.

Мелетинский Е.М. Бури // Мифологический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 103.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура социальные функции. – Новосибирск: Наука, 1987. – 288 с.

Монгол-казах толь / сост. Б. Базылхан. – Улаанбаатар: Өлгий, 1984. – 886 с.

Нанзатов Б.З. Тюркский пласт бурятской этнонимии эпохи господства тюркских каганатов // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / отв. ред. П.Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 330–350.

Неёлов Ю.В., Ламин В.А. К читателю // Траектории проектов в высоких широтах. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 8–13.

Неклюдов С.Ю. Тенгри // Мифологический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 536.

Ойуунскай. Ыһыахтар – дьаарбанкалар // Кыым. – 1925. – 3 июня. – С. 1.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Т. III. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Стб. 2509–3858.

Потанов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.

Саввин А.А. Верования якутов. 1937–1941гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 70. 347 л.

Самбуева С.Б. Символика традиционного бурятского женского костюма. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – 92 с.

Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: Вост. лит., 2005. – 1053 с.

Татаринцев Б.И. О происхождении тюркского наименования неба (танги и его соответствия) // Сов. тюркология. – 1984. – № 4. – С. 72–84.

Тимофеев-Терешкин М. Былыргы ыһыах // Кыым. – 29 мая. – 1945. – С. 2.

Турецко-русский словарь. – М.: Изд-во «Русский язык», 1977. – 966 с.

Федорова Л.В. Евразийство: стремление к древнейшей или новой религиозности универсальных идей. – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013. – 320 с.

Шишигин Е.С. Распространение христианства в Якутии. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. – 117 с.

Элерт А.Х. Якутский праздник Ысыах в описании участников Второй Камчатской экспедиции // Источники по русской литературе: Средневековье и Новое время. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – С. 255–271.

Язык Земли: Историческая топонимия Крыма: словарь-справочник. – Т. 1 / сост.: Дж. Челебиев, А.В. Суперанская. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. – 408 с.

Сокращения

Алт. – алтайский.
Бур. – бурятский.
Др.-тюрк. – древнетюркский.
Каз. – казахский.
Карач.-балк. – карачаево-балкарский.
Кирг. юж. диал. – киргизский южный диалект.
Куманд. – кумандинский.
Монг. – монгольский.
Тоф. – тофаларский.
Тув. – тувинский.

Тур. – турецкий.
Тюрк. – тюркский.
Уйг. – уйгурский.

Хак. – хакасский.
Шор. – шорский.
Як. – якутский.

V.E. Vasilyev

Origins of Tengrianism: from the cult of mountains to the cult of Heaven

This article examines Tengrianism, which in the post-Soviet space has become widespread among the Turkic and Mongolian peoples. On the wave of the rise of a sense of national pride and ethnos identity, Tengrians were presented as the oldest dogma that stood on a par with other world religions. Supporters of this movement are attracted by the idea of monotheism, inherent in Judaism, Christianity and Islam. This gives rise to the adherents of monotheistic Tengrianism to renounce shamanism and to search for the foundations of the world outlook of the Sakha people in the theory of Eurasianism, which arose among Russian emigrants from tsarist Russia. However, the cult of the “golden dynasties” of the ancient steppe khanates was the brainchild of shamanism and was built along the line of veneration of the Earth and Mount, Sun and Moon, God-Tsar and his Son-Hagan. This evolution of ideas involves borrowing the cult of tsars from neighboring countries, and on the other hand - the development of their own cults. Their merging led to the creation of new systems of religion. Historical and ethnographic data show that in the formation of the cult of Heaven, a large role was played by totemic ancestors. Also, the Turkic and Mongolian etymological parallels indicate a close interconnection of the main Tengrian rites with the cults of mountains and shamanism. This triad “mountain - totem – shaman” leads to the idea that the origins of the religion of Aiyy to be found in the archaic layers of beliefs of the ancestors of the Sakha people.

Keywords: history, shamanism, religion of nomads, Tengrianism, cult of Aiyy, Ysyakh, Christianity, Eurasianism, Yakutia, geopolitics of Russia.

УДК 94(571.56)“192”+929Ефимов

Л.Е. Винокурова

Г.С. Ефимов – один из первых руководителей автономной Якутии (1920–1922 гг.)

В статье на немногочисленных сохранившихся архивных документах и опубликованных материалах рассматривается деятельность Георгия Семеновича Ефимова – члена Якутского губревкома, активного участника вооруженного антисоветского выступления, председателя Временного Якутского областного народного управления (ВЯОНУ), который после его роспуска перебрался в Охотск, затем во Владивосток и оттуда эмигрировал в Харбин. Это особенно актуально в связи с попытками реабилитировать, выявить роль и позицию отдельных представителей национальной интеллигенции в событиях тех драматичных времен, что затрудняет наличие лакун и пробелов в их жизнедеятельности.

Ключевые слова: ревком, Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика, личность, интеллигенция, повстанчество, Временное Якутское областное народное управление.

Георгий Семенович Ефимов родился 10 апреля 1892 г. в Дулгалахском наслеге Верхоянского улуса в семье якута-крестьянина [НА РС (Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 454. Л. 3]. Учился в церковно-приходской школе г. Верхоянска. В 1912 г. окончил двухгодичные педагогические курсы

© Л.Е. Винокурова, 2017

для учителей начальных классов в г. Якутске и затем обратился к инспектору народных училищ Якутской области с прошением назначить его учителем в одноклассное училище с. Казачье (при условии «выдачи прогонных денег до места назначения, установления пайка ежемесячно»), а также в случае открытия вакансии в Верхоянском двухклассном училище зачислить его «кандидатом старшего учителя с заведыванием училищем» [Там же. Л. 1]. К прошению были приложены: «Аттестат об окончании Якутского городского четырехклассного училища», «Удостоверение о его политической благонадежности» (подписанное якутским губернатором И.И. Крафтом от 15 июля 1911 г.). В удостоверении было написано, что он является «инородцем I Юсальского наслега Верхоянского улуса и округа» [Там же. Л. 2].

В его послужном списке записано: Хачинское училище – 1912 г., Абагинское училище – 1912–1913 гг., I Приходское училище – 1914 г., образцовая начальная школа при учительской семинарии – 1914–1915 гг. [Там же. Л. 3, 3 об.]. По данным А.А. Павлова, он учился в Якутской духовной семинарии, по окончании которой продолжил учебу в Томском государственном университете на юридическом факультете. Вернувшись в Якутск, он стал преподавателем учительской семинарии. Известно, что «Ефимов Георгий Семенович в 1917 г. за 18 уроков в неделю в год получал 1800 рублей и за снимаемую квартиру платил 450 руб.» [Павлов, 2013, с. 88, 124]. Согласно другой информации, он якобы закончил Санкт-Петербургский университет [Энциклопедия Якутии, 2000, с. 322; Клиорина, 2011, с. 229].

Таким образом, перечисленные данные позволяют заключить, что он сформировался как высококвалифицированный специалист в области народного образования и права.

Перед тем, как перейти к его политической принадлежности, следует отметить, что среди исследователей Г.С. Ефимова нет единого мнения по этому вопросу. Так, одни из них пишут, что Г.С. Ефимов был эсером и федералистом [Образование Якутской АССР ..., 1982, с. 193; Башарин, 1996, с. 80; Энциклопедия Якутии, 2000, с. 322]. Другие считают, что он был каде-

том [Байкалов, 1968, с. 56–59; Исидор Никифорович Барахов, 2013, с. 266; Чемезов, Макаров, 1963, с. 57; Макаров, 1996, с. 183; Клиорина, 2011, с. 229; Павлов, 2013, с. 124].

3 марта 1920 г. Сибревком назначил одного из активных участников борьбы против колчаковского режима в Сибири М.К. Аммосова уполномоченным Сибревкома по организации советской власти в Якутии. М.К. Аммосов, прибыв в Иркутск, приступил к работе, и 15 марта в г. Якутске была получена его телеграмма о роспуске Реввоенштаба и назначении ревкома. В этот же день был создан Якутский временный губернский революционный комитет, который сосредоточил всю гражданскую власть в своих руках.

М.К. Аммосов приложил огромные усилия, чтобы собрать национальные кадры края. Так, П.А. Ойунский был переведен в Иркутск из Томска и активно включился в разработку вопросов организации аппарата советской власти в Якутии. По-видимому, вместе с ним туда прибыл и Г.С. Ефимов – выпускник Томского государственного университета. По документальным источникам известно, что в Иркутске 25 апреля 1920 г. Г.С. Ефимов принимал участие в совещании подотдела исследования Якутской губернии (заведующий К. Ксенофонтов) [Культурная революция ..., 1968, с. 87], где рассматривался вопрос о содействии в издании произведений якутских авторов. На этом совещании Платон Слепцов зачитал свое новое произведение на якутском языке – «Кынар ойун» [так в тексте. – Л.В.] («олонхо туор оонньуулаах»)*. Присутствующие (Максим Аммосов, Аркадий Никифоров, Константин Ксенофонтов) высказались за содействие в издании данного произведения и широкое распространение его среди населения. Есть заметка, что Г.С. Ефимов внес предложение, чтобы литературно-художественная секция подотдела Якутской губернии взяла на себя обязанности по содействию изданию всех литературных произведений, особенно талантливых и самобытных авторов [Платон Алексеевич Ойунский ..., 2015, с. 329]. Это первая документальная запись, где идет цитирование выступления Г.С. Ефимова.

20 апреля 1920 г. постановлением Сибревкома была ликвидирована самостоятельность

* Возможно, в документе в название произведения П.А. Ойунского вкралась опечатка. По-видимому, это была рукопись «Кыһыл ойун».

Якутской области, вместо нее образован район Иркутской губернии. 9 мая в Иркутске состоялось совещание, в работе которого приняли участие представители учреждений Иркутска и Якутской области, в т.ч. и Г.С. Ефимов. Центральное место в повестке дня занял вопрос о присоединении Якутской области к Иркутской губернии на правах района [Образование Якутской АССР ..., 1982, с. 34; Винокурова, 2007, с. 52–54]. На следующий день (10 мая) было принято постановление о том что Иркутский губревком определяет положения принципиального характера, а Якутский райревком должен был самостоятельно решать вопросы местного значения [Образование Якутской АССР ..., 1982, с. 35–36; Винокурова, 2007, с. 54]. Спустя шесть дней состоялось очередное межведомственное заседание. Согласно «Протоколу», представители иркутских ведомств и представители Якутии вновь обсудили вопрос о том, может ли бывшая Якутская область стать самостоятельной губернской единицей или районом Иркутской губернии [Образование Якутской АССР ..., 1982, с. 42–45; Винокурова, 2007, с. 54–56]. После долгих дебатов участники совещания приняли резолюцию, внесенную М.К. Аммосовым, который, учитывая отдаленность Якутской области от Иркутской губернии, своеобразие административно-хозяйственной жизни края, высказался за ее самостоятельность, предусмотрев возможность подчинения Иркутску следующих отделов: финансового, военного, связи.

Содержание «Протоколов» свидетельствует об активных выступлениях представителей Якутской области (М.К. Аммосов, А.И. Мордвов, П.А. Ойунский, И.И. Константинов) и учреждений Иркутска (Беленец – губревком, Н.Е. Олейников – губпродком, Писарев, Дементьев, Самойлович, Миротворцев). Но в них нет ничего о выступлениях Г.С. Ефимова, свидетельствующих о его позиции по вопросу о выделении Якутской области в качестве самостоятельной губернской единицы. На межведомственных заседаниях в Иркутске Г.С. Ефимов исполнял лишь обязанности секретаря.

М.К. Аммосов, с марта и до начала навигации находясь в Иркутске, руководил созданием будущих административных и хозяйственных органов советской власти в Якутии, комплектованием состава Якутского губревкома, организацией

его отделов и определением главных направлений в крае. Представители партийно-советских органов Якутии выступили за создание ревкомов, которые за короткий срок должны были поднять народное хозяйство и подготовить выборы в Советы. При подборе кадров учитывались не только опыт партийно-хозяйственной работы, но и наличие образованности, знание якутского языка. Возможно, именно поэтому руководство Якутии пригласило Г.С. Ефимова к сотрудничеству с советской властью в крае.

4 июня группа ответственных партийно-советских работников во главе с М.К. Аммосовым в количестве 300 человек с членами их семей, в том числе 85 красноармейцев, прибыли в Якутск. После чего началась широкомасштабная деятельность по преобразованию школьных учреждений. Тогда же был распущен временный ревком и выбран новый (М.К. Аммосов – председатель, Х.А. Гладунов, П.А. Ойунский – члены). Якутский губревком издал приказ о назначении Г.С. Ефимова заведующим Якутским районным отделом народного образования 7 июня [НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35], а согласно сборнику «Образование Якутской АССР» [1982, с. 48] – 8 июня. С 17 июня по 8 июля Якутское губбюро организовало ускоренные педагогические курсы, целью которых являлась перестройка содержания и методов преподавания в школах. Редакция газеты «Красный Север» об этом писала так: «Заведующий отделом народного образования т. Ефимов говорит о той громадной работе, которая проделана в Советской России в области народного просвещения» [Борьба ..., 1961, с. 18]. Эта заметка стала второй информацией о сотрудничестве Г.С. Ефимова с советской властью в крае.

Вскоре Г.С. Ефимова начинают перемещать из одного отдела в другой, что, возможно, было связано с нехваткой квалифицированных кадров. Так, 28 июля он назначается заведующим отделом Советуправления с оставлением его в должности заведующего отделом народного образования [НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 19]. Через два с половиной месяца он освобождается от этой должности (приказ Якутского ревкома от 21 августа 1920 г.) [Там же. Л. 21, 21об.], и уже через пять дней Г.С. Ефимов назначается заведующим отделом юстиции [НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 22].

На данный момент не удалось обнаружить ни одного документа, свидетельствующего о его деятельности в вышеназванных должностях. Есть только приказы ревкома о его назначениях.

Вскоре, судя по документам НА РС (Я), Г.С. Ефимов выезжает за пределы Якутской области. В частности, 24 сентября приказом Якутского губревкома Г.С. Ефимов был откомандирован в г. Москву [Там же. Л. 28], где должен был состояться съезд заведующих отделами советского управления, и, согласно протоколу заседания Якутского губревкома от 15 октября 1920 г., Г.С. Ефимов был уполномочен принять в нем участие от Якутской губернии [Там же. Л. 58].

Возможно из-за того, что Г.С. Ефимов был в Москве, на заседании Якутского губревкома (16 октября) было принято решение об избрании уполномоченных на VIII Всероссийский съезд Советов в лице В.Д. Виленского, С.М. Аржакова, Г.С. Ефимова с высылкой мандатов и с обязательством предоставить доклады губревкому [Там же. Л. 61 об.].

Интерес представляет и следующий документ. В составленной И.Н. Бараховым «Краткой исторической справке ... об образовании ЯАССР» было написано: «Вопрос об автономии якутов возник еще в 1920 г., когда якутские делегаты на 8-м Всероссийском съезде Советов, в лице тт. [В.Д.] Виленского, С.М. Аржакова и Г.С. Ефимова поставили [его] перед народным Комиссариатом по делам национальностей» [Исидор Никифорович Барахов, 2008, с. 218]. Об этом же писал ученый Е.Е. Алексеев: «М.К. Аммосов, В.Д. Виленский, С.М. Аржаков, Г.С. Ефимов, П.А. Ойунский поставили вопрос об образовании автономии Якутии. Это особенно ценно, т.к. советские историки даже не упоминали фамилий В.Д. Виленского и Г.С. Ефимова, потому как «первый состоял в меньшевистской партии, а второй был организатором повстанчества против советской власти» [Там же, с. 8].

В телеграфном сообщении (13 ноября) М.К. Аммосова из Омска в Якутск говорится, что при Сибнаце открывается Якутский отдел и, по предложению Ем. Ярославского, его заведующим назначается Г.С. Ефимов [НА РС (Я) Ф. П-2. Оп. 1. Д. 446. Л. 11]. Имеется также телеграмма С.М. Аржакова, Г.С. Ефимова, В.Д. Виленского из Москвы (27 декабря 1920 г.)

в Якутский обком о разрешении вопроса об автономии в зависимости от их решения [Там же. Л. 11].

Интерес представляет и телеграфное сообщение М.К. Аммосова в Сиббюро ЦК РКП (б) Ем. Ярославскому, в Сибнац – Г.С. Ефимову (текст не датирован, дата написания установлена согласно содержанию документа) о состоявшемся совещании партийных работников Якутии. М.К. Аммосов, по-видимому, используя тексты черновых записей о заседании 17 января 1921 г., писал, что совещание вынесло резолюцию, признавшую постановку вопроса об автономии Якутии преждевременной [НА РС (Я) Ф. 2. Оп. 1. Д. 393. Л. 64–64].

В феврале 1921 г. в Москве при Наркомнаце по инициативе С.М. Аржакова был создан Якутский отдел, который начал работу по подготовке образования автономии.

Возможно, получив из Якутска телеграфное сообщение М.К. Аммосова о резолюции, принятой партийной организацией относительно преждевременности автономии региона, 26 февраля на совместном заседании представители Сибнаца (А. Плич – заведующий, Г.С. Ефимов, Р.И. Оросин, И. Давыдов – члены) и коммунисты (П.А. Ойунский, И.Н. Барахов) отправили телеграмму в адрес Якутского губбюро, текст которой свидетельствует о новом витке в осмыслении вопроса об автономии. Авторы телеграммы писали об особенностях Якутии (низкий уровень культуры и быта населения, отсутствие классовых противоречий) и недоверии к старому режиму. Якутский народ, находившийся в течение 300 лет под гнетом царского самодержавия, по их мнению, «перенес на все русское» недоверие, которое можно преодолеть через определенное время. «Бродячее, кочевое и полукочевое» население, – писали они, – требовало особых методов работы в народном хозяйстве». Они считали необходимым привлечь к советскому строительству «трудовое население и якутскую интеллигенцию, призывали к сдержанности в отношении бывших противников советской власти» [Борьба ..., 1961, с. 101–103; Исидор Никифорович Барахов, 2013, с. 22–23; Винокурова, 2007, с. 65–66].

О работе Г.С. Ефимова как члена Сибирского совета по делам национальностей (Сибнац, г. Омск) найдены следующие документальные сведения. 26 февраля 1921 г. И.Н. Барахов писал

о том, что «принял участие в работе Сибирского совета по делам национальностей в г. Омске с участием якутской делегации: П.А. Ойунского, Г.С. Ефимова, Р.И. Оросина, И. Давыдова, где было принято постановление “О привлечении к активному советскому строительству ... трудовой беспартийной интеллигенции”» [Исидор Никифорович Барахов, 2008, с. 530].

Представляет интерес то, как в Якутске восприняли указанную выше телеграмму М.К. Аммосова, которая обсуждалась 13 марта на заседании Якутского губернского партийного комитета. Коммунисты Якутии объявили о своем несогласии с мнением вышеназванных товарищей. Они писали, что авторы телеграммы, в т.ч. и Г.С. Ефимов, не являются делегацией парткома и ревкома («... ибо последние не снабжали их соответствующими на то мандатами потому уже, что Оросин, Ефимов и Давыдов – не коммунисты»). По мнению губпарткома, не следовало коммунистам – П.А. Ойунскому, И.Н. Барахову – обсуждать общественно-политическую ситуацию с Р.И. Оросиным – «контрреволюционером», и об этом немедленно будет доложено в ЦК и в Сиббюро [НА РС (Я). Ф. 2. Оп. 1. Д. 393. Л. 47–48; Борьба ..., 1961, с. 102–103].

Таким образом, партийное совещание Якутии выразило несогласие с политикой, проводимой по отношению к противникам советской власти и по привлечению к работе в хозяйственных и партийных органах Якутии якутской интеллигенции, в т.ч. свое отношение к Г.С. Ефимову.

Но, несмотря на это, 27 августа 1921 г. вышел приказ Якутского ревкома об объявлении нового состава ревкома, в котором значился и Г.С. Ефимов [НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 60 об. – 61]. 3 сентября Г.С. Ефимов вновь назначается заведующим отделом народного образования [Там же. Л. 62 об. – 63].

Вызывает интерес документ, датированный 13 сентября 1921 г. Это предписание П.А. Ойунского Г.С. Ефимову «О создании трудовой школы и подготовке проекта создания Наркомата просвещения ЯАССР с привлечением якутской интеллигенции». Ойунский писал: «Назначая Вас, несмотря на Вашу беспартийность, Якутский губернский революционный Комитет дает Вам задание приступить к созданию трудовой школы и школы революционного воспитания и подготовить почву будущего Наркомпросвеще-

ния Якутской Социалистической Советской Республики, централизовать всю культурно-просветительную и политическую работу, привлекая к сотрудничеству всю сознательную и преданную к трудящимся якутскую интеллигенцию, также все существующие органы народного хозяйства» [Культурная революция в Якутии ..., 1968, с. 54]. Датировка этого документа также вызывает вопрос. Так, в сборнике архивных документов «Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность» [2005, с. 117–118] указана другая дата – 13 мая 1921 г.

22 сентября Г.С. Ефимов принял участие в принятии решения о мобилизации в распоряжение губернского отдела народного образования служащих учреждений [Культурная революция в Якутии ..., 1968, с. 55]. Осенью этого года Г.С. Ефимов участвовал в заседаниях губревкома, на которых принимались меры по устранению повстанчества. 13 октября 1921 г. Якутский губревком (П.А. Ойунский, С.М. Аржаков, А.Г. Козлов, Г.С. Ефимов, Г.И. Лебедев – член губревкома и секретарь губбюро РКП) опубликовал постановление «Об изоляции тойонов» («... подвергнуть общественной изоляции и принуд[ительным] работам указанных врагов бедноты, батраков-хамначитов и трудящихся Якутской губернии по следующим категориям и порядку, с конфискацией или взятием на учет их имущества и лишением активного и пассивного избирательных прав») [Ярославский Ем., 1968, с. 100–102].

3–9 октября 1921 г. состоялся I губернский съезд представителей уездных и волостных ревкомов Якутской губернии. В связи с предстоящим отъездом в Москву на сессию ВЦИК, были вне очереди заслушаны выступления М.К. Аммосова об автономии, а также Г.С. Ефимова, представителя беспартийной фракции, заявившего, что фракция солидарна с коммунистами, участниками съезда и поддерживает образование автономии в форме «социалистической советской республики». Одновременно он внес предложение о расширении состава ревкома до 7 человек, включив в него трех беспартийных. П.А. Ойунский согласился с предложениями беспартийной фракции [Борьба ..., 1961, с. 151–153].

Съезд поручил губревкому образовать специальную Комиссию для разработок Декларации прав и обязанностей трудящихся Якутской

области, проектов Конституции и по определению границ будущей автономной республики.

Все исследователи отмечают участие Г.С. Ефимова в работе над текстом Конституции ЯАССР. Его современники также писали, что он был в составе Комиссии по разработке Конституции. Так, 19 сентября 1921 г. из Москвы в Якутск М.К. Аммосов отправил письмо С.М. Аржакову «Об организации Комиссии по выработке проектов Конституции ЯАССР и районирования». Следует заметить, что первоначально оно было адресовано Г.С. Ефимову, но затем фамилия его была зачеркнута. М.К. Аммосов писал, что под председательством С.М. Аржакова при Якутской секции организуется Комиссия (Г.С. Ефимов, С.Н. Донской) «По выработке проектов Конституции ЯАССР и ее внутреннего административного устройства», перед которой поставлены задачи создания проекта «Конституции АЯССР»; «Декларации якутского трудового народа»; положения «О временном управлении ЯАССР (ревкомитет)»; проекта «Районирования и установления административных единиц»; положения «Об автономных (в масштабе республики) органах ЯАССР (хозяйственных, административных и т.д.)»; определения территории и границ республики. О ходе работы Комиссия должна была докладывать в Якутскую секцию [М.К. Аммосов. *Неизвестные ...*, 2007, с. 51–52]. На следующем заседании Комиссии (октябрь) (С.М. Аржаков, Г.С. Ефимов, С.Н. Донской) было принято решение доклад «О Декларации якутского трудового народа» возложить на П.А. Ойунского (председатель Комиссии) [Платон Алексеевич Ойунский ..., 2015, с. 126]. Была назначена и дата созыва областного съезда Советов трудящихся – 15 марта. К 1 ноября предлагалось представить все материалы [НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 138. Л. 55; *Образование Якутской АССР ...*, 1982, с. 64].

Комиссия рассмотрела и приняла без изменений проект Декларации прав, обязанностей трудящихся ЯАССР, предложенный П.А. Ойун-

ским, также подготовила и проект «Положения об автономии Якутской республики» (23 октября). В нем были определены в лице ВЦИК основные положения органов государственной власти и границ Якутии. Документом предполагалось включить в автономную республику Якутскую губернию, Охотский уезд и Олекминско-Сунтарскую волость Иркутской губернии.

В примечании оговаривалось, что при участии Сибревкома уточняются границы Якутска и Иркутска. Органами управления были объявлены местные Советы, Совет народных комиссаров и Центральный исполнительный комитет, который утверждал народные комиссариаты. Якутский военный комиссариат подчинялся Восточно-Сибирскому округу (местное население освобождалось от воинской службы, создавались милицейские отряды для внутренней охраны). Учреждения ЧК, подчиняющиеся СНК и ВЧК, отделение внешней торговли, Совет народного хозяйства находились в ведении ЯЦИК и РСФСР [НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 75 об.; *Образование Якутской АССР ...*, 1982, с. 65–68; Платон Алексеевич Ойунский ..., 2015, с. 128–135]. Г.С. Ефимов был также включен в Комиссию по административно-экономическому районированию территории ЯАССР (состав: П.А. Ойунский, С. Гоголев, С. Донской, А. Семенов) (14 ноября) [НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 75 об.]. Таким образом, Комиссия составила документы о статусе республики, определила структуру нового государственного устройства Якутии. Но документов, подтверждающих как членство Г.С. Ефимова в Комиссии по разработке Конституции, так и его активное участие в принятии тех или иных решений, не обнаружено.

Интересен следующий документ. 17 октября 1921 г. на заседании Коллегии Якутгубчека (А.В. Агеев – председатель, Богословский, П.П. Кочнев, С.М. Аржаков – члены, Баширов – секретарь) обсуждался вопрос об освобождении заключенных в лагере принудительных работ Василия [Никаноровича] Леонтьева* и Захара Яковлева (участников «февральского загово-

*Леонтьев Василий Никанорович окончил Якутскую духовную семинарию и обучался на юридическом факультете Томского университета. Состоял в кружке эсеров (117–1919), чуть позже в местном отделении кадетов. С 1920 г. возглавлял культурно-просветительное общество «Саха омук», которое привлекало беспартийную интеллигенцию к советской работе (см.: *Культурная революция в Якутии (1917–1937 гг.)*: сб. док. и мат. – Якутск, 1968. – С. 577).

ра») под персональную ответственность Г.С. Ефимова и П. А. Ойунского. Коллегия приняла решение – отказать. Следует заметить, что П.А. Ойунский был крайне недоволен этим решением и отправил в губбюро РКП (Лебедев) следующую записку: «Ввиду отказа, а также ввиду [того], что губчека стала на путь рассмотрения своих функций вне зависимости от губревкома, и не чуть ли вышестоящими от функций губревкома, прошу поставить данный [вопрос] на заседание Губбюро РКП 20 октября 1921 г.» [Платон Алексеевич Ойунский ..., 2015, с. 223–224].

На следующем заседании (18 октября) представители губревкома (П.А. Ойунский, С.М. Аржаков, А. Козлов, Г.С. Ефимов, Г. Лебедев) приняли постановление Якутского губревкома об отношении к якутской интеллигенции, в котором предлагалось с особой осторожностью на время выборов в совдепы применять методы изоляции по отношению к интеллигенции. Далее в документе говорилось: «Пусть якутская беспартийная трудовая интеллигенция, оставив прежние заблуждения насчет Советской власти и Коммунистической партии, знает, что автономию и полное духовное и экономическое раскрепощение якутской бедноты несёт Коммунистическая партия и Советская власть ...» [Там же, с. 127–128].

Документы позволяют заключить, что, возможно, начавшиеся противоречия между руководителями губревкома и губчека предопределили решение Г.С. Ефимова отстраниться от общественно-политической жизни. Это подтверждается следующим документом. На очередном заседании Президиума губбюро РКП (б) (19 декабря) было заслушано следующее: освободить от обязанностей члена губревкома по наробразу Г.С. Ефимова; дать ему двухмесячный отпуск ввиду болезни [НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 140. Л. 177]. Согласно приказу Якутского ревкома от 20 декабря 1921 г., Г.С. Ефимов был освобожден от обязанностей члена Якутского губревкома по болезни согласно поданному заявлению [Там же. Д. 35. Л. 82].

В январе 1922 г. белые захватили Баягантайский, Таттинский улусы и с. Мырылу Ботурусского улуса. 15 января красные оставили Чурапчу. Белогвардейцы после захвата Чурапчи начали устанавливать порядки старой власти. Председателем Ботурусской земской управы был назначен П.И. Сивцев. 12 марта 1922 г. в Чурапче

состоялся Областной учредительный съезд, который избрал ВЯОНУ.

О переходе Г.С. Ефимова к белым обнаружены следующие сведения: «В лагерь контрреволюции открыто перешли ярые националисты Г. Ефимов, А. Говоров, А. Новгородов, В. Новгородов, В. Попов, А. Рязанский, М. Слепцов, А. О कोरोков, С. Михайлов и др.» [Чемезов, 1957, с. 84]. О нем, как о сбежавшем из Якутска, писали авторы издания «История Якутской АССР: «На съезде белобандиты избрали контрреволюционное правительство под названием “Временное Якутское областное народное управление” (ВЯОНУ). В него вошли видные представители буржуазно-националистической интеллигенции, кулаков-гойонов и белогвардейцев. Председателем ВЯОНУ стал бежавший из Якутска националист, бывший кадет Г. Ефимов» [Чемезов, Макаров, 1963, с. 57]. Чуть позже Г.Г. Макаров писал, что якутская интеллигенция участвовала в повстанчестве не потому, что они были националистами и «бандитами», а «в результате недовольства политикой левых перегибщиков, красных террористов и по другим причинам» [Макаров, 1996, с. 179]. «Осенью 1921 г. [Г.С. Ефимов] сбежал к белым и стал одним из активных участников вооруженного выступления, возникшего на юго-востоке Якутии на территории, прилегающей к рр. Алдан, Мая. Возглавил контрреволюционное “Временное Якутское областное управление” (ВЯОНУ)» [Энциклопедия Якутии, 2000, с. 322]. По данным И.С. Клиориной [2011, с. 229–230], с осени 1921 г. Ефимов – активный участник вооруженного антисоветского выступления.

21 апреля ВЯОНУ в составе председателя Г.С. Ефимова (члены: А.И. Говоров, В.А. Коробейников, М.М. Сивцев, М.Д. Азаров) постановило созвать к 1 мая чрезвычайный съезд Якутской области. Съезд состоялся в Чурапче 4–10 мая, на нем обсуждались вопросы о военном налоге, о пересмотре временного положения по управлению Якутской областью, о перевыборе членов ВЯОНУ и о текущих делах. Съезд утвердил смету на военные и административные расходы. Была объявлена мобилизация в народную армию.

Как писал Г.Г. Макаров, «протоколов в архивах нет. Из указанных вопросов в архиве сохранено только Временное положение по управлению Якутской области, по остальным вопросам –

нет документов. В копии дневника К.К. Байкалова (она хранится у меня)* сказано следующее: Г.С. Ефимов сообщил, что он связался с дальневосточным (Меркуловским) правительством, которому заявил, что «Якутская область не преследует никаких национальных тенденций и является нераздельной частью Российской империи»» [Макаров, 1996, с. 187].

Газета «Ленский коммунар» в статье ««Спасители» Якутии» (23–26 июля) информировало население о том, что 2 марта собравшийся в с. Чурапча областной учредительный съезд выработал политическую программу и избрал Якутское областное народное управление, председателем которого стал Г.С. Ефимов. Также в статье сообщалось о председателе ВЯОНУ Ефимове, что будучи членом Якутгубревкома, он держал себя «левее» даже коммунистов, устанавливал режим, требовал репрессий и террора. «Конечно, тогда, быть может, не понимали, что такой своей тактикой он проводит именно не коммунистическую, а свою кадетско-контрреволюционную политику» [Байкалов, 1968, с. 56–59].

М.К. Аммосов в «закрытом письме» (18 сентября 1922 г.) в адрес ЦК РКП(б) «О повстанческом движении в Якутии» писал, что до конца мая повстанческое движение еще более расширилось; в селе Чурапча был проведен Якутский областной съезд, на котором было избрано Областное управление, возглавил которое бывший член губревкома Г.С. Ефимов [М.К. Аммосов..., 2007, с. 79]. Власть ВЯОНУ просуществовала недолго. 5 июля Чурапчу занял отряд под командованием Е.И. Курашова. Последующая судьба Г.С. Ефимова такова. После падения ВЯОНУ, осенью 1922 г., он перебрался в г. Охотск, оттуда выехал в Приморье в надежде заручиться помощью правительства генерала Дитерихса в борьбе против советской власти.

13 сентября 1922 г. за подписью председателя ВЯОНУ и председателя делегации Г.С. Ефимова, а также П. Яковлева (член делегации) в г. Владивосток к генералу Дитерихсу поступил документ «Отношение делегации Временного Якутского Областного народного Управления» о закреплении Охотского побережья за контрреволюционным правительством Якутской обла-

сти». Они писали, что «одной из основных причин, не позволяющих успешно бороться антибольшевистским правовым группировкам российской державы с Советской властью, является их экономическая необеспеченность». По их мнению, предшествовавшие противосоветские движения в Сибири, на юге и севере России не имели конечного успеха по той же причине. Приводили факты: «Верховный правитель Александр Васильевич Колчак и генералы Юденич, Деникин боролись с огромной Советской властью без экономического обеспечения своего тыла, а потому и проиграли священное дело [борьбы] с большевиками. В настоящее время с Советской Россией борются две окраинные области России – Приамурский земский край и Якутская область, имея общность цели – восстановить свою великую родину». Также ими было предложено, что для успешности борьбы с Красной Армией Приамурский земский край и Якутская область должны, исходя из учета ошибок своих братьев, указанных выше, «заботиться о создании экономического тыла, как твердой базы для продолжительной борьбы с РКП и Советами». Для Якутской области экономическим подспорьем в этом отношении являются ее северные округа – Верхоянский и Колымский, богатые пушниной и рыбными промыслами. При условии ввоза в эти районы дешевого товара можно было бы устроить его обмен на пушнину и местное сырье и, таким образом, создать определенный финансовый оборот, как средство для успешной борьбы с террористами-коммунистами. Помощь Приамурского земского края Якутской области должна выражаться в том, чтобы способствовать ввозу в Якутскую область товаров по низким ценам. С этой целью Приамурский земский край должен передать порт Аян в ведение ВЯОНУ, а на другие порты Охотского побережья объявить существовавшее при императорском правительстве порто-франко. С другой стороны, одной из существенных экономических баз, кроме Камчатки, для Приамурского земского края может служить Охотский уезд с его рыбными промыслами и недрами богатствами. Для этого необходимо правительству Приамурского земского края занять позицию правильной и выгодной для правительства эксплуа-

* У Г.Г. Макарова. – *Л.В.*

тации этих богатств. До сих пор естественные ресурсы Охотского уезда использовались разными хищниками, и на почве их взаимной конкуренции возникали недоразумения. Для правильной разработки недровых богатств уезда и организации рыбного дела на выгодных для Приамурского земского края началах необходимо установить на Охотском побережье и в уезде гражданскую власть. Держать же в Охотском крае военный гарнизон нет никакого основания. Войска нужны для фронтов Приамурского земского края и Якутской области, а также и на Камчатке, где, по слухам, действуют красные партизаны. Делегация ВЯОНУ просила: «1) Начиная от порта Аяна и кончая Ульей, береговую полосу Охотского побережья моря передать в ведение временного Якутского областного народного управления; 2) на другие порты Охотского побережья, обслуживающие нужды Якутского края и области, объявить порто-франко; 3) в распоряжение Временного Якутского областного народного управления передать один рыболовный участок на Новом Устье Охотского побережья в целях эксплуатации его для содержания Якутской добровольческой армии и особого отряда временного Якутского областного народного управления» [Борьба ..., 1962, с. 72–73].

17 сентября в г. Никольск-Уссурийске выходит указ правителя Приамурского земского края генерала Дитерихса «О признании контрреволюционного ВЯОНУ» [Там же, с. 73–74].

И.Н. Барахов [2008] в статье «Контрреволюция в Якутии и эсер Куликовский» писал: «И вот в это время потерявшие почву под ногами национально-интеллигентно-соглашательская часть руководителей движения “от имени якутского народа”, послали уполномоченных во Владивосток, во главе с правым эсером Куликовским. Кто были в составе уполномоченных – достоверно не известно, но это и не важно. Там были, по-видимому, махровые и сознательные провокаторы и реакционеры, вроде якута Г. [С] Ефимова, втеревшегося в доверие советских работников и настолько усыпившего их бдительность, что ему, несмотря на то, что он был членом кадетской партии, из которой он, по его словам, якобы вышел, доверялся пост даже члена Якутского ревкома и заведующего губернским (до автономии) отделом управления» [Исидор Никифорович Барахов, 2008, с. 266].

Известно, что в 1922 г. Г.С. Ефимов эмигрировал за границу. Жил в Харбине [Энциклопедия Якутии, 2000, с. 322].

19 августа 1924 г. в газете «Автономная Якутия» был опубликован текст телеграммы «Разрешение на въезд в Якутию из Харбина бывшим якутам-повстанцам» председателя ЦИК ЯАССР П.А. Ойунского полномочному представителю СССР в Харбине (копия якуту – Василию Новгородову) следующего содержания: «ЦИК Якутской Республики разрешает въезд в Якутию бывшим повстанцам-пепеляевцам якутам, а потому просит выдать паспорта следующим гражданам ЯАССР: Василию Иннокентьевичу Новгородову, Григорию Михайловичу Кузьмину, Асклеподоту Афанасьевичу Рязанскому, Георгию Прокопьевичу Хаютанову и Федору Прокопьевичу Сольскому. ЯЦИК указанным гражданам-якутам, выброшенным за пределы Якутии во время Гражданской войны, разрешает въезд в целях использования их силы для блага трудящихся Якутии, а потому считает вышеуказанных лиц обязанными исполнять задания ЯЦИК во всех отраслях советского строительства. В противном случае ЯЦИК въезд указанных граждан считает бесполезным» [Автономная Якутия, 1924, 19 авг.].

В сборнике «Постановлений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства Якутской Республики» был опубликован документ «О применении амнистии к эмигрантам-якутам» за подписью П.А. Ойунского (председатель ЯЦИК). В нем говорилось о применении амнистии, объявленной манифестом ревкома ЯАССР от 22 апреля 1922 г., к эмигрантам-якутам, находившимся в Харбине (А. Рязанский, В. Новгородов (Чинэкэ), Хаютанов (Иванов), К. Ксенофонов, Г.В. Никифоров), причем последнего использовать на работу вне Якутии [Сборник постановлений ..., 1924, с. 68]. На этот же документ ссылаются историки, занимавшиеся изучением повстанчества [Алексеев, 2000, с. 180–181; Пестерев, 2008, с. 361].

14 марта 1928 г. И.Н. Барахов в статье «Борьба с пепеляевщиной» писал: «Не зная об отправке этой экспедиции, “Якутское областное народное управление” в июне 1922 г. отправило во Владивосток и в Японию с просьбой о помощи особую делегацию во главе с председателем этого “управления” [Г.С.] Ефимовым (якут). Эта

делегация через Охотск прибыла во Владивосток после отъезда Пепеляева. Таким образом, пепеляевщина являлась прямым продолжением повстанческого движения 1921–1922 гг.» [Исидор Никифорович Барахов, 2008, с. 273].

Таким образом, поиски документов, в которых были бы отражены сведения о реабилитации Г.С. Ефимова, оказались безрезультатны. Сведений о реабилитации нет и в опубликованной научной литературе. Так, в специальной монографии, посвящённой политическим репрессиям в Якутии (в которой также есть сведения о реабилитированных), данные о Г.С. Ефимове не обнаружены [Иванова, 1998].

В современный период в СМИ по случаю юбилейных дат стали выходить статьи, раскрывающие деятельность Г.С. Ефимова в эмиграции. В исторической литературе о нем имеются лишь отрывочные сведения, в некоторых моментах – противоречивые. Объясняется это, возможно, отсутствием специального исследования о жизни и деятельности Г.С. Ефимова и отсутствием в активном научном обороте архивных источников. Следует отметить, что до сих пор не обнаружены архивные документы, раскрывающие вклад Г.С. Ефимова в формирование и развитие национальной государственности Якутии в форме автономной республики, его роль в деятельности ВЯОНУ, а также характеризующие его как выдающегося государственного и политического деятеля.

Литература

- Автономная Якутия. – 1924. – 19 авг.
- Алексеев Е.Е. Федеративный центр и автономии (на примере Якутской АССР (1917–1941 гг.)). – Якутск: Бичик, 2000. – 384 с.
- Байкалов К.К. Статьи. Воспоминания. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1968. – 135 с.
- Башиарин Г.П. Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. – Якутск: Кн. изд-во «Бичик», 1996. – 328 с.
- Борьба за установление и упрочение советской власти в Якутии. – Ч. II, кн. 1. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. – 406 с.
- Борьба за установление и упрочение советской власти в Якутии. – Ч. II, кн. 2. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1962. – 393 с.
- Винокурова Л.Е. М.К. Аммосов и общественно-политические события в Якутии (1920–1928 гг.). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. – 192 с.
- Иванова Т.С. Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х – 30-е гг.). – Новосибирск: Наука, 1998. – 270 с.
- Исидор Никифорович Барахов: сб. док. и матер. / Ком. гос. арх. службы РС (Я), НА РС (Я); [сост. Е.Е. Алексеев (ред.) и др.]. – Якутск: Якутский край, 2008. – 596 с.
- Исидор Никифорович Барахов: сб. док. и матер. – Якутск: Бичик, 2013. – 266 с.
- Клиорина И.С. История без флёра-2. Тайна кода «МОРЯКИ» – чекистской союзной операции по ликвидации первых якутских большевиков. 1937–1938. – Якутск: Якутский край, 2011. – 290 с.
- Культурная революция в Якутии (1917–1937 гг.): сб. док. и матер. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1968. – 612 с.
- Макаров Г.Г. Северо-Восток России (Якутия, Охотское побережье и Чукотка) в 1921–1922 гг. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1996. – 336 с.
- М.К. Аммосов. Неизвестные страницы жизни и деятельности: сб. док. и матер. – 2-е изд. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2007. – 376 с.
- НА РС (Я) Ф. П-2. Оп. 1. Д. 446. Л. 11.
- НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 14. Л. 58.
- НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 28.
- НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 62 об., 63.
- НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 14. Л. 61 об.
- НА РС (Я) Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 60 об., 61.
- НА РС (Я). В. 2. оп. 1. Д. 393. Л. 64–64.
- НА РС (Я). Ф. 2. Оп. 1. Д. 393. – Л. 47–48.
- НА РС (Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 454. Л. 1.
- НА РС (Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 454. Л. 2.
- НА РС (Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 454. Л. 3.
- НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 21, 21об.
- НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.
- НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 75 об.
- НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 138. Л. 55.
- НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 140. Л. 177.
- НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
- НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 19.
- НА РС Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 454. Л. 3, 3 об.
- НА РС (Я). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 35. Л. 82..
- Образование Якутской АССР (1917–1923 гг.): сб. док. и матер. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 208 с.
- Павлов А.А. Профессиональные и средние школы Якутии (XVIII – начало XX века). – Якутск: Бичик, 2013. – 176 с.
- Пестерев В.И. Гражданская война на Северо-Востоке России и антикоммунистические выступления в Якутии (1918–1930 гг.). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. – 361 с.
- Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность: сб. арх. док. – Якутск: Бичик, 2015. – 448 с.

Сборник постановлений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Якутской республики. – Якутск, 1924. – № 4. – 68 с.

Чемезов В.Н. Борьба за защиту и упрочение советской власти в Якутии (1920–1923) // Очерки по истории Якутии советского периода. – Якутск: Кн. изд-во, 1957. – С. 62–121.

Чемезов В.Н., Макаров Г.Г. Гражданская война в Якутии // История Якутской АССР: в 3 т. – Т. 3. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 57.

Энциклопедия Якутии. – М., 2000. – 540 с.

Ярославский Ем. О Якутии (Статьи, письма, речи, телеграммы). – Як. кн. изд-во, 1968. – 239 с.

L.E. Vinokurova

G.S. Efimov is one of the famous leader of autonomous Yakutia (1920–1922)

The article deals with on the few surviving archival documents and published materials of the activities of Georgiy Semenovich Efimov, a member of the Yakut governorate revolutionary Committee, an active participant in an armed anti-Soviet speech, chairman of the Provisional Yakut Regional People's Administration, who after his dissolution moved to Okhotsk, then to Vladivostok and emigrated to Harbin. This is especially important in connection with attempts to rehabilitate, to reveal the role and position of individual representatives of the national intelligentsia in the events of those dramatic times, which makes it difficult to have lacunae and gaps in their life activity.

Keywords: Revolutionary Committee, Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic, personality, intelligentsia, insurgency, Yakut regional people's administration.

УДК 94(571.56)"192"

С.Е. Никитина

А.Е. Кулаковский о землеустройстве и землепользовании в Якутской области в начале XX века

В статье рассмотрены взгляды А.Е. Кулаковского на проблемные моменты землеустроительной политики имперской администрации на Северо-Востоке России с точки зрения коренных народов, проживающих на этих территориях. Проанализирована динамика землеустроительной политики имперской России, когда колонизация земель Сибири и Дальнего Востока, проходившая в форме повседневного крестьянского освоения, ограничивалась центральной властью России запретом нарушения земельных границ участков коренного населения с твердым наказом контроля со стороны местных органов управления и когда в начале XX в. освоение этих дальних территорий получило организованный вектор государственной переселенческой политики в ходе реализации аграрной реформы П.А. Столыпина. Обращение А.Е. Кулаковского «Якутской интеллигенции» содержало призыв к консолидации всех сил перед грозившей волной переселенцев, благодаря оценке вице-инспектора Корпуса лесничих С.В. Маркграфа, до 2 млн. чел. Показаны маркированные А.Е. Кулаковским объективные трудности в Якутской области: географически обширное пространство, представляющее малопригодные для освоения земли; особенности землепользования скотоводческого хозяйства якутов, сложности в применении технологий агрокультуры в климатических условиях Якутии, которые сохраняют актуальность и по настоящее время.

Ключевые слова: А.Е. Кулаковский, Российская империя, Сибирь, Якутская область, землеустроительная политика, аграрная реформа П.А. Столыпина, переселенцы, землепользование.

© С.Е. Никитина, 2017

16 марта 2017 г. в республике прошли мероприятия, посвященные 140-летию Алексея Елисеевича Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй. С.А. Новгородов, А.Е. Кулаковский, В.В. Никифоров и другие представители якутской национальной интеллигенции начала XX в. способствовали становлению современных фундаментальных культурных, ментальных, социальных ценностей народа саха, которые сохраняют свою актуальность по настоящее время. Перу А.Е. Кулаковского принадлежат выдающиеся литературные, философские, научные произведения, формирующие якутскую культуру, чему в якутской науке посвящены фундаментальные исследования, сборники научных статей [Башарин, 1944; Алексеев, 1966; Романова, 2002 и др.].

Ученый, поэт, просветитель, историк, собиратель якутского фольклора и языка Алексей Елисеевич Кулаковский прожил очень насыщенную жизнь. Биография А.Е. Кулаковского наполнена событиями его активной общественно-государственной деятельности. Так, он был уполномоченным окружным комиссаром Временного правительства в Верхоянском округе [Никитина, 2015, с. 21], председателем комиссии ЯЦИК в северных улусах с миссией мирной ликвидации повстанчества. А.Е. Кулаковский принял участие в I Чрезвычайном съезде Оймьконского улуса 30 июня 1925 г., где выступил с докладом о внешнеполитической линии ЯАССР, гуманной политике советской власти по отношению к повстанцам, о землепользовании и др. [НА РС (Я). Ф. 50].

Для якутской экономики основным вопросом был земельный. В отечественной историографии сибиреведения советского периода изучались аграрные отношения, колонизация Сибири, сибирская деревня, крестьянство Сибири. Анализ аграрной политики Российского государства в Сибири стал научной проблемой в последние десятилетия: была ли она сформулирована имперским правительством, ее формы и содержание [Скляров, 1962; Степынин, 1962; Тюкавкин, 1966, 2001; Жидков, 1973; Горюшкин, 1976; Топчий, 1976; Траектории..., 2014; Худяков, 1986 и др.]. Отдельно следует отметить разработанность проблемы региональными учеными [Башарин, 1956, 1958, 1962, 1974, 1989, 1990, 2003; Сафронов, 1961; Крестьянство..., 1983 и др.]. Отмечены основные направления:

землеустроительное с основным содержанием – переселение крестьян из российских губерний; управление землепользованием, связанное с установлением правового статуса коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Чрезвычайно значимо, что именно так были сформулированы первые пункты А.Е. Кулаковского в письме «Якутской интеллигенции», в данной статье впервые ставшие предметом научного исследования при изучении имперской землеустроительной политики в Сибири, Якутской области.

Его письмо «Якутской интеллигенции» является программным документом развития якутского народа на XX в., в данном случае интересен его подход к вопросу землеустройства и землепользования якутов, представлявшими основу жизнеобеспечения населения Якутии. В начале XXв. наиболее острым вопросом в управлении регионами России для власти являлся земельный вопрос, именно он представлял самый злободневный интерес для российского крестьянства, с ним были связаны политические программы всех общественных движений страны. Революционная пропаганда в конституционной России различных партий обосновывала свою платформу будущего государственного устройства «правильной организацией» отношения к земле. Как отмечает Е.П. Антонов [2016], «первое поколение интеллигенции из числа коренных жителей – выходцы из улусов Якутии близко к сердцу принимали проблемы и перспективы развития сельского хозяйства. Основной причиной застоя и упадка в этом секторе экономики они считали незнание населением новейших приемов ведения сельскохозяйственного производства, бессилие перед природными катаклизмами, массовыми эпидемиями среди скота, отсутствие минимальных агрономических знаний».

Землеустроительная политика на восточных территориях в сфере государственных интересов Российской империи заключалась не столько в преследовании геополитического интереса, сколько в хозяйственном освоении Сибири, связанном с переселением крестьян для развития земледельческой культуры. Местным управлением с начала XIX в. предусматривалась крестьянская колонизация с целью развития хлебопашества в Якутской области. Земледелие в Якутскую область привнесли русские крестьяне –

государственные крестьяне, которых специально расселили по р. Лене и Олекме, по Амге и Вилюю для сельскохозяйственного производства; ямщики, расселенные по станциям Иркутско-Якутского и Якутско-Охотского трактов; религиозные сектанты, в том числе скопцы. В Якутской области переселенцы наделялись земельными угодьями с соблюдением принципа «Строго запрещается россиянам самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных». Землеустройство коренных народов Сибири, в том числе и Якутской области, разделенных на «оседлые», «кочевые», «бродячие» разряды, определяло правовую основу их управления и самоуправления.

Первые положительные опыты произвели эффект на окружающее местное население, и уже со второй половины XIX в. местное население стало активно заниматься новым для себя видом деятельности – земледелием. В итоге в крае возникло земледелие с его тремя компонентами – хлебопашеством, картофелеводством и овощеводством и стало одной из важнейших отраслей сельского хозяйства Якутии [Башарин, 1990, с. 290]. По итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. земледелием занимались в Олекминском округе 12182 чел., или 33,63% населения, в Якутском – 4635 чел., или 3,23% населения, в Вилюйском – 711 чел., или 1,05% населения, в Верхоянском – 52 чел., в Колымском – 33 чел. [Первая всеобщая перепись, 1904, с. XII].

В конце XIX в. серия реформ в области поземельно-податного устройства крестьян и «инородцев» по Сибири изменила и деятельность регионального управления Якутской области. Под влиянием успехов земледельческого опыта религиозных ссыльных, скопцов, активнее втягивались в производительные формы хозяйствования коренные народы Якутии. На рубеже веков была предпринята попытка нового поземельного устройства коренных народов – по образцу государственных крестьян, внедрения «Положения о крестьянских начальниках». Однако эти мероприятия вызвали сопротивление со стороны национальной элиты [Никитина, 2011].

После революции 1905–1907 гг. началось активное форсирование переселенческого движения, обусловленное аграрной реформой П.А. Столыпина, на сибирские территории. На

основе предложений П.А. Столыпина был подготовлен новый проект «Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях Сибирских губерний и областей». Проект 16 ноября 1911 г. был внесен на рассмотрение Государственной думы. Согласно этим итоговым документам, все кочующие и часть бродячих инородцев Восточной Сибири, включая проживающих в Якутской области, в волевом порядке, без их согласия (даже без их уведомления), должны были быть причислены в процессе их поземельного устройства в разряд оседлых. При этом у них одновременно изымались все излишние земли в Колонизационный фонд империи, а сами инородцы получали лишь личные земельные наделы в 15 десятин. Так как землеустройство «инородцев» было связано с их управлением, то вносились преобразования в систему местного управления коренных народов. Ликвидировались все инородческие органы самоуправления: родовые управления, инородные управы, а также суды словесной расправы. На инородцев распространялась система крестьянского управления и суда, а также институт крестьянских начальников.

Для реализации аграрной реформы П.А. Столыпина в 1909 г. было предпринято земельное обустройство российского крестьянства за счет переселения в Западную Сибирь. В Восточной Сибири также была развернута большая работа. В Якутской области работало Особое совещание под председательством губернатора, а также была организована специальная экспедиция вице-инспектора Корпуса лесничих С.В. Маркграфа для исследования возможностей переселения в Якутию, которым в докладе по проведенному обследованию было предложено, что Якутская область может вместить 2 000 000 переселенцев [Кулаковский, 2002, с. 48–49].

Как ответная реакция в Якутской области развернулась активная борьба национальной интеллигенции вокруг реформы землепользования, решение которой ими виделось только при условии введения земского самоуправления в Якутии. А.Е. Кулаковский в своем письме «Якутской интеллигенции» отдал значимое место проекту С.В. Маркграфа, отводу земли переселенцам из Европейской России. Кулаковский пишет: «Переселенческая волна ...пошла неудержимым потоком дальше вдоль всей Си-

бири. Она и не может остановиться... Ныне громаднейшие губернии Западной Сибири все переполнены; Енисейская, Иркутская губернии, Забайкальская область, пресловутый Амур ... (за последнее время в год выходило по 800 000–900 000 человек)» [Там же, с. 47].

С искренней болью, даже немного впадая в крайность, А.Е. Кулаковский представлял печальную картину осуществления данного проекта: «Правительство очень радостно ухватило за сказанный доклад, и теперь идут спешные приготовления к заселению Якутской области. Правительство, заселяя Сибирь и, в частности нашу область, убивает с одного выстрела сразу трех зайцев: 1) избавляется от того избытка населения, который ему девать некуда, (а это весьма важно при том жгучем, обостренном положении земельного вопроса, какое ныне там господствует); 2) заселяет, культивирует дикий пустынный край, с целью извлечь пользу для государства эксплуатацией его природных богатств, и 3) колонизирует свои окраины в видах охраны их от алчных и страшных соседей (Америки, Японии, Китая)...

Мы, в свою очередь, так детски-наивно обманываем самих себя мыслью, что пепелища и отохи, где жили и умирали наши прадеды, принадлежат нам и что мы их никому не дадим. Но наши пресловутые «дьяла» и «куолу», наши «суут, сокуон, брысыаньныйя» – ничему не помогут.... Так сильно взбудораживавшие наши мелочные интересы сенсационные дела, вроде спора 3 хатылинцев с телейцами из-за 80 күрүө, Якутского союза, инструкции Скрипицина, солдатчины из якутов, переложение податей на скот, – расплывутся, как дым, перед грозным призраком переселения.... Теперь-то настанет время узнать нам настоящую цену «өлүү-альдархай», «сор-мун!»...» [Там же, с. 49–50].

А.Е. Кулаковский объяснял объективные трудности отсутствием пригодных мест в Якутской области, он писал, что обманываясь огромными просторами Якутии, российское правительство не знает, что «селиться переселенцам некуда, кроме незначительных ленских островов, Ноторы, Алдана, Оймякона и т.п., где может уместиться каких-нибудь 20–50 тысяч чел. Потому казна поневоле отберет у нас уже занятые земли под благовидным предлогом назначения земельной нормы в 15 десятин. Все земли

(покосы, пашни, выгоны, усадьбы, леса и водные пространства) будут делиться между русскими и якутами по одинаковой пропорции и так, чтобы всего на душу досталось по 15 десятин [Там же, с. 55–56].

Также он остерегался того, что в любом спорном вопросе преимущество будет на стороне приезжих: «Нужно принять во внимание, что начальство будет давать всевозможные потачки при наших препирательствах из-за разделов земель – переселенцам, ибо обратное возвращение их в такую даль обойдется правительству очень дорого, а, следовательно, и нежелательно. Повторится та же история, которая имела место при отбирании земель у прочих инородцев, которых гнали прочь целыми деревнями и наслегами.... Тогда-то мы запоем свою «лебединую песню!»...» [Там же, с. 57].

Землепользование было основным средством жизнеобеспечения и платежеспособности населения, занимающегося земледелием или скотоводством. Предлагая «свои соображения... для поднятия своей культуры» [Там же, с. 67], А.Е. Кулаковский призывает: «...разработка предлагаемых вопросов едва ли посильна единичным лицам, потому она всецело представляется соединенной силе интеллигентов, патриотов и народных масс на сходах наследных, улусных и съездах». В первую очередь, Кулаковский выводил вопрос о землепользовании, рассматривая значимость покосов и выгонов в контексте организационной деятельности самоуправления: «И без переселенцев мы чувствуем недостаток земли. Но, конечно, в том неумелое наше отношение к земле более виновато, чем действительный недостаток земли... значение большого ущерба для якутского хозяйства имеет система отгораживания покосов от летников-выгонов. При постановке изгородей (чэрдиэ, быһыт, сээли) преследуются, кроме главной, еще другие цели: а) стремление к наименьшему протяжению их («быһыта сүүрдэр»), для достижения чего много покосов, удаленных один от другого, охватываются одною общей изгородью; б) стремление к наименьшей удаленности изгороди от леса, чтобы облегчить доставку материала. Такая система отгораживания страшно уменьшает площадь выгонов, так как вместе с покосами включается в общую изгородь масса промежуточных зе-

мель, могущих быть прекрасными выгонами» [Там же, с. 69–70].

В инородческом родовом землепользовании, сопряженном с основной направленностью хозяйства – скотоводством, главную роль играли покосные участки, летники с землями под выгон. А.Е. Кулаковский понимал, что благодаря классной системе землепользования земельные угодья, отведенные богатой части якутского общества, добровольно не могут быть переданы остро нуждающимся в землепользование бедным родовичам. Для примирения этих противоположных «интересов» к земельному распределению Кулаковский предлагал меры по отделению покосов от выгонов, отведению конкретных покосов для огораживания: «Следует непременно изменить прежнюю систему, разрушив старые общие изгороди и выстроив на место их много мелких, захватывающих только лишь узкий круг собственно покосов».

Представляется, что общим огораживанием отделялись земли почетных улусников, что приводило к включению большой площади полезной и малопригодной земли только под покос, при этом малопригодная часть, возможная для выгона мелких стад бедных родовичей, оставалась вне использования. Предложение А.Е. Кулаковского об огораживании покосов богатых с целью сохранения выгонов бедноты уравнивало землепользование внутри рода. Как писал Кулаковский, «Этим способом достигается, кроме указанного прямого расчета, еще другой и очень важный – возможность обзавестись каждому хозяйству своим «отором», пользуясь вновь образовавшимися «бүтэйэми» [Там же, с. 69–70], что было в интересах беднейших родовичей. В этом решении, вероятно, нашло отражение желание А.Е. Кулаковского в мягкой форме внести справедливость в социальные интересы зажиточных и малообеспеченных групп в производительном сосуществовании разных земельных участков разделением их так называемой чересполосицей. Во всяком случае, этот пункт был направлен на рациональное использование имеющихся земельных ресурсов.

А.Е. Кулаковский привлекает внимание к тому, что тонкий слой гумуса вытаптывался на традиционных выгонах с риском превращения земли в пыль. Этот момент также сохраняет злободневность в настоящее время: не все зем-

ли Якутии можно считать пригодными, и полезность их зависит от бережного отношения к поверхностному слою почвы, так быстро теряющему свои агрокачества.

Довольно значимую роль в поддержании населения на случай голода играли запасные сенные и хлебные магазины, где создавались общественные запасы за счет сдачи натурального обложения жителей в виде доли из их урожаев. Для ликвидации трудностей формирования запасного магазина А.Е. Кулаковский предлагал создать стабильный сенной запас на случай неурожая путем выделения и закрепления определенных покосов под запас, а не доли каждого из собственного сеного урожая [Там же, с. 72].

Инородными управами проводились работы по обустройству наследных земель для расширения покосов, развития земледелия. Сенокосные угодья люди получали, выжигая леса и кустарники. Было установлено: за расчистку земли и спуск озер эти земли отдавать во владение общинам на 40 лет. Работа эта в местных условиях вечной мерзлоты была тяжелой, приходилось копать каналы иногда глубиной до полутора человеческого роста и длиной до нескольких километров, в зависимости от местности и уровня воды в озерах. Так, например, в 1824 г. было спущено озеро Нюрба в реку Виллой. «Предприятие это, увенчавшееся успехом, может считаться одним из грандиозных в своем роде в Сибири», – зафиксировано в труде Р.К. Маака «Виллойский округ Якутской области». Работы по прокладке производились жителями трех наслегов Мархинского улуса Виллойского округа и продолжались четыре года. На месте выпущенного озера образовалась ровная площадь около 20 тыс. гектаров, которая в последующие годы давала хороший урожай трав. А.Е. Кулаковский также предлагал вести расчистку кочкарника и леса, возведение плотин для повышения плодородности почвы (например: «дюпсюнцы Афанасьевы начали принимать меры к устройству плотин»), осушение озер для расширения полезной земельной площади при обязательной правительственной политике передачи таких угодий в долгосрочную аренду [Там же, с. 75].

Оправдано отрицательное отношение А.Е. Кулаковского к палу [Там же, с. 75], что чрезвычайно актуально и в настоящее время. Зача-

стую пал переходит в лесной пожар, который уничтожает огромные лесные площади.

Используя передовой опыт и знания агрокультуры, Кулаковский также предлагал для повышения культуры землепользования конкретные меры, возможные в наших региональных условиях. С оптимизацией землепользования тесно связаны его предложения по качеству агрокультуры: удобрение земли навозом, введение посевов, адаптированных к климату, зерновых культур, пшеницы, ярицы, озимых хлебов, по культивированию системы «двухполюя», отведения земли под «пар-отдых», усовершенствование сельскохозяйственных орудий (плуг, сеялки, молотилки, веялки, сенокосилки), призыв к развитию огородничества, в частности картофелеводства [Там же, с. 79–80].

Вопрос о переселении в Якутскую область многочисленного отряда русского крестьянства не зря привлекал внимание национальной интеллигенции. Действительно цифра переселенцев внушительна: за 1906 – 1914 гг. в Сибирь и на Дальний Восток переселились 3 040 333 человек [Крестьянство..., 1983, с. 231]. Известно, что «Положение о крестьянских начальниках» было введено в Западной Сибири повсеместно, в Восточной Сибири – в Амурской, Забайкальской, Приморской областях. Баргузинские и кударинские буряты реформу приняли, а хоринские, агинские и селенгинские ей всячески сопротивлялись. В Забайкалье повсеместные землеустроительные работы были начаты в 1908 г., отводились подушевые наделы, норма крестьянского наделения в 15 десятин в густонаселенных местах снижалась до 12–13 десятин. В результате иркутские буряты потеряли 1 миллион 263 тыс. десятин земли, хоринские – 1 млн. 109 тыс. 667 десятин, урульгинские эвенки – 1 млн. 171 тыс. 592 десятины. У этих инородцев были упразднены все степные инородческие управления, была введена система крестьянских начальников.

В апреле 1913 г. Министерство внутренних дел представило правительству окончательный проект закона «О распространении на Якутскую область действия и власти института крестьянских начальников». По этому проекту все округа Якутской области переименовывались в уезды. Территория Якутии, включая Крайний Север, разделялась на 16 участков, возглавляемых крестьянскими начальниками, в каждом

уезде учреждался съезд крестьянских начальников. Все инородческое общество подчинялось непосредственно соответствующему крестьянскому начальнику.

Однако история распорядилась иначе, начавшаяся мировая война, революционные внутригосударственные события не позволили российскому правительству продолжить землеустроительные преобразования Якутской области. Столыпинский проект «Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях Сибирских губерний и областей», а также проект Закона «О распространении на Якутскую область действия и власти института крестьянских начальников» остались неосуществленными. В Якутии до 1917 г. действовал «Устав об управлении инородцев» от 1822 г. [Никитина, 2011, с. 55–56].

Итак, самым острым социально-экономическим вопросом в России был аграрно-крестьянский. В настоящее время исследование аграрной политики имперской России в сибирской историографии расширяется за счет изучения целого ряда составляющих: распределение земли между различными сословиями, право собственности на землю, пути подъема и интенсификации сельскохозяйственного производства, правовое положение крестьян, судьба сельской общины, изменения правового статуса коренных народов, переселенческая политика, развитие кооперации и т.д. Подводя основные выводы в данной статье, должны отметить, что А.Е. Кулаковский, предвосхищая современный подход к изучению аграрной политики царизма на окраинах, выделил ее основные направления: землеустроительное с переселенческим вектором на окраины, изменение правительственного курса на ущемление прав землепользования коренными народами, решение вопроса внутривластной напряженности крестьянского землевладения; и землепользование коренными народами Якутской области с современными ему конструктивными предложениями. Конечно, предложенные им рекомендации не несли революционных преобразований по землепользованию, А.Е. Кулаковский не посягал на земли «почетных родовичей», но его меры имели глубинное содержание так называемого межсословного демократического мира.

А.Е. Кулаковский выделил отдельный раздел по землепользованию, придавая огромное значение культуре земледелия, он писал, «что можно достигать лучших результатов, что можно экономить прилагаемый труд и производительную энергию земли» [Кулаковский, 2002, с. 76]. С учетом климатических особенностей он предлагал «ввести посевы пшеницы, ярицы и озимых хлебов... Нужно было бы культивировать ячмень в качестве озимого хлеба». И в настоящее время предложения А.Е. Кулаковского остаются чрезвычайно актуальными в выполнении задач подъема сельского хозяйства и местного хлебного производства, как показывает исторический опыт, приносившего неплохие результаты. Пути повышения культуры земледелия выделены в грамотном использовании естественных удобрений («ненужный» продукт скотоводческого хозяйства), усовершенствовании сельскохозяйственной техники, бережном отношении к качеству земли, окружающей природе.

Литература

- Алексеев Е.Е.* Ексекулээх Елексей. О жизни и творчестве А.Е. Кулаковского (1877–1926 гг.). – Якутск, 1966.
- Антонов Е.П.* Организация и деятельность Якутского сельскохозяйственного общества // Василий Васильевич Никифоров-Кюлюмнюр. – Якутск, 2016.
- Башарин Г.П.* Три якутских реалиста-просветителя (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии). – Якутск, 1944.
- Башарин Г.П.* История земледелия в Якутии (XVII–1917 гг.). Т. 2. – Якутск, 1990.
- Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII–середина XIX в.). – М., 1956; новое издание «История аграрных отношений в Якутии Т. 1. Аграрные отношения с древних времен до 1770-х гг.» / Отв. ред. В.Н. Иванов. – М., 2003 и Т. 2. «Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII–первой трети XIX в.». – М., 2003.
- Башарин Г.П.* Из истории приобщения якутов к русской земледельческой культуре. – Якутск, 1958.
- Башарин Г.П.* История животноводства в Якутии второй половины XIX в.–начала XX в. – Якутск, 1962.
- Башарин Г.П.* Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX в. – начала XX в. – Якутск, 1974.
- Башарин Г.П.* История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.). Т. 1. – Якутск, 1989 и Т. 2. – Якутск, 1990.
- Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). – Новосибирск, 1976.
- Жидков Г.П.* Кабинетное землевладение (1747–1917 гг.). – Новосибирск, 1973.
- Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск, 1983.
- Кулаковский А.Е.* Якутской интеллигенции. – М., 2002.
- НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 57. Д. 1. Л. 51.
- Никитина С.Е.* О распространении на Якутскую область института крестьянских начальников: реформа губернатора В.Н. Скрипицына? // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI–начале XXI в. Материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). – Новосибирск, 2011.
- Никитина С.Е.* Организационные мероприятия по установлению новой власти в северных округах Якутии (1917–1925 гг.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 2 (11).
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. LXXX. Якутская область. – СПб., 1904 (1905).
- Романова Л.Н.* А.Е. Кулаковский и его современники. Особенности поэтического языка. – Новосибирск, 2002.
- Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII–начало XX в.). – Якутск, 1961.
- Скляров Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962.
- Степынин В.А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962.
- Топчий А.Т.* Крестьянская реформа на государственных землях Западной Сибири. – Томск, 1976.
- Траектории проектов в высоких широтах / Коллективная монография. – Новосибирск, 2014.
- Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября: (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). – Иркутск, 1966.
- Тюкавкин В.Г.* Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. – М., 2001.
- Худяков В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. – Томск, 1986.

A.E. Kulakovsky on land management and land use in the Yakut region at the beginning of the XX century

The article describes the views of A.E. Kulakovsky on the problematic land management policies of the Imperial administration in the North-East of Russia from the point of view of the indigenous peoples living in these territories. Dynamics of the land management policy of imperial Russia was analyzed, when the colonization of the lands of Siberia and the Far East, which took place in the form of daily peasant development, was limited to the central government of Russia by prohibiting the violation of the land borders of indigenous areas with a firm order of control by local governments. When at the beginning of the XX century, the development of these remote territories received an organized vector of state migration policy in the course of implementing P.A. Stolypin's agrarian reform. Address of A.E. Kulakovsky "Yakut intelligentsia" call for the consolidation of all forces in front of the threatened wave of settlers, thanks to the assessment of the vice inspector of the Forestry Corps, S.V. Markgraf, to 2 million people. There are shown A.E. Kulakovsky objective difficulties in the Yakut region, where a geographically vast space, which is of little use for land development; peculiarities of the land use of the Yakuts' cattle-breeding farm, the complexity of applying agricultural technologies in the climatic conditions of Yakutia remain relevant to the present time.

Keywords: A.E. Kulakovsky, the Russian Empire, Siberia, the Yakut region, land management policy, agrarian reform of P.A. Stolypin, settlers, land use.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.334.56(985):001.8

Т.С. Ермолаев

Северный моногород: контуры исследования

«Чтобы вовлечь в реальную экономику самую талантливую молодёжь, нужно предложить им жить в новых нестандартных городах, предлагающих современное качество жизни и интересную творческую работу».

Из речи помощника Президента РФ И.И. Шувалова на Советании полномочного представителя Президента РФ в ДФО в Хабаровске 20 июня 2007 г.

Проблема реструктуризации моногородов является сегодня для России чрезвычайно острой в социальном, экономическом, политическом плане. Это проблема, прежде всего, социокультурных институтов и качества социокультурной среды. Суть проблемы заключается в устаревшей технико-технологической базе, неразвитости малого и среднего бизнеса, низком уровне и качестве жизни, слабой мобильности человеческого капитала, невостребованности инноваций. Прежде чем говорить о инновационном развитии, выводящем к цивилизационному фронтиру, необходимо освоить передовые практики, заложить инфраструктуру, делающую возможным реализацию инновационных проектов. Любой инвестиционный проект должен быть привлекательным, учитывать возможные риски, прежде всего в социокультурной среде. Поэтому проблема моногородов, особенно в российских условиях, – это, прежде всего, проблема реализации внятной социальной политики, системно развёртываемой на корпоративном и региональном уровнях. Исследование социального самочувствия населения в условиях трансформации северных монопоселений позволит оптимизировать отношения с местными органами власти и общественностью, создаст предпосылки конструктивного общественного диалога и консолидации общества. Обобщение такого опыта даст конкретную технологию, выявляющую возможные потенциалы для формирования городов нового поколения.

Ключевые слова: моногород, социокультурный подход, социальное самочувствие, индустриализация, качество жизни, социальное партнерство, городская агломерация, инновации.

Исторически сложилось, что урбанизационные процессы в нашей стране тесно связаны с индустриализацией экономики, в ходе которой ставилась и последовательно решалась задача

концентрации трудовых ресурсов вокруг производственных центров. Именно так возникли населенные пункты, которые мы в настоящее время называем моногородами. В Дальневосточном федеральном округе больше всего монопоселений находится в самом крупном субъекте Федерации – Республике Саха (Якутия). Их 15: алмазные города Мирный и Ленск (градообразующее предприятие – АК «Алроса»), угольная столица Южной Якутии – Нерюнгри («Якутуголь»), поселки Чернышевский («Теплоэнерго-сервис»), Светлый (Вилуйская ГЭС-3), Витим («Сургутнефтегаз»), Серебряный Бор (Нерюнгринская ГРЭС), Хани («Коммунальные системы БАМа»), Джебарики-Хая («Шахта Джебарики-Хая»), Звездочка («Дражник»), Солнечный («Золото Ыныкчана»), Мохсоголлох («Якутцемент»), Нижний Куранах («Алданзолото»), Кысыл-Сыр («ЯТЭК») и Депутатский («Сахаолово») [<http://www.sakha.gov.ru/>]. На 1 января 2016г. в этих монопоселениях проживало 152507 человек, или 16% населения республики [<http://www.sakha.gks.ru/>].

Перспективы развития северных монопоселений требуют изменения отношения государства и хозяйствующих субъектов к соответствующей территории, привлекательной в настоящее время лишь как место извлечения максимальной прибыли при минимальных затратах на природоохранные мероприятия и вложения в развитие населенных пунктов и человеческий капитал. Если для жителей крупных российских городов актуальными являются долгосрочные стратегии поведения, направленные на зарабатывание денег, профессиональную и должностную карьеру, то для жителей малых монопрофильных городов характерны краткосрочные защитные стратегии. Падение уровня жизни населения, недостаток рабочих мест, низкое качество социальных услуг оцениваются как признаки разрушения среды проживания. Восприятие реальности в качестве социально несправедливой и рост ностальгических настроений по советскому прошлому снижает уровень удовлетворенности населения, усугубляя отток наиболее квалифицированных специалистов в более благополучные регионы России. Молодежь, получившая образование в центральных вузах, не видя перспектив профессиональной самореализации в родном городе, стремится за-

крепиться по месту учебы или в другом регионе. Северный моногород стремительно стареет, начинает формироваться стратегия выживания, неуклонно снижается уровень потребностей и свертываются внутренние ресурсы [Ермолаев, 2016]. На четвертой волне индустриализации в Южную Якутию пришли крупные российские бизнес-структуры, первые шаги которых продемонстрировали, что социальная ответственность еще не стала неотъемлемой частью их повседневной деятельности. Нельзя исключать опасности «корпоративной колонизации» со стороны крупных компаний-«варягов», имеющих значительные инвестиционные ресурсы, высокий потенциал лоббирования нужных им решений в государственных структурах и способных вести добычу природных ресурсов на северных территориях без учета интересов местного населения [Там же]. По сути, мы наблюдаем эффект бумеранга: если в период советской индустриализации из поля зрения социальной политики выпадали коренные жители республики, то на этот раз в число «исключенных» попадают бывшие покорители Севера, которые становятся его заложниками.

Исследование особенностей феномена социального самочувствия северного моногорода является весьма актуальной в научном и общественно-политическом аспектах. Предлагаемое нами исследование в рамках проекта НИР сектора этносоциологии ИГиПИМНС СО РАН «Республика Саха(Якутия) в XXI веке: мониторинг и регулирование этносоциальных процессов в современных условиях»(2017–2020гг.) будет первым опытом системного изучения проблем монопоселений Якутии с проведением обширных полевых работ для того, чтобы объективизировать представление о реальных проблемах и рисках развития северных монопоселений в зависимости от размера, отрасли специализации, географического расположения, социокультурной среды. Результаты данного проекта должны привлечь внимание административных, деловых кругов и широкой общественности к наиболее эффективному опыту социальных инвестиций и социального партнерства, способствовать налаживанию конструктивных связей бизнеса с местными органами власти и общественностью, усилить консолидацию регионального сообщества на

конструктивной основе в экстремальных природных условиях.

Объектом исследования будет монопрофильное городское поселение Нерюнгри с подчиненными территориями как исторически сформировавшаяся территориальная общность во взаимосвязи ее социокультурных параметров. Предмет исследования – социальное самочувствие и качество жизни населения монопрофильной городской агломерации. Цель работы – социологический анализ феномена социального самочувствия населения крупнейшего моногорода РС(Я), что означает выявление степени удовлетворенности жителей основными элементами жизнедеятельности, уровня эффективности взаимодействия между горожанами, органами местного самоуправления и бизнес-структурами для конструирования драйверов реструктуризации и инновационного развития монопрофильной городской агломерации. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- сформулировать методологические основы и выбрать основные показатели изучения социального самочувствия и качества жизни населения;
- определить специфику северного моногорода как среды, влияющей на социальное самочувствие жителей;
- выявить особенности социального самочувствия и качества жизни различных групп городского населения на основе анализа общественного мнения;
- с помощью экспертных оценок выявить и ранжировать по степени значимости ключевые факторы, препятствующие/способствующие устойчивому развитию моногорода;
- выявить уровень развития социальной инфраструктуры, оценить условия проживания в городе, определить эффективность деятельности городской администрации и измерить уровень активности горожан в решении социально-экономических проблем города;
- на основе интерпретации эмпирического опыта выявить набор конкретных технологий, предоставляющих северному моногороду реальную возможность вырваться из «сырьевого проклятия» и создать условия для становления «нестандартного города» нового поколения;
- разработать практические рекомендации по совершенствованию механизма муниципально-

го управления для развития социального партнерства, повышения социальной ответственности бизнеса и достижения оптимальной эффективности распределения бюджетных ресурсов территории.

Комплексный характер предполагаемого исследования позволяет выделить в научной литературе два самостоятельных тематических направления. Первое направление связано с проблематикой социального самочувствия. Труды по тематике социального самочувствия разнообразны прежде всего с точки зрения использования целого комплекса терминов, отражающих социальное самочувствие. Проблемам качества жизни, счастья и социального самочувствия посвящены труды зарубежных исследователей Э. Дейнера [Diener E., 2000], Р. Инглхарта [Inglehart R., 2005], Р. Истерлина [Easterlin R.A., 2005], Р. Вееховена [Veenhoven R., 2011] и др. Среди отечественных ученых, внесших значительный вклад в социологическое осмысление феномена социального самочувствия, следует отметить таких, как И.В. Бестужев-Лада [1987], О.В. Лунева [2008], Б.Д. Парыгин [1966], Ж.Т. Тощенко [2008] и др. Второе направление представляет собой блок научной литературы по проблематике городских поселений. Современные исследования городской тематики представлены зарубежными ([М. Кастельс, 1999, 2000], Дж.Джейн [2008]) и отечественными (Н.А. Аитов [1979], А.В. Баранов [1981], М.В. Борщевский [1975], В.Л. Глазычев [2011], Г.М. Лаппо [1997], Лаппо и др. [2007], Э.А. Орлова [2003], О.И. Шкаратан [1986]) специалистами, которые изучали разнообразные аспекты городов и городской жизни. Особо следует выделить исследования по городской тематике, которые связаны с проблематикой моногородов (В.А. Любовный [2004,2009], И.В. Манаева [2011, 2013], И.О. Москаленко [2011.], Л.В. Пустынникова [2004.] и др.). Наиболее разработанными на настоящий момент являются проблемы рынка труда моногородов (Е.А. Кранзеева [2004], Г.Ю. Кузнецова [2005], О.Г. Огий [2010], Е.Г. Раймова [2003] и др.); вопросы управления (И.С.Самборецкий [2016], Д.И. Ряховский [2003], Н.И.Крысин [2001], Р.Р. Хайдаров [2013]); проблемы социально-экономического развития (Н.В. Зубаревич [2003], А.Ф. Пасынков [2006], М.М.Муртазин [2011] др.). Имеется

определенное количество работ, посвященных непосредственно проблемам социального самочувствия жителей моногородов (Н.В. Губина [2010], Н.В. Дулина [2006], О.Н. Муштук [2004], Н.В. Рудакова [2005], Е.Н. Бочканова [2004], А.В. Рафальсон [2013] и др.).

Зарубежный опыт успешной реализации проектов и программ реструктуризации и развития моногородов свидетельствует, что ключ к решению индивидуальной проблемы каждого уникального, по своей сути, моногорода лежит в людях, в человеческом капитале, который является источником, механизмом и результатом экономического развития. Наиболее богатый опыт реализации селективных программ поддержки моногородов, ориентированных на решение конкретных городских проблем, накоплен в странах Европейского союза. Яркую выраженную поселенческую направленность носят программы регионального развития в Канаде. Основная первичная единица северной региональной политики в Канаде – это «город – регион», трактуемая как симбиоз собственно городской территории и окружающей местности. В качестве зарубежного опыта управления развитием моногородов можно рассматривать программу расселения моногородов в США, хотя данный путь является весьма капиталоемким.

Анализ исследований по социально-экономической проблематике развития моногородов России показывает недостаточность разработанности проблем социального пространства моногородов. Очевидно, что в условиях «нового» освоения Якутии перед населением остро встают вопросы социальной адаптации и повышения конкурентоспособности, решение которых невозможно без обращения к проблематике моногородов. Между тем проблемы социокультурного развития в инновационном контексте не получили должного концептуального научного освещения. В целом, количество фундаментальных исследований проблем развития моногородов, тем более в контексте региональной политики, представляется недостаточным и фрагментированным.

Сложность, комплексность объекта исследования делает целесообразным использование совокупности различных подходов к его изучению. Среди них: системный, цивилизационный, структурно-функциональный, субъектно-дея-

тельность. Общую методологическую основу проекта составит социокультурный подход: монопрофильная городская агломерация рассматривается как территориальное сообщество, которое образуется в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций региона, выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции и служит средой, которая мотивирует социальных акторов. В русле такого подхода будут рассмотрены проблемы уровня и качества жизни, безопасности, бедности населения, идентичности и структуры ценностей личности, социальной стратификации, мобильности, развития человеческого потенциала и компонентов региональной инновационной системы. При этом целесообразно выделять поселенческий, гендерный, поколенческий аспекты рассматриваемых проблем. Основное предположение состоит в том, что в большинстве монопрофильных городских агломераций существенно недоиспользуется созидательный инновационный потенциал социальных акторов; возможная причина этого – институционализация неправых практик, которая блокирует деятельный потенциал различных слоев населения и утверждает пассивно-рутинный тип личности.

Самой сложной задачей при изучении социального самочувствия и качества жизни станет оптимальный отбор показателей. Здесь следует действовать по принципу «оптимальной достаточности», чтобы получить необходимое представление о качестве жизни в ареале исследования. Качество жизни более широкое понятие, чем уровень жизни, оно включает в себя огромный спектр параметров. В международных сопоставлениях качество жизни объединяет следующие блоки показателей: доходы населения; бедность и неравенство; безработица и использование рабочей силы; динамика демографических процессов, образование и обучение; здоровье, продовольствие и питание; состояние жилого фонда, инфраструктура, связь; ресурсы и состояние природной среды; культура, социальные связи, семейные ценности; политическая и социальная стабильность; демократия и гражданские институты. Столь широкий спектр оценок качества жизни делает подобное исследование весьма затруднительным и трудоемким. Тем более, что многие аспекты качества жизни в

переходный период уступают наиболее острым проблемам – недостатку материальных средств для полноценной жизни, массовой бедности, углубляющейся имущественной дифференциации. Сейчас преждевременно говорить о том наборе индикаторов, которые оптимальным образом будут характеризовать качество жизни на исследуемой территории.

Особенность нашего подхода заключена в сочетании статистических данных и данных опросов населения. Статистические данные могут дать только ориентировочное представление о социально-экономическом положении населения региона и его уровне жизни. Социологические методы измерения уровня жизни также имеют свои ограничения, но их существенным преимуществом является то, что они отражают субъективное самочувствие и оценку уровня жизни респондентом в реальном контексте его собственной жизни. Положительная сторона социологического исследования заключена также в возможности анализировать данные по различным срезам: гендерным, возрастным, профессиональным, поселенческим и т.п. группам. Более важно знать, как само население оценивает свой уровень жизни: удовлетворяет ли он его, дает ли возможность полноценно жить, соответствует ли он представлениям самого человека о достойном уровне жизни.

В общественном сознании сложился определенный стереотип мышления относительно монопоселений, суть которого проистекает из трактовки города как «приложения» к градообразующему предприятию, а не как к самодостаточному образованию, обладающему по сравнению с предприятием гораздо более значительными возможностями для собственного воспроизводства и долговременного устойчивого развития. Именно небольшие города, в отличие от мегаполисов, куда устремляется основная масса мигрантов, выполняют одну из важнейших государственных задач в России – сохранение ее генофонда. Не менее важна особая геополитическая роль северных городов, нередко играющих роль «малых столиц», скрепляющих и без того слабо заселенные огромные пространства России.

Реализация предполагаемого комплексного исследования северного моногорода на примере Нерюнгри – это попытка дать ответ на вопрос о

наличии в объектах исследования устойчивой сети социокультурных и материальных интеграторов его населения, способной обеспечить не только сохранение, но и инновационное развитие моногорода как привлекательного социокультурного сообщества, жизнь в котором комфортна для человека.

Настоящее исследование не имеет precedентов по своему масштабу и является первым известным нам опытом системного изучения проблемы монопоселений Якутии с проведением обширных полевых работ.

Литература

- Аитов Н.А.* Социальное развитие городов: сущность и перспективы. – М.: Знание, 1979.
- Баранов А.В.* Социально-демографическое развитие крупного города – М.: Финансы и статистика, 1981.
- Бестужев-Лада И.В.* Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации. – М.: Наука, 1987.
- Борщевский М.В., Успенский С.В., Шкаратан О.И.* Город. Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. – М.: Наука, 1975.
- Бочканова Е.Н.* Социологическое исследование социального самочувствия горожан как предпосылка научно обоснованной муниципальной социальной политики // Муниципальная социальная политика. – Екатеринбург, 2004. – С. 22–37.
- Глазычев В.Л.* Город без границ. – М.: Территория будущего, 2011.
- Губина Н.В.* Социальный тонус монопрофильного города: проблемы методологии исследования и управления – Казань: Изд-во Института истории АН РТ. – 2010.
- Джейн Дж.* Экономика городов. The Economy of Cities / под ред. канд. экон. наук О.Н. Лугового. – Новосибирск: Культурное наследие, 2008.
- Дулина Н.В.* Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006.
- Ермолаев Т.С.* Этносоциальные риски промышленной модернизации и проблемы взаимоотношений между государством, бизнесом и местным сообществом // Этносоциальное развитие народов Республики Саха (Якутия) в условиях современного промышленного освоения и изменения социоприродной среды. Отчет НИР. № госрегистрации 012 013 52 096. – Якутск, 2016. – С. 14–16.

Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России в переходный период: дисс. ... докт. геогр. наук. – М., 2003.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.

Кранзеева Е.А. Безработица как фактор деформации профессионального развития личности в малом городе с монопроизводством: управленческий аспект: автореф. дисс... канд. социолог. наук – Новосибирск, 2004.

Крысин Н.И. Управление развитием монопрофильного города: проблемы, опыт, тенденции: социологический аспект: автореф. дисс...канд. социолог. наук. – Тюмень, 2001.

Кузнецова Г.Ю. Новый Уренгой на пути устойчивого развития – Екатеринбург, 2005.

Ланпо Г.М. География городов. – М.: Владос, 1997.

Ланпо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. Региональное развитие. – 2007. – № 1.

Лулева О.В. Теоретические и методические вопросы исследования социальных и эмоциональных интеллектов. – М., 2008.

Любовный В.Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. – М., 2009.

Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю., Власова Н.И., Гривина И.В. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России. – М., 2004.

Манаева И.В. Моногорода: вопросы терминологии // Современные проблемы социально-экономического развития России: материалы науч.-практ. конф. в 2-х томах / под ред. Е.Н. Камышанченко, С.Н. Растворцевой. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2011.

Манаева И.В. Социально-экономическое развитие моногородов Центрально-Черноземного района России: проблемы и пути решения. – М., 2013.

Микляева А.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? – СПб. Речь, 2011.

Москаленко И.О. Общие черты, проблемы и перспективы развития моногородов России // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.). – Т. II. – М.: РИОР, 2011. – С. 157–160.

Муртазин М.М. Развитие моногородов в условиях модернизации: автореф. дисс...канд.полит.наук. – М., 2011.

Муштук О.Н. Групповой социально-политический портрет москвичей: социальное самочувствие Москвы осенью 2003 г. // Observer. – 2004. – № 1 – С. 34–45.

Огий О.Г. Стратегические ориентиры безопасности социального развития моноотраслевых регионов – Петропавловск-Камчатский: Камчат. ГТУ, 2010.

Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. – М.: Наука, 2003.

Парыгин Б.Д. Общественное настроение. – М., 1966.

Пасынков А.Ф. Долгосрочное прогнозирование социально-экономического развития монопрофильных городов сырьевого типа: дис. ... д-ра экон. наук. – Екатеринбург, 2006.

Пустынникова Л.В. Конкурентный потенциал монопрофильного регионального производственного комплекса (на примере единого муниципального образования г. Норильск): автореф...канд.экон.наук. –Нальчик, 2004.

Раймова Е.Г. Профессиональное самоопределение и трудоустройство выпускников вузов в условиях западно-сибирского моногорода: автореф.дисс...канд.психолог.наук – Тверь, 2003.

Рафальсон А.В. Объективный индикатор качества жизни населения моногородов России // Политика и общество. – 2013. – №5 – С. 587–596.

Рудакова Н.В. Уровень жизни горожан как критерий эффективности муниципального управления // Социология. – 2005. – № 3–4.

Ряховский Д.И. Антикризисное управление градообразующими предприятиями. – М., 2003.

Самборецкий И.С. Социальное управление моногородом Тюменского Севера: автореф.дисс...канд. социол. наук – Тюмень, 2016.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

Шкаратан О.И. Этносоциальные проблемы города – М.: Наука, 1986.

Хайдаров Р.Р. Состояние экологии как фактор устойчивого развития моногорода // Власть. – 2013. – № 2. – С. 72–75.

<https://www.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 15 марта 2017 г.) http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population/ (дата обращения: 23 марта 2017г.)

Diener E. Culture and subjective well-being / Ed. by E. Diener, E.M. Suh. Cambridge–L.: A Bradford Book, The MIT Press, 2000.

Easterlin R.A. Building a Better Theory of Well-Being /ed. L. Bruni, P.L. Porta //Economics and happiness: framing the analysis. – New York: Oxford University Press Inc., 2005. – Pp. 29–30.

Inglehart R. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence, Cambridge University Press, 2005.

Veenhoven R. (March 2001). "The four qualities of life: Ordering concepts and measures of the good life". Journal of Happiness Studies. 1 (1): 1–39. Retrieved 16 April 2011.

T.S. Ermolaev

The Northern monocity: the outlines of the research

The problem of restructuring of monocity is extremely acute for Russia today. This is a problem first of all, social and cultural institutions and quality of social and cultural environment. Its essence lies in the obsolete technological base, lack of development of small and medium business, the low level and quality of life, the weak mobility of human capital, the lack of demand innovation. Research on the social well-being of the population in the conditions of transformation of the North mono-settlements will allow to optimize relations with local authorities and the public, will create the preconditions for a constructive public dialogue and consolidation of the society. A generalization of such experience will give a specific technology that identifies possible potentials for the formation of new generation cities.

Keywords: monocities, socio-cultural approach, social well-being, industrialization, quality of life, social partnership, urban agglomeration, innovations.

УДК 378.187:378.4(571.56)

Д.М. Винокурова, С.А. Старостина

Общежитие – мой дом: мнение студентов СВФУ

В статье представлены результаты пилотного социологического исследования, целью которого является выявление факторов, способствующих формированию представлений и восприятия студентами «общежития как дома». Студенческое общежитие становится для студентов, прибывающих из сел и других городских поселений, домом в период обучения. Это явление носит массовый характер, через него прошли, проходят и будут проходить многие поколения. Здесь происходит адаптация вчерашних выпускников общеобразовательных школ к самостоятельной жизни без родителей, родных и близких ему людей. Жизнь в семье, как правило, характеризуется чувством защищенности, уюта, доверия и т.д. А может ли сформироваться у студентов восприятие общежития как дома? Какие факторы могут этому способствовать или препятствовать?

Ключевые слова: социология повседневности; структуры-процессы; представления о доме; оценка материально-бытовых условий; домашняя группа; студенческий городок; отношения с соседями по комнате.

Методология и методика исследования

Основопологающей идеей данного исследования является концепция А. Шюца. Как известно, А. Шюц, развивая феноменологическую социологию Э.Гуссерля, исходил из следующих положений: социальный мир А. Шюц представляет как постоянно развивающиеся и изменяющиеся структуры-процессы. Например, в нашем случае в качестве тесно взаимодействующих друг на друга структур можно рассматривать дом и семью студентов. Продолжая эту идею,

можно сказать, что эти структуры-процессы зависят от определенного восприятия субъектом конкретной ситуации. Иначе выражаясь, у каждого студента свои представления о доме и семье. По мнению А. Шюца из такого множества представлений о доме и семье складывается объективная реальность, которая в своей целостности остается необозримой для конкретного индивида. К примеру, «дом» как объективная реальность наделяется множеством характеристик, которые в целостности необозримы

© Д.М. Винокурова, С.А. Старостина 2017

для конкретного индивида, однако каждый «имеет свою часть». Таким образом, доступной оказывается лишь та часть этой объективной реальности, которая входит в сферу непосредственного опыта конкретного индивида. И у каждого свой опыт и свои представления о доме. Согласно А. Шюцу, здесь важна эта непосредственность и «предметно-телесная закреплённость» в нашем случае каждого студента за конкретным домом, в чем А. Шюц видел уникальную специфику повседневности по отношению к другим сферам человеческого опыта [Шюц, 2004].

Исходя из идеи А. Шюца, можно сказать, что телесно-предметное переживание реальности в повседневности тесно связано с домом, семьей, поэтому нами выбрано для исследования отношение, мнение студентов об общежитии как доме. Расширение границ повседневного опыта у вчерашних абитуриентов вызывает изменение самих структур (т. е. отсутствие семьи и дома как помещения) и механизмов взаимодействий в общежитии, которое в социологии называется адаптацией.

Проживание в общежитии как процесс-структура так или иначе затрагивает все социальные слои населения и большинство сельских семей, представители которых имеют опыт проживания в студенческих общежитиях. Это явление гораздо шире распространено, чем может показаться на первый взгляд, так как связано с образовательной миграцией.

В исследовании (январь – апрель 2017 г.) был проведен анкетный опрос и применен выборочный метод, в выборку попало 100 студентов ($n=100$), которые проживают в г. Якутске в корпусах 6Б и 6В общежития СВФУ. Эти корпуса общежитий были построены в 2002 г. В них проживают студенты финансово-экономического, физико-технического, педагогического институтов и юридического факультета. Оба корпуса общежития 9-этажные здания, первые этажи – нежилые. В корпусе 6В проживает 529 студентов, в 6Б – 689 студентов: объем генеральной совокупности составил 1218 студентов. В обоих корпусах в каждом блоке есть по 6 отсеков, в каждом блоке есть одна комната – «прачечная без автомата», кухня. На два блока (на одном этаже) приходится один читальный зал и одно фойе для отдыха. Выборка строилась как

многоступенчатая: в каждом отсеке имеется по 3-4 комнаты, в комнатах проживают по 2-3 студента. Отбор осуществлялся следующим образом: через каждый этаж отбирались блоки, расположенные справа от лифта (на каждом этаже по два блока) на 2-, 4-, 6-, 8-м этажах – студенты из правого блока, на 3-, 5-, 7-м этажах – из левого блока. На этаже отбирался отсек, находящийся с правой/левой стороны от двери (в зависимости от этажа), таким же образом отбирались респонденты, кровать которых располагалась справа/слева от двери комнаты.

Анкета состоит из 42 вопросов, которые включают оценку условий кампуса, общежития, комнат, повседневных взаимоотношений с соседями по комнате, перспективных планов и т.п.

Результаты

Прежде чем приступить к анализу полученных данных, рассмотрим другие аспекты изучения студенческих общежитий в регионах России. Так, в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете было опрошено 100 студентов, проживавших в общежитии. Большинство опрошенных студентов (56%) уверены, что проживание в общежитии является хорошей школой жизни; 21% считают свою жизнь в нем удовлетворительной, 14% – терпимой; 9% – ужасной. На адаптацию к жизни в общежитии у 47% респондентов потребовалось времени от недели до месяца; 53% – от пары месяцев до года. Больше половины опрошенных (60 респондентов) ответили, что у них никогда не возникало конфликтов с соседями по комнате. Остальные респонденты подтвердили, что у них возникали конфликты из-за несоблюдения обязанностей по комнате, громкой музыки, личных проблем, несходства характеров, домашних питомцев и др. Опрошенные студенты, проживающие в общежитии, отметили как одно из преимуществ наличие гораздо большего общения и знакомств, чем у тех, кто живет дома. Как оказалось, общие темы для разговора различаются для молодых людей и девушек. Для большинства опрошенных девушек темой для обсуждения являются фасоны одежды, представители сильного пола, учеба, фильмы, косметика. Реже, как они признались, говорят о семье, работе, книгах, политике, рецептах еды. Многие из опрошенных молодых людей обсуждают

спорт, компьютерные игры, девушек, учебу, машины, музыку. Они реже говорят о событиях в городе, проблемах в учебе, о вкусах, науке и досуге. 17% респондентов беседуют на любые темы со своими соседями, но есть и те, которые избегают любого общения [Залозная, 2016].

Данные указанного исследования совпадают с нашим по некоторым оценкам респондентов. К примеру, большинству опрошенных нравится проживать в общежитии, и они поддерживают дружеские отношения со своими соседями по комнате. Также выделилось незначительное число опрошенных студентов, которые не поддерживают контакты с соседями по комнате.

В научных статьях студенческое общежитие рассматривается с разных аспектов. Безусловно, нехватка мест в общежитии также остается острой темой, как на практике, так и в исследованиях. В статье на примере Казанского национального исследовательского технологического университета затронута проблема гарантии заселения студентов в общежития. Сегодня существует подход: финансовое обеспечение общежитий – это часть госуслуги, обусловленная госзаказом, однако сегодняшняя мобильность абитуриентов благодаря ЕГЭ в значительной степени приводит к существенному превышению потребности в общежитии над возможностями вузов. Студенты-заочники давно забыли о возможности поселения в общежитиях на время сессии. Денег на строительство новых общежитий либо не выделяют, либо не все вузы способны их получить. Такая же ситуация наблюдается в США и в Великобритании, в силу целого ряда причин многие студенты снимают жилье [Барабанова, Крайсман, 2013]. У Северо-Восточного федерального университета строгие правила заселения и персонал. Проживание «зайцами» в общежитиях СВФУ не наблюдается. Из-за дефицита мест в общежитиях в комнатах есть так называемые «подселенцы».

Другой не менее важный аспект проживания в студенческом общежитии рассмотрен, к примеру, на материале Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова: для многих проживающих в общежитии на весь период обучения оно становится местом организации досуга и отдыха. В этой связи представляет интерес направленность массовых мероприятий в данном

вузе, которые находят поддержку студенческого самоуправления. В первую очередь, это традиционные русские обрядовые праздники: проводы зимы, Рождество, крещение, Новый год. В этом вузе восстановлены клубы интернациональной дружбы, встречи с иностранными студентами, посвященные особенностям национальной кухни, одежды, системе образования, известным деятелям литературы и искусства. Более целенаправленно стала проводиться работа по вовлечению студентов в обустройство общежитий, массовое проведение субботников и Дней древонасаждения. Особое внимание уделяется социально-профилактической работе со студентами по пресечению девиаций различного вида: пьянства, отсутствия регистрации, конфликтов и т.д. Данное направление воплощается на практике с помощью индивидуальных и групповых форм работы, причем неоценимую помощь и должный эффект оказывает совместная деятельность с городскими правоохранительными органами [Целуйко, 2014].

Итак, приступая к анализу полученных данных, зададимся вопросом, какой опыт приобретает и что изменяется для проживающих в общежитии СВФУ студентов: осваивают опыт самостоятельной «без контроля родителей, семьи» жизни; учатся совместной жизни с незнакомыми представителями разных районов, городов республики, иностранными студентами; осваивают «стандарты» и стили жизни со своими сверстниками без взрослых; восприятие как временного этапа жизни – «жизнь в студенческом общежитии»; испытывают «тоску по родным, знакомым, дому».

В нашу выборку попали выпускники сельских (53%); улусных центров (39,0%); других городов республики (8,0%) общеобразовательных школ из многодетных семей: детей четверо и более (40,0%); трое (31,0%); двое (23,0%); единственный ребенок (6,0%). Каким по счету ребенком в семье являются опрошенные студенты: первым (27,0%); вторым (29,0%); третьим (19,0%); четвертым (14,0%). Большинство опрошенных студентов имеет опыт выезда в летние лагеря, т.е. опыт проживания без родителей (72,0%); не имеют такого опыта (28%), притом почти каждый третий из них выезжал три и более раз; два раза (17%); один раз (24,0% респондентов).

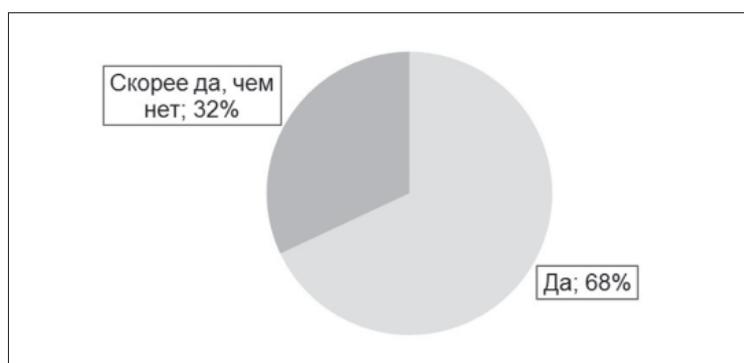

Рис. 1. Оценка студентами студенческого кампуса

Гипотетически можно перечислить, факторы, которые влияют на формирование ощущения «общежитие – мой дом» у студента:

- предыдущий опыт проживания без родителей вне родительского дома;
- многодетная семья;
- «освобождение» от определенных проблем, которые тяготили его в семье;
- готовность налаживать отношения с незнакомыми сверстниками.

Если область нашего анализа находится в рамках идеи А. Шюца, то важно упомянуть о непосредственности и «предметно-телесной закреплённости» наших респондентов за конкретным корпусом (комнатой общежития СВФУ), который находится в студгородке. В чем А. Шюц видел уникальную специфику повседневности по отношению к другим сферам человеческого опыта. Как оценивают условия, где каждодневно «предметно-телесно закреплены» опрошенные студенты?

Из рис. 1 видно, что большинству опрошенных студентов (68%), проживающим в корпусах 6Б и 6В общежития, нравится студенческий кампус СВФУ. Одним из основных компонентов студенческого городка СВФУ являются современные и комфортабельные общежития для студентов с общей жилой площадью 88 340 м², оборудованные в соответствии с современными требованиями [Сегодня СВФУ].

Особое значение, по мнению исследователей, представляют «центральные пространства», создающие имидж университета, развивающие у студентов и преподавателей чувство «единства и идентичности». «Центральные пространства» – это места для публичных мероприятий: сборов, выступлений, проведения об-

щевуниверситетских праздничных торжеств. Основное пространство кампуса создает атмосферу для общения, взаимодействия людей. Современная практика строительства университетских кампусов убеждает в том, что «продуманная пространственная организация кампуса имеет, быть может, даже более важное значение для полноценного и эффективного функционирования университетского кампуса, чем архитектурные и функциональные качества его отдельных объектов» [Дагданова, 2015].

Студенческий городок СВФУ «Сергелях» – это объединение из 13 общежитий, расположенных в экологически чистой зоне озера Сайсары. Развитая инфраструктура создает все необходимые условия для обучения и организации досуга иногородних и иностранных студентов. В шаговой доступности находятся учебные и лабораторные корпуса, библиотеки, спортивные залы, бассейн «Долгун», многочисленные пункты общественного питания, магазины, культурный центр «Сергеляхские огни» и т. д.

Что касается бытовых условий в общежитиях, то общая жилая квадратура корпуса 6В составляет 3730,20 м². В общежитии есть 110 душевых, 112 туалетов, 22 кухни и такое же количество гладильных и прачечных комнат. На рис. 2 и 3 представлены результаты ответов респондентов на вопрос «Оцените, пожалуйста, условия в комнате, где вы проживаете?». Из рис. 2 видно, что большинство опрошенных студентов высоко оценили квадратуру комнат, где они проживают по двое, трое, а также состояние потолков, стен и дверей. Ежегодно во время летних каникул студентов производится СВФУ косметический ремонт общежитий и ремонт мебели.

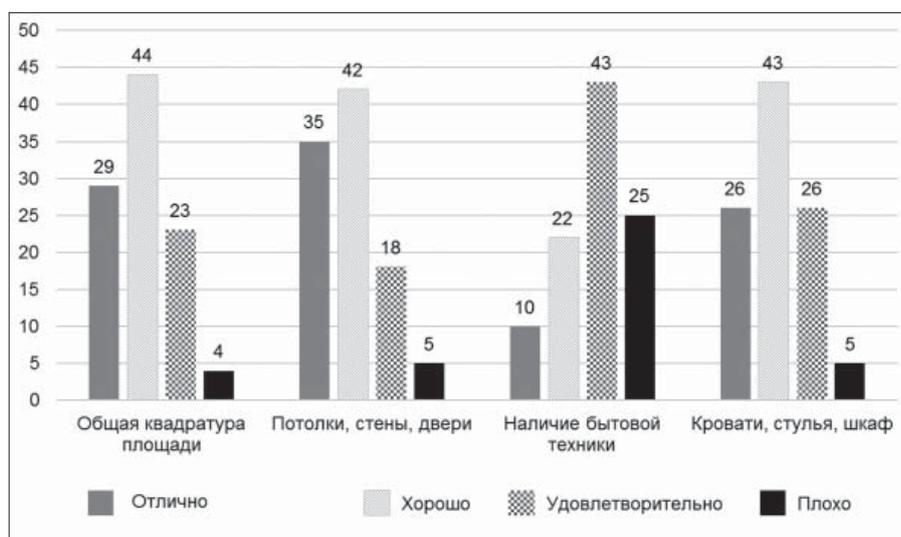

Рис. 2. Степень удовлетворенности (%) материально-техническими условиями комнат

Как видно, из данных рис.3, почти каждый второй респондент оценил достаточно высоко коммунально-технические условия мест общего пользования рассматриваемых корпусов общежития СВФУ.

Безусловно, удобство расположения учебных корпусов, шаговая доступность многих объектов городской инфраструктуры, озеленение, оживленный район студгородка, материальные условия, благоустройство комнат, отсеков и корпусов общежития вчерашним выпускникам сельских школ больше нравятся. Об этом

же свидетельствуют результаты НИР Департамента по обеспечению качества образования СВФУ «Студент-2017», был проведен онлайн-опрос с охватом 70% общего числа студентов университета всех курсов очной формы обучения [Отчет о результатах..., 2017]. Так, в общем массиве 23% опрошенных студентов, проживающих в общежитии, условия оценили на «отлично»; каждый второй – «хорошо»; 20% – «удовлетворительно». Данные оценок респондентов по корпусам общежития университета приведены в табл.1.

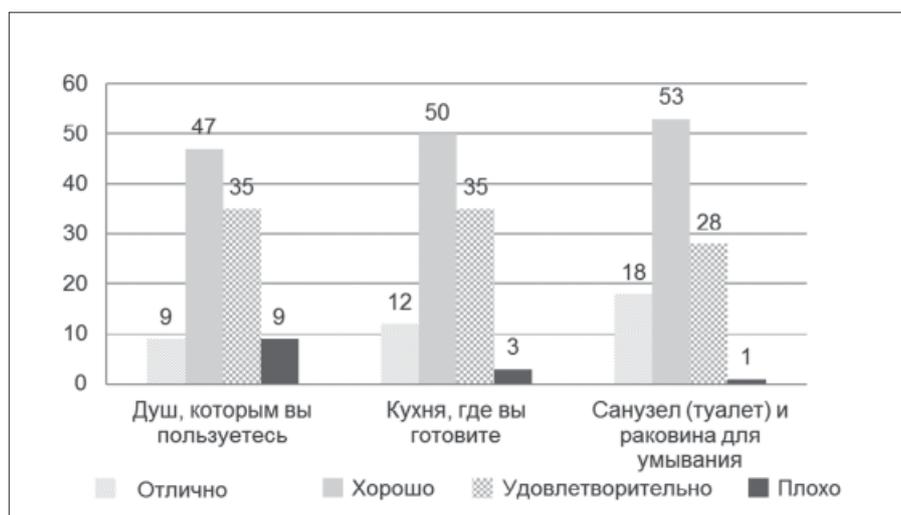

Рис. 3. Степень удовлетворенности (%) материально-техническими условиями мест общего пользования в отсеках корпусов общежития

Оценка опрошенными студентами условий проживания в общежитии СВФУ, %*

Корпус общежития СВФУ	Отлично	Хорошо	Удовлетворительно	Неудовлетворительно	Загрудняюсь ответить
6А	43	50	-	7	-
6Б	22	59	16	1	1
6В	21	56	19	3	2
7/1	23	56	17	2	2
7/2	19	56	21	2	2
8/1	16	48	31	3	3
8/2	17	56	20	5	2
1 (14)**	20	20	50	10	-
2 (17)	19	49	24	4	3
3 (18)	21	56	18	4	1
4 (20)	11	52	30	5	2
9/1	61	29	8	1	-
9/2	33	52	12	2	1
21	-	44	56	-	-
1 ТИ	17	46	37	-	-
2 ТИ	29	50	14	7	-

* Таблица составлена по данным Отчета «Студент 2017» ДОКО СВФУ.

** Предыдущая нумерация корпусов.

Теперь рассмотрим, чем в представлении опрошенных студентов является дом (см. рис. 4). А. Шюц различает понимание «дома» в трех смыслах: дом для того, кто никогда его не покидал; дом – для того, кто вдали от него; дом – возвращающихся в него. Мы имеем второй случай.

Следует отметить, что годы студенчества, если они связаны с выездом из родных мест, широко ассоциируются с реадaptацией вчерашних выпускников общеобразовательных школ к новым условиям. Они психологически в подавля-

ющем большинстве случаев готовы, так как это явление широко известное, распространенное, связанное с образовательной миграцией. Как видим, в представлении о «доме» опрошенных студентов почти равную долю заняли – «родные и близкие люди» и «уют, комфорт». Из концепции дома А. Шюца следует, что в «домашней группе» каждый индивид уверен, что он понимает других, а они – его. Очевидно, эта уверенность и конструирует и делает интерпретацию объектов общей для конкретной «домашней группы», создавая ощущение «уюта, комфорта».

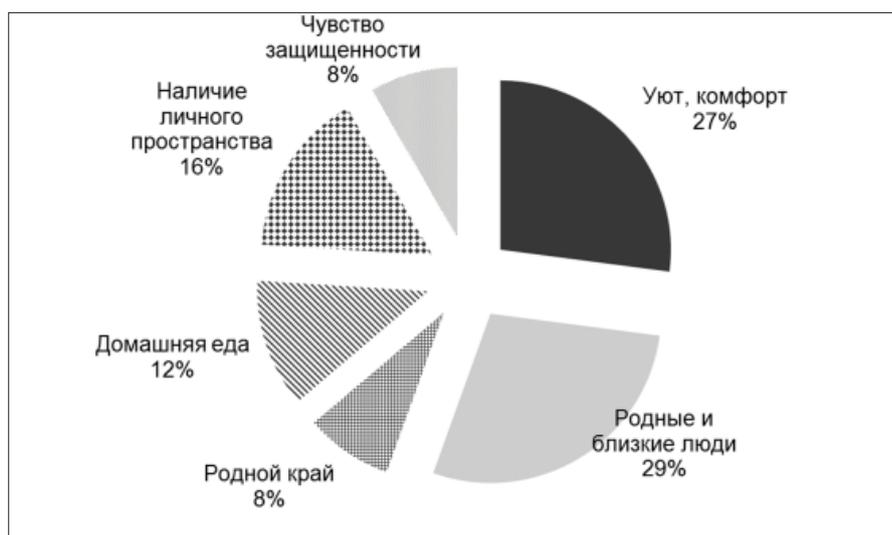

Рис. 4. Представление опрошенных студентов о «доме»

Из данных рис. 5 видно, что большинство опрошенных студентов склонно считать общежитие своим домом. На вопрос, почему вы считаете общежитие своим домом, были получены ответы: «комфортабельность условий»(47,9%); «здесь я почувствовал себя самостоятельным, повзрослевшим»(20,2%); «здесь я приобрел друга/подругу»(17,0%); «общежитские студенты могут друг другу помочь, если появится такая необходимость»(6,4%).

В начальный период адаптации к жизни в общежитии опрошенные студенты отметили:

«было сложно обустроить быт, режим дня и отдыха» (37,3%); «трудности при заселении в общежитие» (27,5%); «трудности в приготовлении еды, соблюдении режима питания в комнате» (15,7%).

На вопрос «комфортно ли проживать с соседями по комнате» положительный ответ дало большинство: «да» (69,0%); каждый четвертый - «скорее да, чем нет»; негативный ответ (6,0%) респондентов. На какие темы обычно общаются респонденты с соседями по комнате: каждый второй «по учебе»; «общаемся на любую тему, у

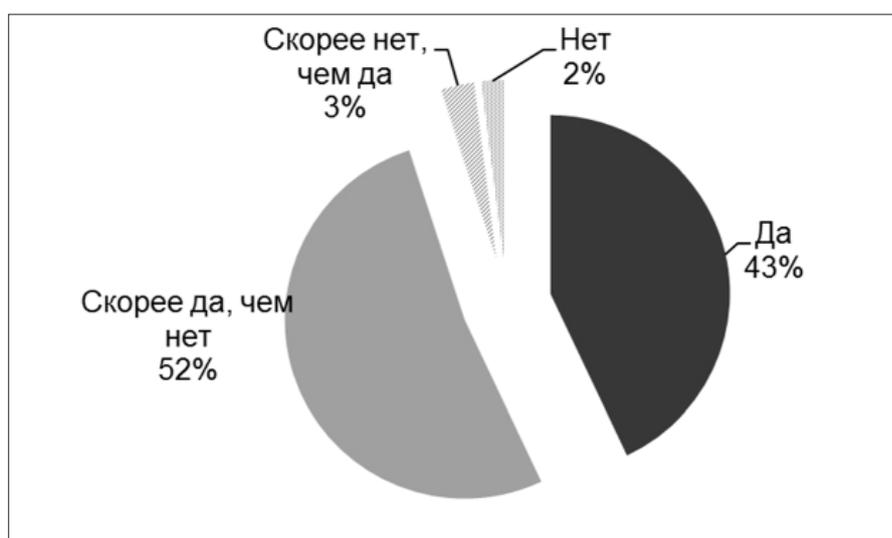

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли общежитие своим домом?»

**Факторная нагрузка для 95% респондентов,
считающих общежитие своим домом, 3 фактора, 18,9% общей вариации**

Вопросы из анкеты	Фактор-1	Фактор-2	Фактор-3
22. В случае экстренной ситуации можете ли Вы обратиться к соседу по комнате за помощью?	.81	.17	-
19. Готовите ли Вы еду совместно с соседями?	.62	-.46	-.11
34. Хотели бы Вы вернуться в улус и работать там?	.61	-.12	.11
33. Сколько лет Вы прожили в общежитии?	-.55	-.37	-.30
20. Удобно ли Вам закупаться продуктами питания в студенческом городке?	.21	.74	-.17
35. Планируете ли Вы продолжить обучение в магистратуре/аспирантуре?	-.22	.65	.22
17. Сколько вас в комнате?	-	-.16	.82
31. Есть ли у Вас возможность заниматься хобби в общежитии?	-	.22	.62

нас есть общие взгляды на конкретные темы, проблемы» (16,0%); «общаемся на повседневные темы о текущих событиях, совместных знакомых» (14,0%); «бывает вместе с соседями просматриваем телепередачи, кино и обсуждаем» (9,0%).

Если задаться вопросом, что мешает респондентам считать общежитие домом: «наличие правил, норм поведения (например, комендантский час)» и «отсутствие личного пространства» (по 21,2%); «хочется питаться как дома, домашней пищи не хватает» (15,2%); «меня не покидает ощущение «временности» нахождения в общежитии» (12,1%).

Для выявления взаимосвязей и различий зафиксированных переменных в анкете и определения ориентировочных измерений был проведен факторный анализ для восьми позиций (вопросов). Анализ использовался для выявления наибольшей нагрузки на то, что опрошенные студенты считали общежитие своим домом. Были выбраны 3 фактора как наиболее значимые, проведенная ротация по методу «модели главных компонент» дала представленную в табл. 2 факторную структуру данных.

Их интерпретация ориентируется на шкалы, нагрузка которых больше, чем «0,6». Наибольшее

число показателей сгруппировалось вокруг фактора-1, назовем его «Тесное взаимоотношение с соседями по комнате», которое способствует формированию ощущения дома у проживающих в общежитии опрошенных студентов. В этом факторе также несет максимальную нагрузку желание «вернуться в улус и работать там». Так, «хотели бы вернуться в улус и работать там» (13%); каждый четвертый респондент «скорее да, чем нет». Определенно не имеют желания вернуться (24,0%); каждый третий «скорее нет, чем да». Число прожитых в общежитии лет несет отрицательную максимальную нагрузку.

Фактор-2, «Перспективы продолжения образования – проживания в общежитии», которые, «обрисовывая будущее», также способствуют формированию ощущения дома. Притом «совместная готовка еды с соседями» несет отрицательную нагрузку, возможно, поэтому удобство расположения продовольственных магазинов имеет в этом факторе максимальную положительную нагрузку. На вопрос «готовите ли еду совместно с соседями» положительно ответили (61%); «нет» (24%); «иногда, редко» (15%). Число прожитых в общежитии лет в этом факторе несет отрицательную нагрузку. Планируют про-

должить образование (46%); «скорее да, чем нет» (36,0%); в целом не планируют продолжить обучение (17,0%) опрошенных студентов.

Фактор-3, по-видимому, от того, сколько совместно проживает опрошенных студентов в комнате, зависит возможность заниматься тем, чем хочется заниматься, т.е. хобби. Конечно, чем меньше проживает в комнате респондентов, тем, безусловно, лучше найти общий язык, наладить дружеские отношения с соседями по комнате, что способствует формированию ощущения дома. На вопрос, «сколько вас в комнате», получены ответы: каждый четвертый ответил «нас двое»; «нас трое» (66,0%) и «нас четверо» 9,0% респондентов. Большинство опрошенных студентов имеют хобби (80%), из них имеют возможность заниматься хобби (49,0%), не имеют возможности заниматься своим хобби (31,0%).

Значит, перспективные планы – «горизонты будущего» респондентов (продолжить/закончить образование (.65); вернуться в улус (.61)) имеют максимальные нагрузки в двух первых факторах.

Обсуждение и выводы

Как было указано выше, это пилотное исследование, которое должно быть продолжено для раскрытия глубинных механизмов формирования представлений и ощущений о доме, когда происходит временной и пространственный «разрыв с домом». А. Шюц, обращаясь к изучению структуры обыденного мышления в мире повседневной жизни, выделил «находящегося вдали от дома». Время проживания в общежитии связано с конкретным жизненным циклом многих и многих, оно приходится на самый активный период жизни человека. Именно сложившиеся в это время связи между индивидами могут сохраняться на долгие годы, влияя затем на другие жизненные сферы. К примеру, они могут влиять на супружеские отношения, карьеру, консолидацию малых/ больших социальных групп и др. Это как раз тот случай, когда можно задаться вопросом, каким образом субъективные значения (смысловые структуры) повседневной жизни становятся объективной фактичностью (реальностью), т. е. как происходит объективация субъективных процессов.

Нами были сформулированы предположения о факторах, которые влияют на формирование ощущения «общежитие – мой дом» у опрошенных студентов: предыдущий опыт проживания без родителей вне родительского дома; многодетная семья; какой по счету ребенок в семье. В целом, подобный опыт способствует формированию навыков налаживания позитивных дружеских контактов со сверстниками, о чем свидетельствуют полученные данные.

В ходе использования факторного анализа было выявлено влияние перспективных планов – «горизонтов будущего» респондентов – (продолжить/закончить образование, вернуться в улус), которые требуют дальнейшего исследования с более детальным измерением независимых и зависимых переменных. Факторы 1 и 2 нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении.

Литература и источник

Дагданова И. Б. Университетский кампус как пространство социального взаимодействия (на примерах современных кампусов зарубежья) // Известия вузов. – 2015. – №1. – С. 127–128

Барабанова С. В., Крайсман Н. В. О праве студентов на общежитие и его административное обеспечение // Высшее образование в России. – 2013. – №12. – С. 125.

Залозная А. А. Коммуникативное взаимодействие соседей по общежитию // Вестник научных конференций. – 2016. – № 1–5 (5). – С. 74.

Отчет о результатах социологического исследования «Студент-2017». – С. 8 [Электронный ресурс] // https://s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/departamentt_quality/omko/anket/ (дата обращения: 04.05.2017)

Сегодня СВФУ. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/o-vuze/> (дата обращения: 25.04.2017).

Целуйко И.А. Студенческое общежитие как пространство развития социальной активности студентов // Сборник научных статей по проблемам высшей школы / под редакцией Н.И. Сысоева. – 2014. – С. 235.

Шюц А. Возвращающийся домой // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 129–137.

D.M. Vinokurova, S.A. Starostina

The dormitory is my home: NEFU students' opinion

There are represented results of first sociological research in the article, which aim is the signification of factors that conduce the formation of representations and perception of 'hostel as a home' by students. The student hostel becomes for students, who came from rural areas and other urban areas by the home during their period of study. This phenomenon has global character; many generations have passed, are passing and will pass through it. Yesterday's graduates from secondary schools adapt there to independent life without parents, relatives and people who are close for them. The life in the family, as a rule, is characterized by the feeling of safety, comfort, trust and etc. And can the student's perception of the hostel be formed at home? What factors can facilitate or hinder this?

Keywords: sociology of everyday life; structures-processes; representations of home; assessment of living conditions; home group; campus; relations with roommates.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.512.157'373.21

С.А. Иванов

Термины определения стран света в якутском языке

Необходимость словесного обозначения стран света возникла у народов с незапамятных времен. Однако у разных народов существовали различные системы словесного обозначения стран света – от цветового до линейно-пространственного. Они прошли длительный и сложный путь исторического развития. Многочисленные опустошительные войны, вынужденные переселенческие движения, пастбищно-промысловая и другая жизненно важная необходимость заставляли древних предков якутов постоянно перекочевывать с места на место и хорошо разбираться в названиях и направлениях пространственной ориентации.

Существующие сегодня якутские названия стран света, похоже, появились в более позднее время (на основе самого якутского языка из тюркского же языкового материала) в результате значительных фонетических видоизменений, лексико-семантических преобразований древнетюркских слов-названий пространственной ориентации. В то же время они в какой-то мере свидетельствуют о начале и направлении древнейшего переселенческого движения и одновременно отражают древнейшие связи и взаимовлияния, традиционно установившиеся обычаи и привычки у различных народов, тюркских и иных племен, в том числе и ураангхай-сахаларов.

Ключевые слова: древние предки якутов, тюркоязычные ареалы, солярная ориентация, геосимволика, страны света, метафорический перенос, линейно-пространственная ориентация.

Термины пространственной ориентации довольно подробно рассмотрены в тюркологии, монголиистике и тунгусо-маньчжуроведении [см.: Кононов, 1978а, с. 72–83; 1978б, с. 159–174; Попов, 1976, с. 86–93; Рассадин, 2007, с. 104–105; Василевич, 1971, с. 223–229; Сем, 1971, с. 230–235 и др.]. Ниже мы попытаемся привести некоторые сведения о названиях стран света из основного словарного фонда якутского языка.

В.Л. Серошевский [1993, с. 198] отметил, что у якутов существуют некоторые странности в названиях частей света, как бы намекающие на

их продолжительное продвижение не только с юга на север, но и с запада на восток. Если придерживаться такого мнения, то, действительно, какая-то часть древних предков якутов начала свое вынужденное переселенческое движение как бы с запада на восток (*арбааттан илин*), предположительно, из Средней Азии, так как:

- во-первых, по мнению ученых, там существовали древнейшие тюркоязычные ареалы [см.: Закиев, 2003, с. 90–99]. А у российского и польского востоковеда В. Котвича [1962, с. 346] мы находим предположение, что «в период господства тюрков в Средней Азии (VI–VII века)

от них, по всей вероятности, оторвались предки современных якутов»;

- во-вторых, в якутских народных сказаниях и исторических преданиях упоминается гидроним *Араат Байабал* или *Араат муора*, а это Аральское море или озеро, что, по представлению якутов, «есть край или подножье земли, под западную сторону которого солнце, закатываясь, скрывается» [Пек., стб. 137]. Вероятно, тогда еще появились обозначения востока словом *илин*, запада – словом *арбаа*.

После длительного проживания древних предков якутов около озера *Байкал** их более подвижная часть также под давлением других племен была вынуждена перекочевать, если исходить из этимологии слов *собуруу* и *хоту*, с какой-то возвышенной местности в более низменную, а потом по реке *Элиэнэ ~ Олуэнэ*** далее на север (*собурууттан хоту*). В это время и стала употребляться геосимволика *собуруу* `юг`, *хоту* `север`.

Вкратце рассмотрим этимологию вышеупомянутых словообозначений стран света – названий, данных по направлению от человека:

Арбаа – первичное значение слова `зад, задняя сторона`, так как оно соответствует др.-тюрк. *arqa* `спина` [ДТС, с. 53] и общетюркскому *arqa* `задняя сторона` [ЭСТЯ, 1974, с. 174]. Впоследствии в результате метафорического переноса слово *арбаа* в речи якутов стало обозначать одну из четырех стран света – *арбаа* `запад`, противоположную востоку, т.е. *илин*.

Древнее значение слова *arqa* `спина`, `задняя сторона` хорошо сохранилось и активно употребляется в северных говорах якутского языка. Такие древние значения слова, как `поддержка, опора`; `множество`, `некоторое количество`, `совокупность`; `толпа, группа` и ряд других значений [см. ЭСТЯ, 1947, с. 174], в якутском языке и его говорах не сохранились.

Илин – первичное значение его должно быть `перед, передняя сторона`, что сохранилось в

речи якутов до сих пор. Данное слово образовалось от древнего *il* `перед, передняя сторона` [ЭСТЯ, 1974, с. 347] при помощи древнего падежного форматива *-in* и стало обозначать одну из четырех стран света – *илин* `восток`, в этом формате оно соответствует др.-тюрк. *il-gäri* `вперед (~ или на восток)` [ДТС, с. 208; ЭСТЯ, 1974, с. 347–348].

Якутские наименования стран света *арбаа* `запад`, *илин* `восток`, по всей вероятности, являются более поздними новообразованиями, но восходящими к названиям древней солярной ориентации по восходящему и нисходящему движениям великого дневного светила. Якуты испокон веков являются солнцепоклонниками, у них издавна существует культ восходящего солнца, поэтому дверь или выход из жилого помещения всегда ориентированы на восток. Как утверждает Л.Л. Викторова, оказывается, такая же картина наблюдалась у древних хуннов, предков тюрков [см.: Викторова, 1980, с. 54]. Кроме того, у якутов «коновязные столбы ставятся перед домом с восточной стороны» [Пек., стб. 2171].

Изучая линейные обозначения стран света у тюрков, академик А.Н. Кононов заключает, что «в современных тюркских языках система древнетюркской ориентации в сторону восходящего солнца полностью сохранилась у якутов и тофаларов» [Кононов, 1978б, с.75], что, по мнению вышеупомянутой Л.Л. Викторовой, также унаследовано от далекой хуннской эпохи [см.: Викторова, 1980, с. 86].

Иную этимологию имеют словесные обозначения стран света *собуруу* `юг`, *хоту* `север`, связанные с определением положения на местности по вертикальной линии верх-низ [Кононов, 1978а, с. 73].

Собуруу `юг, южный` – название соответствует др.-тюрк. *joqaru* `вверх, наверх`; `восток`, `запад`, образованному от *joq* `верх, верхняя сторона` [ЭСТЯ, 1989, с. 213–214]. Как вид-

*Данный гидроним-лимноним, как убедительно доказал С.А. Гурулев [1982, с. 3–193], – слово якутского происхождения, вероятно, образовавшееся от якутского апеллятива *байабал* `большая, глубокая вода` (С.А.) или `обилие, богатство вод` [Пек., стб. 340].

**Данный гидроним-потамоним возник в результате контаминации тунгусо-маньчжурских слов-апеллятивов *ули* `река большая` [ССТМЯ, II, 1977, с. 260] и *йэнэ* `река большая` [ССТМЯ, I, 1975, с. 355], а вариативное употребление *Элиэнэ ~ Олуэнэ*, вероятно, вызвано воздействием губного притяжения, свойственного тунгусскому языку.

но, семантика `юг, южный` или `восток`, `запад` сформировалась в тюркских языках позднее в результате метафорического переноса значений др.-тюрк. *joq* `верх, верхняя сторона` и *joqaru* `вверх`, `наверх`.

Хоту `север`, `северный` соответствует др.-тюрк. *qodi* `вниз, внизу` [ДТС, с. 451]. Якутский адъектив *хотугу* `северный` также идентифицируется с др.-тюрк. *qodiqi* `находящийся внизу` [Там же, с. 452]. Таким образом, геосимволика *хоту* `север`, `северный` возникла в лексиконе якутов позднее также в результате метафорического переноса.

Следует отметить, что в якутском героическом эпосе олонхо встречается традиционный зачин: *Абыс иллээх-саҕалаах, атааннаах-мөнгүөннээх Аан ийэ дойдум...* (букв.: `Восьмисторонняя-восьмигранная с вечными раздорами первоначальная Родина-мать моя`), свидетельствующий о существовании у якутов испокон веков восьми названий стран света: *хоту* `север`, *хотугулуу арҕаа* `северо-запад`, *хотугулуу илин* `северо-восток`; *собуруу* `юг`, *собуруулуу арҕаа* `юго-запад`, *собуруулуу илин* `юго-восток`, кроме того, *арҕаа* `запад`, *илин* `восток`.

В якутских говорах встречаются архаичные глаголы *соҕолоо-* `ехать на юг, направляться (держаться) на юг`, *холлот-* `отправляться на север`, восходящие соответственно к др.-тюрк. *joq* `верх, верхняя сторона` и *qodi* `вниз, внизу`. Вышеупомянутые глаголы *соҕолоо-*, *холлот-* как лексические диалектизмы отмечены в речи ленских, олекминских, кангаласских, намских и, наконец, булунских якутов, т.е. якутов, проживающих в бассейне р. Лена и пользовавшихся до недавнего времени старинными средствами водного транспорта *аал*-ом и *каюк*-ом, соответствующими др.-тюрк. *saal* `плот` [ДТС, с. 482] и *qaju iq ~ qajuiq* `лодка` [Там же, с. 407].

Следы былой линейно-пространственной ориентации обнаруживаются в языке таймырских долган, так как север у них обозначается словом *аллара* `низ, вниз`, `внизу`, а юг – словом *үүһэ* `высота, вершина` [Убрытова, 2011, с. 132–134].

Смутные следы обыкновения определять древними якутами стран света верхом и низом, возможно, сохранились в сказаниях якутов, например, в выражениях *үөһээ дойду* `верхний мир`, где живут добрые божества, т.е. юг (преж-

няя родина якутов), и *аллараа дойду* `нижний мир`, т.е. север, где, по их представлению, обитают недобрые силы, злые духи.

А.Н. Кононов утверждает, что геосимволика у народов появилась в глубокой древности и прошла весьма длительный и сложный путь развития. По его наблюдениям, у древних тюрков для определения стран света использовались, иногда пережиточно используются и поныне, четыре позиции:

«Первая позиция: лицом к восходящему солнцу, т.е. на восток.

Вторая позиция: лицом к полуденной стороне – к тому месту, где солнце в зените (*күн орту*), т.е. на юг.

Третья позиция: лицом к полуночной стороне – к тому месту, где ночь в зените (*түн орту*).

Четвертая позиция: лицом вверх, т.е. определение положения по вертикальной линии верх-низ» [Кононов, 1978а, с. 72–86].

В результате у тюрков появились многочисленные и различные названия стран света [Там же, с. 86–89]. Заслуживает внимания интересное сообщение Л.Л. Викторовой, согласно которому в древнетюркских памятниках Кюльтегина, Тоньюкука, Бильге-хана (VIII в.) ориентировка зачастую дается по углам света *buluḡ* `угол` [см. Викторова, 1980, с. 85]. Действительно, в Древнетюркском словаре [1969] зафиксированы *tört buluḡ* `четыре угла света`, т.е. четыре стороны стран света; *buluḡdaqı* `расположенный в одной из стран света` [Там же, с. 124]. А это связано, как утверждают ученые, с представлением древних предков тюрков о том, что их обитаемый мир имеет форму квадрата [см.: Кызласов, 2008, с. 304]. Возможно, топоним *Булун* в Булунском районе РС(Я) восходит к тому времени и является отголоском древнейшей пространственной ориентации по углам света.

Более древние названия стран света были, по всей вероятности, у орхонских тюрков: *ilgari* означало `вперед (~ на восток)` [ДТС, с. 208]; *qurıyaru* `на запад (~ назад)` [Там же, с. 468]; *bergärü* `на юг`, `к югу` [Там же, с. 95]; *jiryaru* `налево (~ на север)` [Там же, с. 268]. Кроме того, вероятно, употреблялись названия *berijä* `направо`; `на юг` [Там же, с. 95]; *jiraja* `слева (~ на север)` [Там же, с. 268]; *qurıja* `на запад (~ на восток)` [Там же, с. 468]; *öñräki* `находящийся

впереди (~ восточный)´ от *оһ* `перед (~ восток)´ [Там же, с. 385, 387]*.

Предполагается, что до этого у древних тюрков существовала тонко разработанная система цветового обозначения стран света, т.е. цветовая геосимволика, которая, однако, давно вышла из активного употребления и была заменена линейно-пространственной ориентацией [Кононов, 1978а, с. 73; 1978б, с. 160].

В связи с вышесказанным следует отметить, что севернее г. Якутска находится ничем не примечательное озеро *Үрүҥ күөл*, первоначальное значение которого, возможно, было *хоту күөл* `Северное озеро`, а *хара күөл* «Южного озера» нет, так как в районе южнее г. Якутска не существовало и не существует водного водоема, равнозначного «Северному озеру», кроме озера *Сайсары*, около которого жил легендарный предок якутов Дыгын Дархан, а в 1643 г. была построена деревянная крепость, названная потом Якутским острогом [см.: Долгих, 1960, с. 352].

В европейской части Российской Федерации мы находим «Белое море» на севере и «Черное море» – на юге, которые расположены на одном и том же сороковом меридиане к востоку от Гринвича.

Возможно, в приведенных гидронимах кроются какие-то следы давно забытой цветовой геосимволики.

Существующие сегодня якутские названия стран света появились в более позднее время на почве самого якутского языка из тюркского же языкового материала. В языке древних предков якутов названия арбаа, илин возникли в связи с появлением у них солярной ориентации по восходящему и нисходящему Солнцу, а названия *хоту*, *собуруу* – в результате линейно-пространственной ориентации в то время, когда река *Элиэнэ ~ Олуөнэ* и ее бассейн стали единственными естественными путями продвижения и сообщения для освоения богатого летом, но иногда сурового зимою Ленского края, который довольно продолжительное время служил надежным пристанищем от нападений когда-то существовавших враждебных сил с юга.

Таким образом, названия стран света у якутов появились преимущественно самостоятельно

но, так как термины *илин* в значении `восток, восточный`, *арбаа* – `запад, западный`, *хоту* – `север, северный`, *собуруу* – `юг, южный` трудно найти в других родственных тюркских языках, кроме фонетически видоизмененных, семантически преобразованных названий стран света, хотя наши предки придерживались одних и тех же принципов или позиций определения пространственной ориентации, что также было характерно для их прежних и нынешних соседских племен и народов.

В то же время создается впечатление, что якутские названия стран света свидетельствуют о наличии в составе этногенеза якутов двух основных тюркоязычных этнических групп. *Первая* придерживалась солярной ориентации по восходящему и нисходящему Солнцу: *илин* `восток`, т.е. сторона, находящаяся впереди, *арбаа* `запад` – сторона, лежащая сзади, и тогда правая сторона – юг, левая – север; а *вторая* – геосимволики линейно-пространственной ориентации: *үөһэ* `наверху, вверху`, т.е. *собуруу* `юг`; *аллара* `вниз, внизу`, т.е. *хоту* `север`, отсюда правая сторона – запад, левая – восток.

Итак, названия стран света – довольно интересная тема, заслуживающая специального научного изучения.

Литература

Василевич Г.М. Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. – Л.: Изд-во «Наука», 1971.

Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.

Гурулев С.А. Что в имени твоём, Байкал? – Новосибирск: Наука, 1982. – 110 с.

Долгих В.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. – М.: ИНСАН, 2003. – 494 с.

Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник 1974. – М.: Наука, 1978а.

Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. – М.: Наука, 1978б.

*Подробные этимологические справки к вышеприведенным названиям стран света можно найти у А.Н. Кононова [1980, с. 138, 139].

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 256 с.

Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 372 с.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнетюркское обиталище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008. – С. 273–341.

Попов Г.В. О терминах, обозначающих страны света в якутском языке // Якутский филологический сборник. – Якутск, 1976.

Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – Элиста, 2007. – 165 с.

Сем Л.И. К вопросу о пространственных представлениях и способах их выражения в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. – Л.: Изд-во «Наука», 1971.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993. – 735 с.

Убрятова Е.И. Избранные труды: Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. – 283 с.

Сокращения

ДСЯЯ I – Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Пек. – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – М.: АН СССР, 1958.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. – Л.: Наука, 1975. – Т. I: А-Н. – 672 с.; Л.: Наука, 1977. – Т. II: О-Э. – 992 с.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Вост. лит., 1974. – 768 с.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Ж, Й. – М.: Наука, 1989. – 294 с.

S.A. Ivanov

Terms of the definition of the countries of the world in the Yakut language

The need for verbal designation of the countries of the world has arisen among peoples from time immemorial. However, different nations have different systems of verbal designation of the countries of the world - from color to linear-spatial. They passed a long and complex path of historical development. Numerous devastating wars, forced resettlement movements, pasture-fishing and other vital necessity forced the ancient ancestors of the Yakuts to constantly move from place to place and to understand well the names and directions of spatial orientation.

Today, the Yakut names of the countries of the world, it seems to have appeared at a later time (based on the Yakut language from the Turkic language material) as a result of significant phonetic modifications, lexical-semantic transformations of the ancient Turkic words-names of spatial orientation. At the same time, they to some way indicate to the beginning and direction of the oldest migratory movement and simultaneously reflect the oldest connections and mutual influences, traditionally established customs and habits among different peoples, Turkic and other tribes, including the Urangkhai-Sakhalars.

Keywords: ancient ancestors of Yakuts, Turkic-speaking areas, solar orientation, geo-symbolism, countries of the world, metaphoric transfer, linear-spatial orientation.

Л.М. Готовцева

Классификация фразеологических единиц якутского языка (лексико-грамматический подход)

При описании фразеологии разных языков учеными предлагались классификации, основанные на структурных и семантических принципах. На основе опыта изучения фразеологизмов в русистике мы попытаемся провести типологию фразеологических единиц (ФЕ) якутского языка. Классификация фразеологизмов основывается на лексико-грамматической характеристике и синтаксической функции. Такая классификация проводится в якутском языке впервые. ФЕ делятся на субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные, количественные. В свою очередь, данные разряды фразеологизмов делятся на семантико-тематические группы. Субстантивные ФЕ создаются для образной номинации предметов, явлений, лиц, абстрактных понятий; адъективные ФЕ выступают обозначениями разнообразных признаков, качеств, свойств как людей, так и предметов и явлений, отвлеченных понятий, состояний лица; адвербиальные фразеологизмы имеют значение качественной характеристики действия или процесса; глагольные ФЕ обозначают действия и состояния, количественные фразеологизмы обозначают количество лиц или предметов. Данные разряды фразеологизмов, являясь номинативными единицами, называют то или иное явление действительности. Фразеологизмы этих групп по лексико-грамматическому значению и синтаксическим функциям эквивалентны существительным, прилагательным, наречию, глаголу, числительным.

Ключевые слова: якутский язык, фразеология, фразеологическая единица, классификация, структура, семантика, лексико-грамматические разряды, функция.

При описании фразеологии разных языков учеными предлагались классификации, основанные на структурных и семантических принципах. Существуют классификации по их семантической слитности, лексическому составу, структуре, их происхождению, экспрессивно-стилистическим свойствам.

Для создания общей теории устойчивых сочетаний якутского языка необходимо предварительное изучение многих частных вопросов, в том числе и отдельных разрядов фразеологизмов, а именно: субстантивных, адъективных, адвербиальных, глагольных, количественных, – что и предопределило актуальность работы. В предыдущей статье [Готовцева, 2016, с. 76–77] мы уделяли некоторое внимание вопросам типологии ФЕ. Целью настоящей статьи является классификация фразеологизмов якутского языка с учетом лексико-грамматической характеристики и синтаксической функции. Такая классификация проводится в якутском языке впервые. В основу берутся исследования по русской фразеологии. Распределение фразеологизмов по частеречным разрядам касается только тех еди-

ниц, которые выражают не законченную мысль, не суждение, а понятие и, следовательно, могут выполнять функцию одного члена предложения [Эмирова, 2010, с. 4].

Начало лексико-грамматической классификации фразеологического материала было положено «Фразеологическим словарем русского языка» [ФСРЯ, 1967], где на основании совокупности трех показателей (общности значения, наличия одинакового набора грамматических категорий, однотипных отношений со словами в предложении) были выделены шесть лексико-грамматических разрядов фразеологизмов: именные, адъективные, адвербиальные, глагольные, глагольно-пропорциональные и междометные. Однако не все фразеологизмы русского языка укладывались в эту классификацию. Оставшиеся за пределами этих шести разрядов фразеологизмы рассматривались редактором словаря А.И. Молотковым [1985, с. 3] как исключения. Впоследствии оказалось, что эти «исключения», представляя собой вполне самостоятельные лексико-грамматические разряды (неопределенно-количественные, местои-

менные, адвербиально-предикативные, модальные фразеологизмы), просто значимость каждого из трех выработанных критериев для выделения этих лексико-грамматических разрядов не является одинаковой [Хуснутдинов, 1993].

В данной статье фразеологический материал, почерпнутый из лексикографических источников, позволяет выделить в якутском языке следующие типы ФЕ: субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные, количественные.

Субстантивные ФЕ (соотносительные с именами существительными) объединены общим значением предметности и могут составить следующие семантико-тематические группы:

ФЕ, обозначающие лицо: *өлөр атаһым* (доборум) закадычный друг; *халлаан кинитэ* неприспособленный к жизни человек;

ФЕ, обозначающие совокупность лиц: *көмүс ыччат* золотая молодежь; *айыы <хаан> аймаҕа*, *күн <хаан> улууһа* весь народ; доброе племя якутов,

ФЕ, обозначающие имена собирательные: *ус дойду фольк.* все земли, все страны; все миры (Верхний, Средний, Нижний); *дьыл аһа* большой запас продуктов; запас продуктов, еды на зиму;

ФЕ, обозначающие отвлеченные понятия: *сүрэх-быар аалыыта* камень на сердце; *хааннаах андаҕар* твердое, нерушимое клятвенное обещание, *илии кыаҕа* возможность управлять кем-, чем-л., делать что-л., *окко түспүт онгоһуу* судьба, рок; предопределение, *ыт олоҕо* очень тяжелая, невыносимая жизнь (букв. собачья жизнь);

ФЕ, употребляющиеся для обозначения отдельных, единичных предметов: *хара сурук* (кумааҕы) разг. письмо-извещение из действующей армии о гибели кого-л.; *хааннаах баппыыска устар.* суровая, строгая подписка (письменное обязательство);

ФЕ, обозначающие вещества: *аһы уу* водка; вино; алкогольный напиток, *улаан уйгута*, *кэрэ кэһитэ устар.* кумыс;

ФЕ, обозначающие отрезок времени: *былдьаһыктаах кэм* (күн) горячая пора (день), *дьоро кизһэ* веселый, оживленный вечер *по какому-л.* радостному поводу с обильным угощением, *мүөттээх ый калька* медовый месяц;

ФЕ, обозначающие место, пространство: *сир уһуга* край света, *хоро сирэ* (дойдута) страна,

где зимуют птицы; южная страна, *тойук дойду* очень отдаленная местность; местность, до которой долго добираться (ехать);

ФЕ, обозначающие явления природы: *бургунаас <ынах> муоһа булгу тонгор* (барар) тымныыта трескучий мороз, *сири силимниир ардах* осенний дождь перед холодами (букв. склеивающий землю дождь);

ФЕ, обозначающие действие, процесс: *илин былдьаһыы* соперничество, *илиинэн киирсиһии* рукопашный бой, *халлаан сырыыта* напрасная, бесполезная поездка (букв. небесная поездка);

ФЕ, обозначающие состояние, чувство: *сүрэх-быар ыарыыта* душевные переживания, *иккис тыын* второе дыхание;

Субстантивные ФЕ создаются для образной номинации предметов, явлений, лиц, абстрактных понятий, действий, состояний. СФЕ характеризуются наличием у них категорий числа, принадлежности, падежа.

Субстантивные фразеологизмы употребляются в предложении в разных синтаксических функциях: подлежащего, именной части составного сказуемого, дополнения, обстоятельства. *Техника кыратык даҕаны тохтоотобуна... аҕыс айдаан* (букв. восемь скандалов) *тахсар* (И. Никифоров). 'Если останавливается техника, поднимается большой скандал'. *Үгүс ыалга хара суруктар кэлбит сурахтара күн аайы иһиллэ тураллара* (В. Тумарча). 'Каждый день слышны были вести о том, что многие семьи получали похоронки'. *Сүөдэр дьизитигэр муңур ыраахтааҕы* (Амма Аччыгыйа). 'Дома Федор – царь и бог'. *Сир уһугар баран эрэр эбиккин дии* (Н. Босиков). 'Ты собрался, оказывается, на край света'.

Адъективные фразеологические единицы по категориальному значению соотносятся с прилагательными; выступают обозначениями разнообразных признаков, качеств, свойств как людей, так и предметов и явлений, отвлеченных понятий, реже – состояний лица.

ФЕ, качественно характеризующие лицо: *мас акаары* глуп как пробка; *төбөтүн олоруута үчүгэй разг.* шутил. сообразительный и умный, смывленный (букв. голова его хорошо сидит); *көнө сүрэхтээх* честный, искренний (человек), социальное происхождение: *силиһэ-мутуга суох разг.* не имеющий корней; не имеющий родственников, семьи, близких; характеристика человека с точки зрения его материального поло-

жения: *хаһытыыр харчылаах, үөгүлүүр үптээх* очень богатый в финансовом отношении;

ФЕ, обозначающие состояние лица: *өлөр итирик* вдребезги пьяный, мертвецки пьян, физическое состояние лица: *илиитинэн сирдэрбэт* физически сильный; *икки ингирдээх разг.* очень выносливый, выдерживающий большую физическую нагрузку;

ФЕ, обозначающие свойство и качество предмета и веществ: *был курдук* мягкий, вязкий (*на ошупь*), *сэж курдук* легкий как пух, *ням курдук* постный, невкусный (*о еде*); *тон хаһаа* очень холодный, неотопливаемый (*о жилом доме*); *хон курдук* хороший, ладный, складный; *ыпсыыта кыттыбатах* неладный; нескладный;

Они обладают категориями принадлежности (притяжения) и падежа, принимают аффиксы сказуемости, хотя наблюдаются определенные ограничения в парадигматических формах.

Адъективные ФЕ могут употребляться в функциях определения, составного именного сказуемого и подлежащего (при условии субстантивации), обособленного определения. *Мас көнө дьон, ыраас суобастаах, үлэттэн атыны билбэт, мэлдьи абыйах сангалаах буолааччылар* (Хотугу Сулус). ‘Наивно-простодушные люди бывают с чистой совестью, знают, только трудиться, они немногословны’. *Вася сааһа үһэ. Кини илии туппах* (Хотугу Сулус). ‘Васе три годика. Он имеет привычку хватать все, что попало’. *Дьон сүрүбэ халыг* (Амма Аччыгыйа). ‘Люди бессердечны’. [*Марыына:*] *Бии хара дьайдаах барбыт ээ* (А. Софронов). ‘Тот мерзавец-то ушел’.

Адвербиальные фразеологизмы по категориальному значению соотносятся с наречиями; имеют значение качественной характеристики действия или процесса. Адвербиальные фразеологизмы делятся на следующие семантико-тематические группы:

ФЕ, обозначающие время действия: *эрдэ сылла* заблаговременно, заранее, *сыл (дьыл) баһыгар-атабар* очень редко, через большие промежутки времени, *тангараба тиксэр курдук (кэриэтэ)* изредка, от случая к случаю;

ФЕ, обозначающие место действия: *хой баһа* очень далеко, на большом расстоянии *от кого-, чего-л.*, *тэллэх баттаһа (олороллор)* очень близко, рядом, двор о двор (*жить*); *уллунах да устата (халбарыйыма, сыбарыйыма)* ни на шаг (*не сдвинуться*);

ФЕ, обозначающие цель и причину действия: *санаабын соруктанан* для исполнения желания; ради исполнения желания; *сир суох* нет основания (*напр. для обиды*); *кыраттан сылтаан* из-за пустяка, по пустяковому поводу;

ФЕ, обозначающие образ действия: *уот сиирин курдук* очень быстро, интенсивно (*работать*), *төтөлө суох* быстро, без запинки (*напр., говорить, рассказывать*), *айабын мунунан* во весь рот, во весь голос;

ФЕ, обозначающие степень полноты осуществления действия: *аатын билбэт буола (гына)* чрезмерно, непомерно, сверх всякой меры, *баһыттан атабар диэри* с головы до ног, *унуоҕа хамсыар диэри* до крайней степени (*радоваться, испугаться и т.п.*).

Поскольку адвербиальные фразеологизмы являются неизменяемыми единицами, они не связаны с какими-либо грамматическими категориями и имеют нулевую грамматическую парадигму. Выступают в предложении в качестве различных обстоятельств. *Күнүс олорбокко, түүн утуйбакка үлэлээн... син сүөһүлэнэн, ыал буолан баартара* (Эрилик Эристиин). ‘Работали без отдыха, не покладая рук, обзавелись хозяйством, встали на ноги’ (*букв. днем, не присев, ночью, не спав*). *Кини бэлэһин муңунан хаһытаабыта* (И. Федосеев). ‘Он кричал во весь голос’. *Саастарын тухары ... өрүү өйөһөн, ... эйэ дэмнээхтик олоруттара* (Б.Боотур). ‘Всю жизнь жили они душа в душу, поддерживая друг друга’.

Самую большую в количественном отношении семантико-грамматическую группу образуют глагольные фразеологические единицы. Они обозначают действия и состояния. Обилие и многообразие глагольных ФЕ осложняют распределение по семантико-тематическим группам и затрудняют их полный охват. Рассмотрим лишь основные, наиболее существенные группы.

ФЕ, обозначающие эмоциональное состояние: *унуоҕа халыр босхо барда* поджилки трясутся у кого-л. (*букв. кости его затряслись*), *киңэ киирбит* быть злым, гневаться (*букв. гнев его вошел*), *күнэ хараарда* попадать в крайне критическое положение; *сири-буору кымыстаа (кымаахтаа)* чувствовать себя неловко, неуверенно (*от застенчивости, со стыда*);

ФЕ, обозначающие особенности поведения человека: *кымаардаан да көрбөт* и ухом не ве-

дет, *солуурчабын абырахтыыр* бесовестно врать, рассказывать небылицы, *сирэйин-харабын манаа (манас)* действовать с опаской, сверяя свои поступки с мнением другого (*напр., с оглядкой на начальство*);

ФЕ, обозначающие движение, действие, передвижение: *аан дойдуну хастаа* обходить, объезжать большую территорию, *хатыс ууннар* бежать, что есть силы; мчаться, ехать что есть духу, *орох тэй* много и постоянно ходить по одному и тому же маршруту;

ФЕ со значением физического воздействия на кого-либо или что-либо: *иэнин хастаа (тарт, саралаа)* спустить шкуру с кого-л., *сири-буору харбат* победить, взять верх (*букв. заставить хватать землю*), *тоһун биэр* жестоко побить, поколотить кого-л., *илиштин көтөхнүт* ударить, побить кого-л.;

ФЕ, обозначающие изменение физического состояния: *хараба эрэ хаалбыт* сильно худеть, тощать (*о большеглазом человеке*), *бырда быстыбыт* иссякать, истощаться; выбиваться из сил;

ФЕ, обозначающие жесты, мимику: *харабынан оонньуур* играть глазами, *сирэйэ холлубут* иметь измученный, убитый вид, измениться в лице (*от сильной боли или от горя*), *сирэйэ-хараба алдьанар* меняться, искажаться (*о выражении лица*), *издэс биэр* выражать недовольство кем-л., отворачивая лицо;

ФЕ, обозначающие речевую деятельность: *сангатыттан маньыт* лишиться дара речи, стать молчаливым, *тылынан быластанар разг.* говорить безответственно; давать волю языку.

ФЕ, обозначающие интеллектуальную деятельность: *мэйишгэр хатаа разг.* хорошенько запоминать что-л.; мотать себе на ус (*букв. запирает в своем мозгу*); *долобойгор тохтот* слушать внимательно; зарубить себе на носу (*букв. остановить в голове*);

ФЕ, обозначающие трудовую деятельность: *илишгин араарбакка үлэлээ* работать упорно, не покладая рук, *илишгин харалаа* приобщиться в некоторой степени к физическому труду, *көлөһүнэ тобунна* семь потов сошло с кого-л.;

ФЕ, обозначающие различные стороны социально-бытовой жизни: *уһун буруону унаарыт* жить богато, счастливо (*букв. протягивать длинный дым*); *ыал устун бар* пойти по миру; нищенствовать; *сонун тэллэбэ кылгаабыт* беднеть, оскудевать, разоряться;

ФЕ, обозначающие межличностные отношения: *кутун туттарда* не чаять души в ком-л., *дьон санаатын тут* нравиться, располагать к себе кем-л., *таалын тап* нравиться кому-л., *хааннаах ыт курдук көр* люто ненавидеть кого-л.;

ФЕ, обозначающие конец жизни человека: *ол дойдуга барда* отправляться на тот свет, *өнкөөтүн өнөйбүт кэпс.* смотреть в могилу (*о старом человеке, доживающем свой век*), *күн сириттэн сүттэ* уйти из жизни, покинуть землю, *имниин эһиннэ* бесследно исчезнуть, погибнуть.

Данные ФЕ выполняют функции глагольного сказуемого и обладают категориями времени, лица, числа, залога, наклонения (см. об этом [А.Г. Нелунов, 1981, 89 – 96]).

Количественные фразеологизмы обозначают количество лиц или предметов; отличаются от числительных тем, что не способны обозначать «чистое» количество, хотя имеют тождественное с ними категориальное значение.

ФЕ, обозначающие большое количество кого-либо или чего-либо: *аал абалбытын курдук* будто доставило судно (*о чем-л. в большом количестве, внезапно появляющемся*), *ыам балыгын курдук* чрезмерно много, тьма-тьмушая, *ахсаана биллибэт (ахсаана суох)* очень много, безгранично много; бесчисленное, бессчетное (*букв.: невозможно сосчитать, без счета*);

ФЕ, обозначающие малое количество чего-либо: *баара эрэ* всего лишь, *билбитим эрэ, туппунум эрэ, көрбүтүм эрэ* все, что удалось поймать, удержать, узнать, при этом репрезентируют пренебрежение, высокомерие, усмешку, досаду посредством частицы *эрэ* ‘только’, *санаа курдук* ничтожно мало (*букв. как мысль*), *баара-суоҕа* всего лишь;

ФЕ, обозначающие единичность: *баар суох* единственный, потому очень дорогой и любимый (*букв. есть нет*), *күннэ көрбүтүм* мой любимый, моя отрада, *күнүм-ыйым* солнце мое, которые образно выражают значение абсолютной единичности любимого человека, ребенка.

ФЕ, указывающие на полное отсутствие определенных предметов и явлений: *быта да суох* у него ничего нет, *сыта да суох* нет и в помине; ничего не осталось, *сураба да суох* полностью отсутствует, не существует.

Количественные ФЕ могут выполнять в предложении функцию определения, сказуемого:

Мин баар суох оҕобун кимиэхэ да биэрбэппин (Хотугу Сулус). 'Никому не отдам **единственного** ребенка'. *Харааннаабы ыам бырдабын курдук* *Үгүс дьон мустубут* 'Собралось множество народа, словно комары в беззвездную ночь' (Хотугу Сулус). *Ол киһи туохтаах буолуой, быта да суох ини.* 'У него ничего нет, даже вшей' (Хотугу Сулус).

Опираясь на опыт фразеологов-русистов, мы провели типологию фразеологизмов якутского языка. В данную классификацию вошли ФЕ, которые более или менее четко соотносятся с частями речи. Естественно, за пределами данной классификации остаются различные по форме и значению фразеологизмы. Это, например, междометные и модальные ФЕ. Рассмотрение фразеологизмов с точки зрения их связи с ситуацией общения позволяет обнаружить еще одно изменение классификации, не учтенное в традиционных описаниях [Баранов, Добровольский, 2008, с. 78]. Типология фразеологизмов по ситуации общения – предмет следующего этапа исследования. В целом, следует сказать, что классификация ФЕ якутского языка поможет исследователям определить место ФЕ в составе

других устойчивых словесных комплексов и в общей системе языка.

Литература

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

Готовцева Л.М. Взгляд на природу фразеологических единиц якутского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 1. – С.74 – 84.

Нелунов А.Г. Глагольная фразеология якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – С.96 – 97.

Молотков А.И. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики фразеологических единиц русского языка // Русское языкознание. – Киев, 1985. №. 9. – С. 3 – 9.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1967. – 543 с.

Хуснутдинов А.А. Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка: Учебное пособие. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1993. – С. 63.

Эмирова А. М. Основные понятия крымско-татарской фразеологии // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Филологические науки. – Вып. 21. – Симферополь, 2010. – С. 26–33.

L.M. Gotovtseva

Lexical and grammatical characteristics of phraseological units of the Yakut language

In describing the phraseology of different languages, scientists proposed classifications based on structural and semantic principles. Based on the experience of studying phraseology in Russian philology, we will try to conduct a typology of phraseological units of the Yakut language. The classification of idioms is based on the lexico-grammatical characteristic and syntactic function. This classification is performed in the Yakut language for the first time. Phraseological units are divided into substantive, adjective, adverbial, verbal, quantitative. In turn, these ranks of phraseological units are divided into semantic-thematic groups. Substantive phraseological units are created for a figurative nomination of objects, phenomena, persons, abstract concepts; Adjective phraseological units are the designations of various features, qualities, properties of both people and objects and phenomena, abstract concepts, states of the person; Adverbial phraseological units have the value of a qualitative characteristic of the action or process; Verbal phraseological units denote actions and states, quantitative phraseological units denote the number of persons or objects. These categories of phraseological units, being nominative units, call this or that phenomenon of reality. The phraseological units of these groups in terms of lexical and grammatical meaning and syntactic functions are equivalent to the noun, adjective, adverb, verb, numerals.

Keywords: Yakut language, phraseology, phraseological unit, classification, structure, semantics, lexical and grammatical categories, function.

В.И. Харабаева

Выражение персональности в сложноподчиненном предложении якутского языка (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири)*

Рассматривается выражение персональности в зависимой предикативной единице (ЗПЕ) сложноподчиненного предложения (СПП) якутского языка в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. В якутском и тувинском языках в роли зависимого сказуемого личное предикативное склонение причастий выступает регулярно, в хакасском языке данное явление наблюдается не во всех видах СПП. В отличие от тувинского и хакасского языков, деепричастия якутского языка в зависимой части полипредикативных конструкций (ППК) спрягаются по лицам обязательно. Тувинский язык отличается разнообразием типов личного спряжения в зависимой части синтетико-аналитических ППК. Общим для всех трех языков оказалась структура подлежащих СПП, где субъект ЗПЕ выражается формой причастия с притяжательными аффиксами.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный аспект, якутский язык, тувинский язык, хакасский язык, личные показатели, предикативное склонение причастий, личное спряжение деепричастий, сложноподчиненное предложение, зависимая предикативная единица, полипредикативная конструкция.

Сложноподчиненное предложение в якутском языке, как и в других тюркских языках, представляет собой своеобразную систему с синтетическими, синтетико-аналитическими и аналитическими средствами выражения связи и отношений их предикативных единиц. Зависимая часть СПП сочетается с главной частью способами, которые оформляют подчинительные словосочетания (примыкание, управление, изафет, согласование).

Выражение субъекта зависимой предикативной единицы сложноподчиненных предложений якутского языка связано с личным оформлением неконечного сказуемого и со своеобразием падежного оформления. В роли ЗПЕ большинства синтетических моно- и полисубъектных полипредикативных конструкций якутского языка выступают предикативное склонение причастий и деепричастия.

Предикативным склонением является «склонение предикативного словосочетания, сказуемое в котором обозначает признак, состояние, свойство субъекта, а также выраженное словом, способным передать отношение субъекта к данному явлению» [Филиппов, 1999, с. 36]. Предикативное склонение причастий имеет два вида: безличный и личный. В якутском языке редко встречаются предикаты зависимой части ППК в форме безличного склонения: *Истэн үөрүүбү, этэ охсун* (ВО КХ, 31) 'Быстро скажите (мне), обрадуйте (букв.: 'Услышав, обрадоваться, скажите быстро)'; *Таһырдыа туруохтааҕар, дьиэбэ кишинг* 'Чем стоять на улице, войдите в дом'. В остальных случаях сказуемое зависимого предложения в якутском языке согласуется в лице со своим подлежащим, падежные аффиксы, выражающие синтаксические отношения к главному предложению, имеют форму лично-притяжательного склонения.

В якутском языке субъект данных ЗПЕ выражается аффиксами принадлежности на *-м, -н, -а/-та, -быт, -быт, -лара*. Что касается происхождения личного предикативного склонения, то Г.Г. Филиппов [Там же, с. 37] полагает, что оно образовалось «от местоименного склонения, так как личное склонение есть склонение заместителя предикативного словосочетания указательного местоимения».

Личное предикативное склонение причастий определяет зависимое действие: а) при моно-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Саха (Якутия) в рамках научного проекта № 16-14-14004.

субъектных полипредикативных предложениях: *Үһүс этээскэ хайдах тахсыбыппын бэйэм да өйдөөбөтүм* (ДС ААА, 163) 'Я сама не поняла, как поднялась на третий этаж'; б) при разно(поли) субъектных полипредикативных предложениях: *Кыыһа кэлиэбиттэн, Аграфена да, балта да сүттүлэр* (Н ДьАА, 92) 'После прихода дочери ни Аграфена, ни сестра не дали о себе знать'; *Бу Манган Макаар туһунан табаарыстара кэпсээ-биттэрин тиэрдэбин* (КК, 36) 'Это я передаю то, что о Белом Макаре рассказали его друзья'; *Оптубуска кинини: «Андрей!», – диэн ыныр-быттарыгар эргиллэ түһээт, сааһырбыт дьахтар мичээрдиш турарын көрдө* (ЕН ЭК уо Дь, 181) 'Когда его окликнули в автобусе: «Андрей!», – он оглянулся и увидел, как стоит и улыбается женщина в годах'.

В тувинском языке, как и в якутском языке, предикат зависимой части в обстоятельственных ППК всегда имеет личное оформление: аффиксы в 1-м и 2-м лице, а в 3-м лице, как правило, нулевой показатель [Шамина, 2001, с. 17]. Показателями лица при предикативном склонении причастий тувинского языка выступают следующие аффиксы: ед. число: -м (1-е л.), -н (2-е л.), -Ø (3-е л.); мн. ч.: -выс (1-е л.), -нар (2-е л.), -лар (3-е л.). В данных формах зависимое сказуемое спрягается «подобно тому, как спрягается финитная форма прошедшего времени на -ды, в парадигме которой 3-е лицо не имеет личного показателя» [Там же, с. 19]. Прошедшее категорическое время – единственная в тувинском языке форма изъявительного наклонения, где спряжение производится не аналитически, а синтетически [Исхаков, Пальмбаха, 1961, с. 365]. Ср.: 1-е л. ед. числа *кел-ди-м* 'я пришел' (финитная форма), *кел-ген-им-де* 'когда я пришел' (зависимое сказуемое); 2-е л. ед. числа *кел-ди-н* 'ты пришел' (финитная форма), *кел-ген-ин-де* 'когда ты пришел' (зависимое сказуемое); 3-е л. ед. числа *кел-ди-Ø* 'он пришел' (финитная форма), *кел-ген-Ø-де* 'когда он пришел' (зависимое сказуемое) и т.д.

Почти все причастно-падежные конструкции темпоральной семантики тувинского языка имеют парадигму лично-финитного типа [Шамина, 2001, с. 22]: *Сарыг-Сеп чорумда, Бора-Хопуй суглар уруун биске атылдадыт көрдээн*

чуве ийин (СТ, 47) 'Когда я была в Сарыг-Сепе, Прокопий говорил, давай дочь твою к нам на работу'; *Дуу мээн таалыгымны үнеринде ап алыр сен, – деп менгээ сымыранды* (СС, А, 210) '«Возьмешь мою сумку, когда будешь выходить», – прошептал мне'; *Доргунек арыынын ылжынын бүрүзү четчип саглайбаанда, адашкыларнын өглери барааннажып көстү бээр турган* (КК, I, 36); 'Отец с детьми наблюдали, пока не появятся листья на деревьях в лесу Доргунека'; *Мен болааптарымгала, кодан мангнап чоруйбарган* 'Как только я выстрелил, заяц убежал'* [Шамина, 2001].

Кроме конструкций темпоральной семантики, лично-финитное оформление получают ППК причинные, сравнительно-сопоставительные и признака: *Сен дүрген кылаштап чораанындан мен сенгээ четпейн бардым* 'Оттого, что ты шел очень быстро, я не смог тебя догнать'; *Оон келирин манаарындан боду чорааны дээрэ* 'Чем ждать того, что он вернется, лучше самому поехать'; *Истернин аажок ханы болганындан ол кижжи аар чүьктүг чораандыр дээрзин даап билип кагдым* 'По тому, какие были глубокие следы, я догадался, что человек нес тяжелый груз'.

В моносубъектных ППК тувинского языка причастные формы и формы косвенных наклонений условного -са и предельного -гыже, выступая в качестве предикатов зависимой части, также получают показатели лица, которые соответствуют субъекту главного действия [Там же, с. 20]: *Көдээге чурттап турувуста, бола ангнаар турган бис* 'Когда мы жили в деревне, мы часто ходили на охоту'. В отличие от якутского языка, в тувинском языке возможны моносубъектные конструкции, в которых у ЗПЕ – нулевой личный показатель, что выражает факт моносубъектности. Напр.: *Кремльче кир-ер-Ø-де, Кызыл шөлдү тавартыр кирген бис* 'Когда мы шли в Кремль, мы прошли через Красную площадь'.

В хакасском языке субъект зависимого предложения выражается аффиксами лица второго типа (сокращенными), которые прикрепляются к причастию или глаголу: при ед. числе 1-е л. -м, 2-е л. -н, 3-е л. -Ø; при мн. числе 1-е л. -быс/-бис, -ныс/-нис; 2-е л. -ынар /-инер, -нар/-нер, 3-е л. -лар/-лер, -тар/-тер [Грамматика хакасского

*Здесь и далее примеры предложений тувинского языка взяты из книги Л.А. Шамина [2001].

языка, 1975, с. 187]. Примеры: *Мин хайдан суга кїрем, син аннагох кирерзїн* (фольк.) * 'В каком месте я войду в реку, ты в то же место войдешь'; *Мыннанг мындар парчатсабыс, хуу чазынын ортызында тигїрге читїре өскен тыт турча* (фольк.) 'Когда мы ехали отсюда туда, то среди степи стояла высоченная лиственница' (придаточное предложение места); *Сынап син аннан хорыхчатсан, ол сагаа учурир, – тидїрлер абаданар* 'И если ты будешь бояться его, он тебе встретится, – говорят про медведя'; *Халын тайгаа кїрзем, анда мин полбастар* 'Если в глухую тайгу войду, со мной ничего не смогут сделать' (придаточное условное предложение) и т.д.

При моносубъектных ППК хакасского языка сказуемое придаточного предложения также может оформляться показателями лица: *Абаданг хорыхсан, тайгаа даа пар полбассын* 'Если будешь медведя бояться – в тайгу не сможешь ходить'.

Сказуемое придаточного предложения в хакасском языке не всегда может спрягаться по лицам, так как придаточное предложение в основном связывается с главным предложением при помощи союзных слов. В качестве союзных слов употребляются вопросительно-местоименные относительные слова *кем, ниме, хайзы, хайдаг, андаг, аннаг, хайда, хачан* и др. послелогов и послеложных слов *ўчўн, чїли, сай, неер, соонда* и т.д. [Там же, с. 403–406]. Действующее лицо выражается именем в основном падеже, выступающим в функции подлежащего.

Таким образом, ЗПЕ не оформляется аффиксами лица, например, в следующих придаточных предложениях: 1) в придаточном предложении образа действия, которое связывается с главным предложением обычно посредством союзных слов *хайди* 'как', *хайдаг ондайна* 'каким образом': *Сїрер хайдї кўзиткезер, мин їдбк нас салдым* 'Как вы показывали, так я и написал'; 2) в придаточном уступительном предложении, соединяющемся с главным предложением посредством аффиксов и служебных слов (частиц) *-са даа, -за даа*: *Сїрер, нанчылар, хайди даа одырзар, музыканттар пол полбассар* (И. Крылов) 'А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь' и т.д. Также в хакас-

ском языке предикат не оформляется лично в придаточных предложениях со значением времени, где сказуемое употребляется в форме причастия прошедшего времени с аффиксом местного падежа [Там же, с. 404]: *Хачан Тоеннан Эпсе чўзўртїс кїлгеннерїнде, Серген ай сагбазы халбаан* 'Когда Эпсе и Тоеном прискакали, то Сергея и след простыл'; *Хачан прайлары пїр чїрге чыылглаанда, командир чахыг пїрген* 'Когда все собрались в одно место, командир дал поручение'.

В синтетико-аналитических ППК зависимая часть замыкается послелогоми, реже – частицами. Замыкающие компоненты представляют собой предикативно-соотносительный член (ПСЧ) полипредикативной конструкции [Ефремов, 1998, с. 34]. В якутском языке в конструкциях с послелогоми показатели лица принимают причастия, при этом послелог не оформляется лично: *Мин эйїгин, ўлээннээхпїн сўбўлўўрўм туһуттан итинник этэбїн* (НЯ АК, 49) 'Это я тебя, своего сверстника, я называю так потому, что ты мне нравишься'; *Кїни барбытын кэннэ, сотору сўбуһунан обонньор от тїэйэн кэллэ* (АА СК, 107) 'После того, как он ушел, вскоре старик привез сено'.

В тувинском языке в синтетико-аналитических ППК сказуемое ЗПЕ также оформляется обязательными показателями грамматического лица, материально тождественными с посессивными аффиксами: *Ынча дээнимнїн соонда, бїстерже изиг суг чашкан чўве дег, чадырнын бїр чарыынче халынжа берян бїс* (СТ, 44). 'После того, как я сказал (букв.: сказывания моего+после него), нас словно ошпарили, в другой угол юрты отскочили мы'. Показателем грамматического лица оформляется либо причастный компонент, либо служебное имя. Например: *алгырыптарым орта* 'как только я закричал' (-ым при причастном предикате – показатель 1-го лица); *келген-Ө соомда* 'после того, как я пришел' (-м при служебном имени – показатель 1-го лица). Оформление аффиксом лица причастного компонента имеет лично-финитный тип спряжения. Есть еще другой вариант при оформлении личным аффиксом служебного имени сказуемого ЗПЕ, когда причастие

*Здесь и далее примеры предложений хакасского языка взяты из книги «Грамматика хакасского языка» [1975].

получает оформление аффиксами 1-го и 2-го лица, а служебное имя имеет показатель 3-го лица: *кел-ир-им мурн-у-н-да* 'прежде чем я приду' [Шамина, 2001, с. 20–25].

Заслуживает внимания тот факт, что в тувинском языке существует еще один тип спряжения, который противопоставляется другим типам спряжения. Это наличие / отсутствие в парадигме спряжения притяжательного аффикса 3-го лица *-и* / *-ы*. Парадигму спряжения данного типа последовательно реализует одна временная конструкция с послелогом *билек*: *кел-ер-им билек* 'как только я приду', *кел-ер-инг билек* 'как только ты придешь', *кел-ер-и билек* 'как только он придет'. Также единичные случаи оформления в 3-м лице по притяжательному типу спряжения отмечены с послелогам *бээр* и *чедир* [Там же, с. 21–22].

Предикативные члены со значением субъекта, т.е. зависимые предикативные единицы, которые в составе ППК выступают в роли подлежащего по отношению к сказуемому главной части, во всех трех языках имеют одинаковую форму – причастие с притяжательными аффиксами. Аффикс принадлежности, помимо того, что выражает лицо производителя действия в зависимой части сложноподчиненного предложения, одновременно выступает способом связи зависимого и главного предложений. Ср. як.: *Бааска аахныта, билбитэ, анаарбыта, түһэбитэ кытта туһаҕа тахсара чугаһаата* (В ӨТК, 79) 'То что прочитал, разузнал, постигал суть Вася, даже то, что приснилось ему, скоро пойдет на пользу'; *Билигин дьон тэнгинэн үлэли-хамсыы сылдыра ийэ сурэбин үөрдэр эрэ* (К, 10) 'То, что он сейчас работает наравне со всеми, только радует сердце матери'; тув.: *Аалчыларнын кээп турары эки* 'Гости приходят, (то) хорошо', *Чаһс дамдыларынын дүжүп турары тода дынгалып тур* 'Было ясно слышно (то), как падают капли дождя'; хакас.: *Кемненер чоохтасхабыс, чыылыгда ол чох полган* 'О ком мы вели разговор, того на собрании не было'.

Данные типы предложений противопоставляются другим типам сложных предложений также и по смыслу. Л.А. Шамина [2001, с. 36] называет такие предложения изъяснительными, поскольку их главная и придаточная части связаны изъяснительными отношениями. Говоря о

содержательной специфике изъяснительных отношений, автор отмечает, что «главная часть выражает какую-либо психическую операцию – восприятие, мысль, чувство, эмоциональное отношение или оценку, направленную на событие действительности, представленное зависимой, придаточной частью».

В системе зависимой предикации также активно используются деепричастные формы. Они могут формировать моносубъектные и разносубъектные полипредикативные конструкции.

Якутские деепричастия в роли ЗПЕ могут спрягаться с помощью лично-предикативных показателей 1-го типа – аффиксов сказуемости (1-е л. ед. числа *-бын*, 2-е л. ед. числа *-бын*, 3-е л. *-Ө*; 1-е л. мн. числа *-быт*, 2-е л. мн. числа *-быт*, 3-е л. мн. числа *-лар*). Аффиксы сказуемости принимают деепричастия на *-ан*, *-а*, *-бакка*, *-ымына*, *-аары* (*-ымаары*). Аффиксами лица никогда не оформляются только деепричастия на *-бычча* и *-бытынан*, являющиеся вторичными деепричастными формами.

В моносубъектных полипредикативных предложениях деепричастные формы могут оформляться личным аффиксом факультативно: *Мин үлэбэр олороммун, эмискэ ийэбин саныы биэрэн эрийдим* (ДС ААА, 182) 'Сидя на работе, вдруг подумала о матери и позвонила ей'. В большинстве случаев деепричастная форма в таких предложениях не обременяется аффиксом лица. Определенность лица производителя действия, выраженного финитной формой глагола в главной части моносубъектных полипредикативных предложений, делает излишним оформление лица субъекта ЗПЕ с деепричастным предикатом. Ср.: *Маҕаһыынна тахсан килиэп ыллым; Маҕаһыынна тахсаммын килиэп ыллым* 'Выйдя в магазин, я купил хлеба'. Предпочтительно использование аффиксов лица в усилительной функции, когда говорящий хочет особо подчеркнуть действие, выраженное в форме деепричастия: *Бүөтүр «күөгүбэр хантаран» эрэрин өйдөөммүн, кимэн киирэбин* (КК, 46) 'Сообразив, что Петр «попадает на мою удочку», я наступаю'.

При полисубъектных полипредикативных предложениях якутского языка аффиксы сказуемости обязательно прикрепляются к деепричастию: *Эн кэлэнгин, ооннуубут табыста* 'Ты пришел, поэтому игра наша пошла хорошо'; *Кэ-*

лэр суолун учугэйдик *быһаарбаккабын*, уол мунан хаалбыт 'Из-за того, что я не очень хорошо объяснила путь, по которому он должен придти, парень заблудился'.

Подчеркивая способность якутских деепричастий принимать личное оформление как специфику якутского языка (по сравнению с другими тюркскими языками), Е.И. Убрятова [2006, с. 317] предположила возможное влияние в этом плане на якутский язык эвенкийского языка, а также, что данное явление «развивалось в якутском языке в связи с общей перестройкой сложного предложения в направлении развития согласования в лице подлежащего и сказуемого зависимого предложения».

В тувинском и хакасском языках деепричастия, выступающие в роли предикатов в зависимом предложении, традиционно личных аффиксов не принимают. Но они также могут формировать собственный предикативный узел и при разносубъектных конструкциях иметь собственный субъект, определенный подлежащим. Например, в тувинском языке: *Хем улгады-п, чорук кылдынмастаан* 'Река разлилась, трудно стало по делам ездить'; *Мен бодалдарымгы хейделе ыят-каш, нп чоруй бардым* (СТ, 100) 'Я, устыдившись своих мыслей, вышел (на улицу)'.

Итак, из исследуемых языков в якутском и тувинском языках ЗПЕ в форме предикативного склонения причастий спрягается в разносубъектных предложениях по лицам регулярно. В отличие от якутского, в тувинском языке при моносубъектных ППК сказуемое зависимой части может не спрягаться по лицам. Отличительной чертой хакасского языка оказалось то, что в данном языке ЗПЕ не во всех видах СПП имеет показатели лица. Спряжение деепричастий в зависимой части якутских ППК представляет собой одну из ярких особенностей синтаксиса якутского языка, которая может представлять интерес для сопоставительного и типологического анализа тюркских и других сибирских языков.

Литература

Грамматика хакасского языка / под. ред. Н.А. Баскакова. – М.: Наука, 1975. – 420 с.

Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 193 с.

Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 472 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2006. – 603 с.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Якутск, 1999. – 51 с.

Шамина Л.А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 249 с.

Сокращения

АА СК – Амма Аччыгыя. Сааскы кэм. – Дьокуускай, 1952. – 698 с.

В ОТК – Венера. Өлүү толоонун кистэлэнэ. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 192 с.

ВО КХ – Василий Ойуурскай. Кэлгилээх холбука. – Дьокуускай, 1982. – 70 с.

ДС ААА – Даана Сард. Ааспыт ааспат амтана. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 192 с.

ЕН ЭК уо ДЬ – Неймохов Е.П. Эр киһи уонна дыахтар. – Дьокуускай: Бичик, 2010. – 384 с.

К – Күрүлгэн: уус уран альманах (Ежеквартальный литературно-публицистический альманах). – Якутск. – На якут. яз.

КК – Көрдөөх кэпсээннэр: хомуурунньук. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 192 с.

КК – I. – Э. Кудагы. Уйгу Чок Улуг-Хем. – Кызыл, 1981. – Т. 1.

Н ДьАА – Намылы. Дьахтар абылыыр айылгыта. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 144 с.

НЯ АК – Николай Якутскай. Алмааны көрдөөччүлэр. – Дьокуускай, 1966.

СС А – С. Сарыг-оол. Аныр-оолдун тоожузу. – Кызыл, 1978.

СТ – С. Тока. Аратты сөзү. – Кызыл, 1967.

Expression of personality in the complex sentence of the Yakut language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)

In this article examines the expression of personality in the dependent predicative unit of the complex sentence of the Yakut language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia. In the Yakut and Tuvinian languages in the role of the dependent predicate personal predicative declension of participles appear regularly, in the Khakassian language this phenomenon is observed not in all types of complex sentences. Unlike Tuvinian and Khakassian languages, gerunds of the Yakut language in the dependent part of the polypredicative constructions are conjugated by persons necessarily. Tuvinian language is distinguished by a variety of types of personal conjugation in the dependent part of synthetic-analytical polypredicative constructions. Common to all three languages was the structure of subject complex sentences, where the subject of the dependent predicative unit is expressed by the form of participle with possessive affixes.

Keywords: comparative aspect, the Yakut language, the Tuvinian language, the Khakassian language, personal indicators, predicative declension of participles, personal conjugation of gerunds, complex sentence, dependent predicative unit, polypredicative construction.

УДК 811.554:81'28

А.Е. Прокопьева

Морфологические типы и грамматические функции причастий тундренного диалекта юкагирского языка

Статья посвящена описанию образования и грамматических функций одной из малоисследованных форм глагола тундренного диалекта юкагирского языка – причастия. Причастия тундренного диалекта рассматривались такими исследователями, как Е.А. Крейнович, Г.Н. Курилов. На основании обзора особенностей образования и функционирования причастий в тундренном диалекте можно выделить шесть причастных форм на =л, =йэ (=й), =чэ, =дьэ, эл +V =сьоон (=чуон), =мэ (=млэ / =мэлэ). Автор приходит к выводу, что причастия тундренного диалекта юкагирского языка имеют формы настоящего, прошедшего и будущего времени; являясь глагольной формой, образуются от производных глагольных основ вида или залога; субстантивируются.

Ключевые слова: юкагирский язык, тундренный диалект, причастие, глагольная форма, грамматические функции.

Причастия тундренного диалекта юкагирского языка рассматривались Е.А. Крейновичем в статье «Юкагирский язык», где исследователь отметил, что «причастия выступают только в роли определения, тесно примыкая к определяемому ими слову, и образуются от основ переходных и переходных глаголов при помощи суффиксов -j, -jэ, -т'э, -нд'э. Причастиям свойственны формы времен: прошедшего, настоящего и будущего» [Крейнович, 1968, с. 446].

По мнению Е.А. Крейновича, атрибутивными формами переходных и переходных глаголов могут выражаться видо-временные значения, а формами переходных – еще и значения некоторых наклонений [Крейнович, 1958, с. 144, 156].

Г.Н. Курилов считает, что причастия имеют формы видов и залогов, но, в отличие от глаголов, не имеют формы лица и числа. Ученый отмечает, что причастие – форма атрибутивного употребления глагола и поэтому в нем сохраняются вышеуказанные глагольные свойства [Курилов, 2006, с. 187].

Атрибутивные формы переходных глаголов тундренного диалекта образуются при помощи присоединения к ним окончаний =й(э), =чэ, =дьэ; оформляющие же их предикативные окончания *н, к, нь, ни, ли, мут, ни* опускаются. Е.А. Крейнович относил их к окончаниям, т.к., по его мнению, они не входят в состав глагольной основы и могут быть отодвинуты от нее ос-

новообразующими аффиксами [Крейнович, 1958, с. 144].

Анализ работ исследователей тундренного диалекта юкагирского языка показывает, что причастия тундренного диалекта образуются от глагольных основ при помощи суффиксов =йэ (=й), =чэ, =дъэ, =л, а также от основ переходных глаголов на =мэ, =мэлэ, =млэ.

Причастие на =дъэ

Е.А. Крейнович отмечал, что причастия на =дъэ в юкагирском языке образуются от качественных основ 1-го класса 1-й группы, имеющих форму на =й (исследователь, вероятно, имел в виду форму спряжения в 3-м лице ед.ч. – А.П.), за исключением некоторых слов [Крейнович, 1979, с. 367].

Качественные глаголы юкагирского языка представляют собой лексико-грамматический разряд непереходных глаголов и имеют грамматические категории лица, числа, времени, наклонения.

В тундренном диалекте причастие на =дъэ образуется от качественных основ глаголов 1-й и 6-й группы (табл. 1).

Таблица 1

Осново- и словообразование морфологических групп качественного процессива (по Е.А. Крейновичу)

Группы	Типы основ	Формы спряжения
1	=о, =а	=дъэн, =дъэк, =нь
2	=вэ	=йэн
3	Основы на согласный, за которыми следует формант =и=	=тъэн, =тъэк, =тъ
4	=нэ	=йэн
5	=ньэ*	=йэн
6	=нь	=дъэн =ньи

*Со значением 'иметь что-либо'.

Посредством показателя =дъэ образуются причастия от качественных глаголов с основами на =о/=а, =нь, выражающие атрибутивный признак:

Аавандъэмабил хойндъайлэба онгизнубэ йэруодъэ мабилэк. 'Аавандъэмабил – кукашка из короткошерстной шкуры, надеваемая в божеские дни' [Курилов, 2001, с. 19]; *Ванарги нукольдъэ кэдэк моннунгумлэ «ванарпэдуолльэлк эл сааньэ».* 'О человеке, у которого язык легкий (мягкий), говорят: «Язык у него не деревянный» (о человеке, легко и быстро говорящем)' [Там же, с. 65]; *Ньяавал-пэлдудиэ йэркэйэндэлэк маархан йохон паадъэдуобат чизмэндъэ муридъэк ваарэйльэлмэлэ.* 'Старик Ньявал, покамлав, из [горла] одной якутской девочки вытащил иголку с кровью' [Там же, с. 57]; *Толя мони: «Анаан чундэндъэ лаамэк, маархуонь эл анньэ».* 'Толя говорит: «Очень умная собака, только не говорит»' [Там же, с. 46]; *Йобун подьархаа – Ньяавал-пэлдудиэ акаа, льитэгэндъэ пэлдудиэк, илэба эл аньмаальэлдъэ кэдэк.* 'Йобун подьархаа – старший брат старика Ньявала, кузнец, на оленя не садившийся верхом человек' [Там же, с. 122].

Причастие на =дъэ тундренного диалекта имеет две формы времени: настоящее и прошедшее.

Причастие настоящего времени образуется непосредственно при помощи суффикса =дъэ и обозначает действие, происходящее в момент речи: *Мотуруона, эдуодъэ нуолэк тудуруу Мохичаа моийрэнг мэ сабанэй.* 'Мотрена же в горящем пологе сидит, обняв Мохичу' [Kurilov, 2012, р. 56–57]; *Элдъэ, хадаат пандъэ кэдэ нолк?* 'Ну что, откуда ты родом?' [Курилов, 2001, с. 368].

Причастие прошедшего времени образуется при помощи аффикса неочевидного наклонения =льэл и обозначает признак, возникший в результате действия, совершенного в недавнем или неопределенном прошлом: *Лугумур мольбалпэги кэтэгэйльэлдъэ илэлэ, чигирчирэн мирадаба, моннунги «мэ чаатикаальэнь».* 'Об оленях, у которых от старости суставы опухли и [которые – А.П.] ходят хромяя, говорят «заболел чатикой»' [Там же, с. 183]; *Эе, – мони, льиэ мэ тэнньэл мэт чайлэ. Лэвдэллэк йабалцин, пуньин. Тэн мэт кирийэба көллэлдъэ гэдэк.* 'Э, – говорит, вот только один день у меня и есть. Поесть перед смертью забил [оленя. – А.П.]. Этот человек пришел на мое имя' [Фольклор юкагирова, 2005, с. 160–161].

Причастие на =дьэ, являясь глагольной формой, сохраняет видовые формы глаголов.

В тундренном диалекте юкагирского языка Е.А. Крейнович в первой своей работе «Юкагирский язык» [1958] выделял следующие виды глагола: 1) готовности к действию (суффиксы =йэ, =йи); 2) движения к действию (суффикс =сьэ); 3) начинательного действия (суффиксы =на, =а); 4) обычности действия (суффиксы =ну, =нун, =нуну); 5) непродолжительного действия (суффикс =сьи/=чи); 6) многократного действия (суффикс =дьи); 7) однократного действия (суффикс =й) [Там же, с. 121–123]. В работе «Исследования и материалы по юкагирскому языку» [1982] Е.А. Крейнович говорит о шести видах глагола, которые называет «способами протекания действия» [Там же, с. 121–138]: 1) начинательный (суффиксы =иэ, =а, =на); 2) однократный (суффиксы =й, =рэ, =рэй, =сь и др.); 3) многократный (суффиксы =йи, =й, =ийи, =и, =ойи, =уйи, =уойи, =сьи/=чи, =ри, =рисьи/=ричи, =дисьи/=дичи, =дьи, =су, =ду/=ру и др.); 4) однократный длительный (суффикс =ну); 5) многократный длительный (суффикс =нун); 6) мгновенности действия (суффикс =ттэрэй).

Г.Н. Курилов вычленяет 9 видов глаголов: 1) не фиксированный по длительности проявления (личные показатели); 2) начинающегося действия (суффиксы =аа, =иэ); 3) начинательного действия, как продолжающегося интенсивно во времени (суффикс =наа); 4) продолжающегося в момент речи (суффикс =ну); 5) регулярно продолжающегося (суффикс =нун); 6) однократно проявляющегося (суффикс =й); 7) многократно повторяющегося или проявляющегося (суффиксы =йи, =ууйи/=уойи; =дьи/=ндыи, =чи, =ричи/=дичи, =су, =ду, =дши); 8) интенсивно и кратковременно проявляющегося; 9) слабой или неполной интенсивности проявления [Курилов, 2006].

Анализ причастных форм тундренного диалекта юкагирского языка показал, что причастие на =дьэ наиболее часто употребляется в форме продолжающегося в момент речи действия, образующегося при помощи суффикса =ну, и регулярно продолжающегося способа действия, которое образуется при помощи аффикса =нун. Причастие в данных формах обозначает действие, повторяющееся, являющееся

обычным для субъекта, совершающего это действие, или продолжающееся в момент речи: *Абидьаа мэннубуодьэ кэдэ, мэр абуридьаануни*. ‘Человек, любящий братъ что-либо тайком, обычно скрытничает’ [Курилов, 2001, с. 28]; *«Абуричим» – абидьа мэннундьэ кэдэк таат моннунгумэ, «пэгитэл» льюльуолба*. ‘О человеке, тайком [что-л] берущем, вместо «украл» говорят «спрятал»’ [Там же, с. 28]; *Альуойэ – эл чаахарнундьэ энмудиэ, лавйэ*. ‘Талое место (пыльня) – незамерзающее место в реке, незамерзающая вода’ [Там же, с. 38].

Причастия образуются от основ глагола с залоговыми значениями.

Е.А. Крейнович [1958] в тундренном диалекте юкагирского языка выделял четыре залога: понудительный (суффиксы =сэ, =су, =дьи, =и, =сэсу), страдательный (суффиксы =йо ~ =йуо, =о ~ =уо), возвратный (префикс мэ, который употребляется между личным местоимением и основой переходного глагола, спрягающегося в этом случае как непереходный), взаимный (префикс ни, если основа глагола начинается с согласного звука, префикс нин, если основа начинается с гласного).

Г.Н. Курилов [2006] в свою очередь выделяет шесть залогов: основной (представляет собой личные показатели переходных глаголов и является основой, «от которой образуются почти все остальные залоговые формы» [Там же, с. 169]), страдательный (суффикс =йуол/=уол), активный (суффикс =чэ), понудительный (суффиксы =сэ, =су, =счи, =йи, =иильэ/=иийльэ, =дьи, =дьиисэ), возвратный (личное местоимение мэт ‘я’ и тур, образованный от местоимения тудэл ‘он’), взаимный (частица совместности =ньи(н)).

Причастие на =дьэ образуется от основ возвратного (а), активного (б), страдательного залогов (в): (а) *Турвиэльэльдэ кэдэ нынгизйччэба мэр ат эврэй*. ‘Человек, тренировавший себя, участвовал бы в соревнованиях’ [Там же, с. 188–189]; (б) *Лэгул мэнчильэльдэ кэдэ хадьир мэ сабаай*. ‘Человек, ушедший принести еду, совсем пропал (букв.: ‘ушедший принести человек’)’ [Там же, с. 188]; (в) *Аньибэ йуоба визйуодьэ энмурэк (илэдэнмурэк) – аньибэдугиль*. ‘Аньибэдугиль – это олений рог с частью черепной кости, прикрепляемый спереди детской нарты’ [Курилов, 2001, с. 48].

Причастие на =йэ (=й)

Причастие на =йэ (=й) образуется от основ непереходных / переходных, качественных глаголов и выражает признак предмета по действию как состоянию, т.е. атрибутивный признак: *Йоойэ гөдэлэ эл моннунну «мэ йоойм» – нуусэ ирэльэмүтэй.* ‘О **болеющем** человеке не говорят «болеет» – еще хуже станет [болезнь]’ [Курилов, 2001, с.125]; *Тан лугуйэ нэлдудие аҕидьаа, Идьилвэйгинь эл мөрисэчуон, молльэнь: «Тэн Идьилвэй эвриэнүл».* ‘Тот **пожилой** старик тайком, незаметно от Идилвея сказал: «Это Идилвей ходит»’ [Там же, с. 28]; *Тадаа, эл арууньэй көдэк абуолэл...* ‘А там стоял человек **без языка, немой**’ [Kurilov, 2012, р. 32–33].

Причастие на =йэ (=й) имеет две формы времени: настоящее и будущее. Причастие настоящего времени образуется непосредственно при помощи суффикса =йэ (=й), а также аффикса =ну, который определяется в тундренном диалекте не только как показатель обычности действия, но и как показатель настоящего времени: *Пудинимэбүт, тудэл мэннидьийэ көдэлэ тадаат ару йатаҕасчэ.* ‘Сидя у соседей, **посылает** свата и толмача’ [Там же, р. 32–33]; *Уунулэханэн тит амаа вэгийэ илэпэн игийэ сисаҕайр эйк хуодэ льэр – мэр аарэйнунни.* ‘Когда кочуем, у **ведомых** твоим отцом упряжек то ли оборвется постромка или что – останавливаются’ [Там же, р. 64–65]; *Илэба чаҕадыануй чии эгуойиэ кэлунутэй.* ‘В оленеводстве **работающие** люди завтра приедут’ [Курилов, 2006, с. 188]; *Истаадингинь кэвэйнууй чии лэгул кэчимэн.* ‘Я принес еду людей, **уезжающих** в стадо’ [Там же].

Причастие будущего времени образуется при помощи показателя будущего времени =тэ: *Митханэ, кэвэйтэй чииҕанэ, мэ хуодиир йавнуо ааттэсна.* ‘Нас, людей, **которые должны были уехать**, почему-то всех поостанавливали’ [Курилов, 2001, с. 21]; *Илэба чаҕадыэтэй көдэ эл пойуол.* ‘Людей, **которые будут работать** в стаде, немного’ [Курилов, 2006, с. 188].

Причастие на =йэ (=й) сохраняет видовые формы глаголов:

– начинательный вид:

Миринь пудэ йуораанаайэ уо голльэнь, мэр арууньяальэнь. ‘Он имел ребенка, который [по возрасту] только-только **начал играть** вне дома [на улице], умел разговаривать’ [Курилов, 2001, с. 53]; *Анмэльэрэн лайнаайэ илэлэ моннунни «э,*

ваай кэмугуорги кэлүл!» ‘Об олене, **который начинает драться** ни с того ни с сего, говорят: «Опять приступ причуд его плохого нрава пришел!»’ [Там же, с. 46];

– многократный вид:

Альбалэ тадийий чии мэ кэлунунни. ‘Люди, **раздающие** рыбу, идут’ [Курилов, 2006, с. 189]; *Ванууйий көдэк.* ‘Он – человек, **все время остающийся обделенным**’ [Там же, с. 66].

Причастие на =йэ (=й) участвует в образовании причастных аналитических конструкций, в составе которых первый компонент представлен причастием, а замыкающий – вспомогательным глаголом в спрягаемой форме либо деепричастием: *Тинэ Йэгуор мэ виэнаам, ваарэйэ нолуур савадаҕанэ мэрайиттэрэйм.* ‘Давеча Егор начал делать, но, **пытаясь вытащить**, рязорвал шкуру’ [Курилов, 2001, с. 32].

Г.Н. Курилов отмечает, что аффикс =йэ часто участвует в образовании именных слов от глагольных основ, которые обозначают «процессы или действия, характеризующиеся определенным постоянством своего проявления» [Курилов, 2003, с. 154]. Данный аффикс, продолжает ученый, встречается в именах существительных: а) обозначающих лица или предметы или предметы по особенностям их деятельности; б) «со значением предмета, которым совершается действие, обозначенное производящей основой» [Там же, с. 155]. Ученый считает, что многие имена существительные, образованные при помощи аффикса =йэ, «нельзя со всей определенностью квалифицировать как бывшие причастия» [Там же, с. 172].

Некоторые причастия на =йэ (=й), утрачивая свои глагольные свойства, полностью переходят в разряд имен существительных, т.е. подвергаются лексической субстантивации: *Апаналаа мони: «Эйк халдэйльэлк, эл эньтэйэк, ворпэрийэ пойуонь, лаамэдэньэн льэй»* ‘Старуха сказала: «И убежав, не останешься жив, **сторожевых** много, есть и собаки»’ [Курилов, 2006, с. 73].

Причастие на =чэ

Причастие на =чэ, образуется от основ качественных глаголов и выражает атрибутивный признак: *Хаҕимэ мони: «Амучэ көдэ эл пунльэк мэт уо, нэмэлэ виэсэтмэн, мэ виэт».* ‘Ворон сказал: «**Хороший** человек, не убивай моего ребенка, что прикажешь сделать – сделаю»’ [Курилов, 2001, с. 70]; *Ньяарчэ аруу тудэ лангудэн*

уудаџанэ, эл анмэльэт – мэ лайнаатэй, худэ-льэтэй. ‘Если **недоброе** слово коснется его [персоны], он просто так не останется спокойно сидеть’ [Там же, с. 45]; Пуолэк архул саџанэстэлэк, ахун **пугэчэ** лавйэ агадаџа чамуодшилэк сахсэсник. ‘Посадив так, чтобы спиной опиралась на полог, хотя бы **теплую** воду налейте ложкой в [ее] рот’ [Там же, с. 53].

Причастие на =чэ выражает признак предмета по действию, т.е. атрибутивный признак, образуясь и от основ непереходных глаголов: Исэ анааџат **пулгэчэ** энмудиэ ольлэлтэй. ‘Может быть, из горы **вытекающей** вытекающая река’ [Там же, с. 43].

Причастие на =л

Причастие с аффиксом =л образуется от основ качественных глаголов и выражает атрибутивный признак: Аџан кэчитэм, мони, тан **албалэл** урбаакэџанэ. ‘Он сказал, [что] обязательно принесет ту **нижнюю** рубашку’ [Курилов, 2001, с. 25]; Малаа, **чамуолэл-даџи** кэлук. ‘Давай, тот, **который постарше** [из братьев], подойди сюда’ [Там же, с. 79]; Хадьир тудэ кэдэџанэ вальџандэ амуочиил чалдэдаџат вальџандэ **амуочиил** угурчэдаџат салџаришилэк ваайчирэн мэ пулгэрэйм. ‘Вот [собачка], таща зубами за **здоровую** ногу и руку, свою хозяйку вынесла [на улицу]’ [Там же, с. 57].

Посредством аффикса =л от основ переходных и непереходных глаголов образуются причастия, которые в предложении выполняют функцию определения: «Мэт кэчийуол альџа мэр авуомуонь» – мони. ‘Он сказал, что рыба, **которую он привез**, будет чуть-чуть свежее’ [Там же, с. 22]; Тидэн тэт хайсэйуол чундидьэпэ йавнэр йатидьильэлңи. ‘Оказывается, все выпрямились тобою **изогнутые** полосья’ [Там же, с. 118].

В ремо-субъектной структуре предложения логическое ударение сосредоточено на подлежащем, оформленном аффиксом =к/=лэк, в связи с чем в роли сказуемого вместо глагола стоит имя действия, выступающее в этом случае в роли определения. Таким образом, причастие на =л по сути – это имя действия в ремо-субъектной форме спряжения (табл. 2).

Причастие на =л образуется от основ непереходных и переходных глаголов в форме страдательного залога: Мит экыаџан **палаџайуол** уонгодьэ чии пойуолни чупчэџа. ‘Среди чукчей

имеется много молодых людей, **произошедших** [букв.: **рассеявшихся**] от нашей старшей сестры’ [Там же, с. 364]; Хаалич, тангньэ нэмэнгол панчитэм? Ан тэт **монуол** пандэтэм-лэ. ‘Ужас, зачем это он будет фиксировать [на бумаге]? – Это он **сказанное** тобой будет фиксировать’ [Там же, с. 367]; Ан мит **момдэричуол** аньмэсуоллэги. ‘Это нам **для розжиг** положено ими’ [Там же, с. 50].

Таблица 2

Ремо-субъектная форма спряжения (переходный глагол) (по Е.А. Крейновичу)

Лицо	Ед. ч.		Мн.ч.	
	колым.	тундр.	колым.	тундр.
1-е л.	=л	=л	=л	=л
2-е л.	=л	=л	=л	=л
3-е л.	=л	=л	=ңил	=ңу

Причастие на =л употребляется в настоящем и будущем времени. Настоящее время образуется непосредственно присоединением аффикса=л к основе глагола, будущее время – посредством показателя будущего времени =тэ: Маархуонь арууги **пириийэд-уок таат монтэл**, эл амутнэ аруураальэлдэ-уо. ‘Только ребенок, у которого не хватает слов, так **скажет**, ребенок, еще не научившийся говорить хорошо’ [Там же, с. 53]; Эл мөриэнун: лалимэпэ **аараайуол**, мит өрньэл. ‘Глухой: не слышит, что сани остановились, ни наши крики’ [Kurilov, 2012, р. 64–65].

Причастие на =мэ/=млэ

Причастная форма на =мэ/=млэ выполняет функцию конечного сказуемого в различного рода конструкциях, сохраняя видо-временные формы глагола (табл. 3).

Таблица 3

Утвердительно-объектная форма спряжения (переходный глагол)

Лицо	Ед. ч.	Мн.ч.
1-е	=мэң	=л
2-е	=мэң	=мк
3-е	=мэлэ	=ңумлэ

Тинэ эврэр, угурчэлэ **аалиэмэлэ**. ‘В тот свой приезд **заказал** сшить торбаса’ [Курилов, 2001,

с. 19]; *Тиэн мит лэмльэ, йуодабанэ, кэвийинуй дьшик, ааттэрэйчэмлэ*. ‘Наш начальник, кажется, уезжающих людей **остановить пошел**’ [Там же, с. 21]; *Идьигойгиндэн ханьахлэн, авйаальэ чуулэн лэвнуннумлэ*. ‘Утром хайяк – вчерашнее мясо **едят**’ [Там же, с. 21]; *Варя тан холльэ? – Тидэн тудэ хонмэравпэ альаасиичэмлэ тудэ нимэба*. ‘А где Варя? – Домой **пошла оттаивать** те свои камуса’ [Там же, с. 35]; *Тэн курьлудьодьдилэк вабатэйчаальэмлэ*. ‘[Он] пошел, оказывается, **направить** в сторону основного стада оленей, виднеющихся неподалеку.’ [Там же, с. 59].

Причастие на =чуон

В тундренном диалекте от существительного при помощи префикса *эл* и суффикса =чуон образуется наречие, которое имеет значение лишительности, существительное в данной модели подвергается адвербиализации: *Арав пулдьинунни, эл монгочуон, ах урбаакуол*. ‘Толыми (нагими) выскакивают, **без малахая**, в одной рубашке’ [Курилов, 2001, с. 52]; *Эл лэгириндьэчуон-нэмэчуон ньаба курчийэли*. ‘**Без свадьбы, без приданого** мы поженились’ [Там же, с. 212].

Также в тундренном диалекте встречаются слова с отрицанием, образованные от глагольных основ с показателем =чуон, которые в переводах представлены как отрицательные деепричастия. Однако, проводя соответствия между причастиями колымского и тундренного диалектов юкагирского языка, мы считаем, что эта причастная форма с отрицанием является результатом транспозиции, при которой происходит использование одной языковой единицы вместо другой: *Тан уо эл аравгурчиичуон лавйэба сэзуй, маранмэ таат сукунньэрэн*. ‘Тот мальчик, **не раздевшись** догола, вошел в воду в одежде’ [Там же, с. 52]; *Көдэнинь эл мэтчуон мэ волмомай, ньипудинимшилэха*. ‘Когда мы жили соседями по ярангам, **не предупредив** [меня], стал [он] камлать’ [Там же, с. 321].

На основании обзора особенностей образования и функционирования причастий в тундренном диалекте можно выделить шесть причастных форм на =л, =йэ (=й), =чэ, =дьэ, эл +V =сьоон (=чуон), =мэ (=млэ / =мэлэ).

Причастия тундренного диалекта юкагирского языка образуют грамматический разряд слов, обладающих глагольными признаками.

Близость к глаголу определяется общностью производящих основ, субъектного спряжения, видовых и залоговых значений, грамматического значения действия, отнесенностью к временному плану.

Причастие на =дьэ: 1) образуется от основ качественных глаголов; 2) имеет две формы времени: настоящее и прошедшее; 3) являясь глагольной формой, образуется от производных глагольных основ вида или залога.

Причастие на =йэ (=й): 1) образуется от основ переходных / непереходных и качественных глаголов и выражает признак предмета по действию как состоянию, т.е. атрибутивный признак; 2) имеет две формы времени: настоящее и будущее; 3) являясь глагольной формой, сохраняет некоторые аспектуальные формы, выражающие различные этапы протекания действия.

Причастие на =чэ тундренного диалекта образуется от основ качественных и непереходных глаголов и выражает атрибутивный признак.

В тундренном диалекте наблюдается транспозиция *причастие* → *деепричастие*: отрицательные причастия на =чуон употребляются в функции деепричастия.

Причастие на =мэ/=млэ/=мэлэ выполняет функции определения и конечного сказуемого, сохраняя видо-временные и залоговые формы глагола.

Причастие на =л: 1) образуется от основ переходных и непереходных глаголов и выполняет функцию определения; 2) образуясь от основ качественных глаголов, причастие с аффиксом =л выполняет атрибутивную функцию; 3) употребляется в настоящем и будущем времени; 4) значение причастий выполняют имена действия в ремо-субъектной форме спряжения, которые выступают в роли определения.

Условные сокращения:

V – личная форма глагола

Литература

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 288 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. Т. V. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1968. – С. 435–454.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. Т. V. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1979. – С. 348–368.

Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. – Л.: Наука, 1982. – 302 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 285 с.

Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык. – Якутск, 2006. – 280 с.

Фольклор юкагиров / сост. Г.Н. Курилов. – Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).

Kurilov N. Tales from my mother Anna Kurilova. Эньиэ, Анна Курилова ньиэдьилпэ. Рассказы матери Анны Куриловой / С. Ode (ed.). – Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012. – 270 p.

А.Е. Прокопьева

Morphological types and grammatical functions of participles Tundra dialect of the Yukaghir language

The article is devoted to the description of formation and grammatical functions of participle, one of the unexplored forms of the verb of tundra dialect of the Yukaghir language. The participles of the tundra dialect were considered by such researchers as E.A. Kreinovich and G.N. Kurilov. On the basis of a survey of the peculiarities of the formation and functioning of participles in the tundra dialect, six participial forms can be distinguished: =l =ie (=i), =che, = die, el + V =sioon (=chuon), =me (=mle / =mele). The author comes to the conclusion that the participles of the tundra dialect of the Yukaghir language have the forms of the present, past and future tenses; being a verbal form, is formed from derivatives of verbal foundations of a kind or a pledge; substantivate.

Keywords: Yukaghir language, Tundra dialect, participle, verb form, grammatical functions.

УДК 821.512.157-311.1

А.А. Бурцев

Автобиографический роман А. Сыромятниковой «Родные просторы» как текст индивидуальной «памяти»

Наследие А.С. Сыромятниковой до сих пор остается неоцененным по достоинству. Между тем сегодня с полным основанием можно утверждать, что как автор романов «Кыыс Хотун», «Родные просторы» и ряда повестей писательница внесла существенный вклад в развитие жанров прозы в якутской литературе и зарекомендовала себя как незаурядный мастер слова с оригинальным творческим методом.

Если «Кыыс Хотун» по жанровой природе представляет собой синтетическое явление, сочетающее черты социально-психологического, историко-хроникального, воспитательного и даже так называемого «женского» романа, то «Родные просторы», как автобиографическое произведение, могут быть подвергнуты «перечтению» в русле концепции «места памяти». Художественное время в романе охватывает 1920–1930-е годы прошлого столетия, и в романе А. Сыромятниковой не прямо, а опосредствованно, через изображение внутренних, психологических нюансов и симптомов передаются сложная социально-политическая атмосфера, идейно-нравственные коллизии и конфликты этого сложного времени. В предлагаемой статье анализируется, как с «точки зрения» автобиографического персонажа воспроизводится исторический контекст эпохи. При этом выявлено, что в романе присутствует и образ автора, занимающий объективно-нейтральную позицию. Его прототипом является «первичный» автор – творец романа.

Ключевые слова: «женский» роман, «перечтение», моноцентрическая композиция, «место памяти», мемориальное пространство, прототип, образ автора, приметы и «симптомы» времени.

© А.А. Бурцев, 2017

В якутской литературе женские имена долго оставались единичными явлениями. К тому же они чаще всего оставались на периферии литературного процесса. Так случилось, в частности, с первыми якутскими писательницами А.Д. Неустроевой и К.И. Платоновой. Что касается А.С. Сыромятниковой, то она не затерялась среди своих собратьев по перу, хотя критика ее особо не жаловала и записывала ей в актив лишь создание образа якутской женщины.

Между тем рассказы и повести А. Сыромятниковой, не говоря о романах «Кыыс Хотун», «Родные просторы», представляют собой незаурядные явления. Но ее творчество до сих пор остается не оцененным по достоинству. Сегодня, после 100-летнего юбилея писательницы, настала пора подвергнуть ее произведения определенному «перечтению» и определить их место и значение в истории национальной литературы.

Ранние рассказы и повести А. Сыромятниковой «Подруги» («Дьүөгэлиилэр», 1961), «Дорога жизни» («Киэнг аартыкка», 1976) подготовили появление романа «Кыыс Хотун», ставшего заметным явлением в якутской литературе. Сложным представляется его жанровая специфика: первые две части имеют очертания социально-психологического романа, две последние части построены по принципу историко-хроникального жанра. Кроме того А. Сыромятникова, изображая в своем романе трудную судьбу якутской женщины, ее борьбу за утверждение личного и общественного статуса, не могла не опираться на традиции А. Герцена, Ж. Санд, Ш. Бронте и других русских и европейских писателей, которые еще в 19 веке ставили проблемы раскрепощения и эмансипации женщины. Поэтому «Кыыс Хотун» по большому счету является первым образцом «женского романа» в якутской литературе.

Ученые Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН обратились к перспективному междисциплинарному проекту «Республика Саха (Якутия): места памяти и многообразие идентичностей в истории и современности». Действительно, художественная литература «нередко выступает в качестве места памяти» и становится «особым хранилищем, «убежищем» памяти [Романова, 2016, с. 56]. Она содержит благодат-

нейший материал для воссоздания исторической и культурной памяти народа. В этом отношении второй роман А. Сыромятниковой «Родные просторы» («Күөх дуолум барахсан», 1995) может служить примером «места памяти», объектом «репрезентации и восприятия прошлого в авторской интерпретации» [Там же, с. 56].

Как и в романе «Кыыс Хотун», писательница использовала моноцентрическую композицию, но если в первом романе интенсивная линия переплеталась с экстенсивной, принцип психологизма сочетался с эпическим началом, то в этом произведении доминирует установка на раскрытие внутреннего мира Кати Деляевой, становление и развитие ее личности. Временами повествование превращается в сплошной внутренний монолог героини, изредка прерываемый авторским комментарием и диалогами второстепенных персонажей.

В первой части романа действие локализовано берегами могучей реки Алдан. Малоизвестные для широкой публики места Чуппу, Дьоодьор, Талах Бутэй, служившие малой родиной писательницы, описаны с особой теплотой. Они входили в состав местности Хочо, где по данным на 1915 г., проживало 40 человек, в том числе мужчин – 21, женщин – 19 [Николаев, Ефимов, Тимофеева, 2013, с. 9]. Позднее в результате коллективизации обитатели Хочо были вынуждены переселиться в поселок Арыы-Толон, но для А. Сыромятниковой эти места на левом берегу Алдана всегда оставались мемориальным пространством. Сегодня школа в Арыы-Толоне носит ее имя. Еще одним известным «местом памяти» для писательницы является местность на высоком правом берегу Алдана, некогда названная «Кэриэс-Халдыайы». Позднее, когда это место обозначали на карте, вместо якутского слова «кэриэс» («завещание») появилось русское «крест». Сегодня Крест-Халдыай – это название большого села с населением около 1500 человек, расположенного в 90 километрах ниже по течению реки Алдан от центра Томпонского района поселка Хандыга.

С первых же страниц крупным планом возникает коллективный портрет семьи Деляевых, навеянный воспоминаниями А. Сыромятниковой о собственных родителях и близких людях. Большой теплотой окружены образы бабушки Лукерьи (Лөкө), главы семьи Савелия, его жены

Матрены, дочерей Дуни (Дэгдэ), Ольги (Уочча), сына Егора (Маакыйа), который впоследствии участвовал в Великой Отечественной войне, демобилизовался в звании капитана и стал известным ученым-литературоведом.

Сама будущая писательница изображена в образе Кати (Каачыки), при крещении получившей имя Капитолина. Хотя в детстве она часто болела, а однажды чуть не умерла, рано стала помогать отцу на сенокосе, в заготовке дров, матери – во время жатвы хлеба, у тети Анны научилась шить и превратилась в искусную мастерицу. В школу поступила довольно поздно, но быстро научилась читать. У Савелия была заветная книга – «Ырыа-хоһоон» А. Кулаковского, и он просил свою любимицу прочитать вслух «Заклинание Баяная», отрывки из поэмы «Сон шамана» или свежие газеты. Как-то она заявила, что станет журналистом («Мин хаһыат үлэһитэ буолуом!»). Катя стала активисткой, вступила в комсомол, проявила организаторские способности. Так, однажды она мобилизовала детей и спасла колхозное зерно. В летние каникулы возглавила работу пионерского лагеря. На нее обратили внимание руководители улуса и предложили ехать учиться в Якутск.

Во второй части романа повествуется о новом этапе в судьбе героини. Катя поступает в педагогический техникум, усердно учится, активно занимается общественной работой, участвует в любительских спектаклях, расширяет свой кругозор. На второй год она привезла в Якутск сестру Дуню, которая тоже поступила на учебу. После окончания техникума Катя, как и сама А. Сыромятникова, сначала работает в редакции газеты, потом переходит в книжное издательство. Тем временем в ее жизни происходят большие изменения. Она выходит замуж за коллегу по работе, успевает родить сына, а на родине после тяжелой болезни умирает ее отец Савелий. Катя, как старшая дочь, ощущает свою ответственность за близких людей, и автор подробно описывает ее раздумья по этому поводу. Вторая часть романа заканчивается счастливым воссоединением семьи в городе. Но роман, по видимому, остался незавершенным. Скорее всего, планировалась еще одна, третья, часть.

Художественное время в романе охватывает 1920–1930-е гг. Хотя окружающий мир, как и в «Кыыс Хотуне», изображается сквозь призму

восприятия главной героини, приметы времени находят отражение в произведении. В первой части фоном действия служит гражданская война, и ее отголоски то и дело вторгаются в частную жизнь семьи Деляевых. В наслеге появились чужие люди («күрүөйэхтэр»), которые, скрываясь в поле, истоптали их яровую рожь. Когда бывший князь призвал Савелия для охраны обоза белых повстанцев, ему предложили взять оружие, но он наотрез отказался. Зато согласился примкнуть к белым 17-летний сын их соседей, и вскоре его привезли родителям с пробитой головой.

Во второй части романа тревожная атмосфера репрессий, чистки и травли представителей национальной интеллигенции тоже передается через отдельные «симптомы». Работники НКВД наведывались в техникум и расспрашивали студентов о преподавателях и однокурсниках, пытаясь выявить инакомыслящих. Когда Катя Деляева поступила на работу в книжное издательство, она на себе ощутила, в какой тревожной обстановке переводили на якутский язык и готовили к изданию труды Сталина. А однажды она стала очевидцем ареста И.П. Жегусова, работавшего тогда ответственным редактором партийно-массовой литературы, которого прямо из его рабочего кабинета увели военные. Даже в далеком улусе представители органов допрашивали родителей и родственников репрессированных, конфисковывали их письма. Во время комсомольского собрания у Кати спросили, были ли в ее роду кулаки. Одного ее знакомого, директора школы, за то, что во время пожара сгорел его партбилет, отстранили от работы.

В романе воссозданы также отдельные эпизоды культурной жизни и литературной борьбы. Катя три раза ходила на спектакль, поставленный по «Красному шаману», и была поражена мощью и трагическим величием героя П. Ойунского. Ее потрясение от игры артиста Михаила Жиркова автор передала в самых эмоциональных выражениях и ярких красках: «Катя санаатыгар театр дьигиһис гынна да, ким да суох буола түстэ. Харанга, барыһый сабардаата. Арай онно Кыһыл ойуун уонна кыракый Каачыка кыыс эрэ хаалбыттар... Ойуун этэн-тыһанан, кудулуччу туойан барбыта дьулаанын, куту-сүрү холбуу тутан ылан, ырых-ыраах кыраатта быһыһылаах буолбат дуо?.. Кыһыл ойуун

хомуһуна, илбиһэ ильдэ барда, аҕыс хаттыгастаах халлаанна ыттар, этин, чабылбан, уот курбуу ортотугар, кыһар кыһыл хайаба, уот кыһыл кирилизскэ үктэниһэлиир...» («Катя почувствовала, что вокруг все задрожало, и никого не оказалось рядом. Стало темно. Остались только Красный шаман и маленькая Каачыка... Ей стало страшно от громогласного песнопения-камланья шамана, который будто подхватил ее душу и метнул куда-то вдаль... Магия Красного шамана насильно увлекла ее в восьмислойное небо, и она оказалась среди грома, молнии, посреди огненного кольца, на огненной горе, ступила на огненно-красную лестницу» [Сыромятникова, 1995, с. 188]. Находясь под впечатлением от спектакля, Катя даже задумалась о сохранении национальной идентичности родного народа: «Саха киһитэ киһи курдук орто дойдуга билиннэ дуо? Суох, суох! Дьүһүнэ, майгыта даҕаны атыннаах, ол уратыта буолбатах дуо? Тоҕо мэлдьи бэйэтин алын тутта, сэнэнэ сылдьарый?» («Якут как личность разве заявил о себе в этом мире? Нет, нет! Разве он не обладает своим неповторимым обликом и характером? Почему тогда он недооценивает, принижает себя?») [Там же, с. 194].

Настоящим событием для Кати и ее друзей стала встреча с самим Ойунским после спектакля, поставленного членами литературного кружка по его комедии «Захотевший ребенка». Студенты были поражены широтой и глубиной взглядов, а также простотой и скромностью Ойунского: «Дьэ эбэтээ, аһа эстэринии, ох барарыны, куруһуоктар сүрэхтэрэ «бар гына» түстэ: Ойуунускай тыл этэр. Үрдээтэр үрдээтэ, сэтэлэнэн киирэн барбат дуо? Ачыкытын аһарыта көрөр хараба ыраабы да ылар эбит. Саха сириг дьонун, литературатын сайдытын, барытын ытыһыгар ууран сылдьарды суруга-бичигэ суох этэн иһэрэ чуолкайын, үчүгэйдэн» («Ну, наконец-то, как после грома с ясного неба, сердца кружковцев ёкнули: выступал Ойунский. Его речь становилась все проникновеннее и яростнее. Сквозь очки его глаза видели очень далеко. О родном народе, о развитии литературы, как все держат на ладони, без единой бумажки как хорошо, ясно он говорил») [Там же, с. 208]; «улуутумсуйан ыадайбатын, саамай ураты, киһи киһитэ буоларын, дьин-чакчы итиннэ ыччаттар биллилэр» («молодежь тогда действительно

убедилась, что он несколько не кичился, не важничал, а был самым человеческим человеком») [Там же, 1995, с. 210].

В студенческое общежитие нередко заглядывали и другие поэты. Однажды Катя обнаружила на кухне спящего Ивана Арбиту. Тогда широкую известность приобрела его поэма «Волны» («Долгуннар»), текст которой заучивали наизусть и распространяли в рукописном виде. Выступал перед студентами и молодой поэт Г. Егоров-Биилин со своей поэмой «Пятилетка». Позднее он был репрессирован, как и И. Арбита. В романе упоминаются также имена наркома просвещения С.С. Сюльского, первого директора Якутского педагогического института И.П. Жегусова, известного журналиста Л.Г. Колесова, талантливых певиц Е. Захаровой («Күөрэгэй»), юной тогда А. Лыткиной, которой Катя предсказывает будущий успех.

Наряду с этими известными людьми, А. Сыромятникова называет имена своих земляков. Среди них ее особым уважением пользовался учитель С.П. Харитонов, благодаря которому в Крест-Хальджае была построена школа. Он сумел добиться финансирования ее строительства: «Оччоҕо дьон бэкиһээбиттэрэ аҕай. Саха ыраахтааҕытын тэнэ буолбут киһини булбут, суруксута сыттаба, куттаммакка-толлубакка сурук киллэрэн биэрбит. Бүтүн алта мөһөөбү оскуолаба бэрдэрбит ол Омуосап барахсан. Учуутал киһи, дьону сана үөрэххэ сирдээччилэрэ, онтон үөрэн-көтөн кэлбитин алта нэһилиэк дьонно бары сөхпүттэрэ» («Тогда люди сильно поразились. Он сумел попасть к человеку, ставшему равным чуть ли не якутскому царю и, будучи грамотным, не робея, вручил ему письмо. Целых шестьсот рублей велел выдать ему этот Аммосов-барахсан. Свидетелями того, с каким ликованием вернулся наш учитель, просветитель народа, были люди шести наслегов») [Там же, с. 25]. Среди сверстников писательницы своей основательностью и рассудительностью выделялся Ананий Мярин из Сасьельского наслега. Впоследствии он окончил Ленинградский финансово-экономический институт и стал одним из первых дипломированных финансистов в республике. Даже упомянутый в ироническом контексте старый шаман («Ойуумсуйар Олдьороот сордоох») вызывает сочувствие со стороны автора.

Как и в первом романе писательницы, в «Родных просторах» широко представлены народные верования и обычаи. Савелий верит в силы природы и преклоняется перед всем живым в окружающем мире. По этому поводу его дочь Катя говорит: «Мин аҗам оннооҗор үөнүкөйүүрү, хомурдуоһу, кутуйаҕы барытын танара айбыт диэччи, мин эмиэ оннукпун» («Мой отец говорил, что все живые существа, даже насекомые, жуки, мыши – божьи создания, я тоже так думаю») [Там же, с. 169]. Савелий считает, что в самой природе присутствует разумное начало: «Туох барыта киэн дуолга баар. Оннооҗор киһи өйө-мэиитэ» («В природе все есть. Даже разумное начало») [Сыромятникова, 1995, с. 136]. Пантеистические взгляды неграмотного, но мудрого Савелия разделяет опытный судья Яков. «Киһи курдук уустук туох да суох, – говорит он Кате. – «Көхсүттэн тэһииннээх күн айыы оҕото» диэн мээнэҕэ буолбатах. Киһи олус ыраахтан тууралаах, оннук аналлаах: халлаантан, туох баар эйгэ ханнык эрэ хаттыгаһыттан» («Нет ничего сложнее человека. Не случайно о человеке говорят, что это «существо с поводьями за спиной – дитя добрых духов». Он связан со всем окружающим миром, вплоть до трехъярусного неба, и у него очень сложное предназначение») [Там же, с. 266].

Однажды Савелий, находясь в приподнятом состоянии, пообещал ученым-археологам указать захоронение женщины-удаганки, о котором нельзя было все упоминать. Осознав, какой он совершил «грех», Савелий даже заболел. Его несколько успокоила «аптаах» («волшебница») Анна, младшая сестра Матрены, имевшая репутацию прорицательницы. Она заметила, что «эдьий» (буквально «старшая сестра», но в табуированном смысле «та, чье имя нельзя было произносить вслух» вследствие мифологических верований) не позволит потревожить себя. Мистическим ореолом окружено имя Кыыс Хотун, которая жила где-то в этих местах. Во всяком случае просьба Кати рассказать о ней остается без ответа.

Глубокие, проверенные временем и народным сознанием мысли выражаются и от имени автора:

- сангарбыт сана «сата» буолар, этиллибит төннүбэт (произнесенное слово вызывает бурю, сказанное слово на ветер не выбрасывается) [Там же, с. 110];

- куһаҕан тыл, санаа, кырыыс даҕаны туһайар, ааттыыр киһилэригэр тута көтөн тийэр дииллэрэ мээнэ буолбат (не зря говорят, что плохое слово, пожелание, даже проклятие часто достигает цели) [Там же, с. 122];

- убайга, эдьийгэ илиитин көтөхпүт салҕа буолар (поднявший руку на старших вызывает огонь на себя) [Там же, с. 215].

Таким образом, жанрово-композиционная специфика автобиографического романа «Родные просторы» позволила А. Сыромятниковой не прямо, а опосредствованно, с «точки зрения» автобиографического персонажа воссоздать исторический контекст эпохи. Писательница сумела через изображение внутренних, психологических нюансов и симптомов передать сложную социально-политическую атмосферу, идейно-нравственные коллизии и конфликты 20–30-х гг. прошлого столетия. При этом в романе присутствует и образ автора, занимающий объективно-нейтральную позицию. Его прототипом является «первичный» автор – творец романа.

Сегодня с полным основанием можно утверждать, что как автор романов «Кыыс Хотун», «Родные просторы» и ряда повестей А. Сыромятникова внесла существенный вклад в развитие жанров прозы в якутской литературе и зарекомендовала себя как незаурядный мастер слова с оригинальным творческим методом, в котором отчетливо проступало лирико-романтическое начало.

Литература

Бурцев А.А., Бурцева М.А. Черты поэтики романа А.Сыромятниковой «Кыыс Хотун» // Вестник СВФУ. – 2017. – № 1(57).

Николаев Н.С., Ефимов Н.Е., Тимофеева Е.П. Эһэ ууһа уонна нэһилиэгэ. – Дьокуускай: Медиа-холдинг «Якутия», 2013.

Романова Л.Н. «Воспоминания» А.Я. Уваровского как место памяти // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 4 (17).

Сыромятникова Анастасия. Күөх дуолум барахсан. Роман. I-II чааһа. – Дьокуускай: Бичик, 1995.

A.A. Burtsev

A. Syromyatnikova's autobiographical novel “Native open spaces” as a text of the individual “memory”

Anastasia Syromyatnikova's legacy is still underestimated. However, it is obvious that the author of *Kyys Khoyun* (The Mighty Girl), “Native open spaces” and other novels made a significant contribution into the prosaic genres development in the Sakha literature and proved to be is an outstanding master of words, using a peculiar artistic method.

Whereas *Kyys Khotun* represents a synthetic phenomenon, combining the features of the social-psychological, historical-chronic, educational and even so-called “female” novel, then “Native open spaces”, as an autobiographical work, can be “re-read” in the concept of “memory place”. The fictional time in the novel covers 1920-1930s of the last century; indirectly, through describing internal, psychological nuances and symptoms, A. Syromyatnikova depicts the complex social-political atmosphere, conceptual and moral collisions and conflicts of the time. In this article analyzes how the autobiographic character's point of view presents the historical context of the age. At the same time, it is revealed that the novel also has the author with a neutral position. Her prototype is the “initial” author, the creator of the novel.

Keywords: “female” novel, “re-reading”, monocentric composition, “memory place”, memorial space, prototype, author's presence, signs and “symptoms” of a time.

УДК 821.512.157-1

Е.М. Ефремова

«Золотые дожди Сергеляха» Сем. П. Данилова: итоговая книга стихов (жанрово-архитектонические особенности)

В статье отражены результаты исследования архитектоники и поэтики книги стихов народного поэта Якутии Сем. П. Данилова. «*Сэргэлээххэ көмүс ардах*» («Золотые дожди Сергеляха»), которая представлена как полноценная «первичная», политематическая, многосоставная, моносубъектная книга стихов. Она носит системно-целостный, контекстовый характер и определяет лирическую систему автора как самостоятельное художественное образование. Также установлено, что данное издание является наиболее полной «итоговой» проекцией лирической системы Сем. Данилова. Взаимодействие различных жанровых начал в издании (элегии, стихи-посвящения, поэмы) создает разные смысловые оттенки в динамике книги, что основано на развитии единой лирической мысли и полижанрового мышления поэта. Значительное место в жанровом аспекте книги отводится элегическому модусу. Превалирование элегических переживаний в лирике поэта мотивирует раскрытие философских рассуждений дидактического характера.

В статье предложена классическая модель анализа итоговой книги стихов как особого метажанра применительно к поэзии Сем. Данилова. Анализируемое издание представляет собой яркий пример образца итоговой книги стихов в якутской литературе, отличающейся общей коллизией, единством мотивного комплекса, системностью и иерархичностью составляющих.

Ключевые слова: лирическая поэзия, лирический текст, книга стихов, итоговая книга стихов, жанр, мета-жанр, архитектоника, авторская позиция, авторская концепция, авторское «я», лирический субъект, лирический герой, индивидуальный стиль.

Целью статьи является рассмотрение книги как формально-содержательного единства на материале лирической поэзии народного поэта Якутии Сем. П. Данилова (1917–1978). В частности рассматривается природа художественной целостности книги стихов «*Сэргэлээххэ көмүс ардах*» (Золотые дожди Сергеляха) [Данилов, 1979]. Книга составлена самим поэтом незадол-

© Е.М. Ефремова, 2017

го до смерти и опубликована в 1979 г. Для якутской лирической поэзии 1960–1970-е гг. явились более умеренным периодом для разностороннего развития. Если начало творческого пути Сем. Данилова относится к 1940–1950-м гг., то более интенсивное развитие приходится именно на 1960–1970-е гг. Историческая ситуация 1940–1970-х гг., существенные изменения в самом характере литературного процесса данного периода обусловили круг основных тем, проблем и мотивов лирики поэта.

Начиная изучение указанного сборника произведений Сем. Данилова, в первую очередь целесообразно обратиться к истории его создания. В книге собраны произведения, которые не были опубликованы в сборнике «*Айаным аргыстара* (Мои дорожные спутники)» [Данилов, 1975], а также тексты написанные поэтом после 1975 г. Художественным редактором издания, народным поэтом Якутии М.Е. Тимофеевым (1932–2013) подчеркивается, что книга «*Сэргэлээххэ көмүс ардах* (Золотые дожди Сергеляха)» – это «<...>последняя песня, книга-завещание Семена» [Данилов, 1979, с. 208]. Из содержания послесловия становится ясно, что поэт долгое время тщательно работал над книгой, перебирал и компоновал художественные тексты, более того, самим автором издание отмечено именно как «книга стихов».

В издании представлено всего 146 произведений, которые были написаны в 1975–1978 гг. Однако в построении книги автор не придерживается четкого хронологического принципа: наблюдается разбросанность в расстановке художественных текстов. При компоновке художественных произведений Сем. Данилов придерживается проблемно-тематического и идейно-смыслового аспекта. Авторский (не редакторский, не читательский) характер отбора и расстановки текстов продиктован замыслом создания «итоговой» книги стихов, книги-завещания, т.е. само построение книги не случайно. Прежде всего, это мотивировано стремлением скомпоновать и включить в контекст книги стихотворения, системно-лейтмотивная природа которых основывается на единой авторской концепции, связанной с подведением итогов, осмыслением прожитого и пережитого. Данный принцип является основным при оформлении художественной целостности книги «Золотые дожди Сергеляха».

К проблеме лирической книги как феномена обратились сравнительно недавно. На современном этапе изучения лирики выделяются работы Е.В. Ермиловой, отдельные статьи Д.Е. Максимова, диссертационные работы О.А. Лекманова, А.А. Белобородовой, Н.П. Уфимцевой с книговедческим планом исследования. Книга стихов, обнаруживая типологическую и историческую близость с такими понятиями, как собственно цикл, альманах, антология, «избранное», изучается в аспекте проблем циклических структур. В этом отношении базовыми считаются работы М.Н. Дарвина, И.В. Фоменко, Л.Е. Ляпиной, посвященные изучению поэтики циклов, специфике их историко-литературного развития. Исследователями выработаны основные концепции, точно характеризующие цикл и книгу стихов.

Книга как самостоятельная жанровая форма стала предметом углубленного анализа в работах Л.В. Спроге, М.С. Штерн, О.В. Зырянова, А.А. Белобородовой и др. Однако на нынешнем этапе развития литературоведения история данной формы до сих пор еще не создана, корреляция понятий не устойчива. Отсутствие четкой иерархии и типологии циклических форм часто приводит к рассмотрению лирической книги, собственно цикла, сборника стихотворений как явлений одного жанрового порядка, что проявляется в распространенном обозначении «цикл / книга». Причины отсутствия разработанной типологии книжных структур в лирике исследователи объясняют сравнительно поздним обращением литературоведения к феномену лирической книги как предмету осмысления. В этом отношении особо важными и концептуальными являются труды О.В. Мирошниковой [2002; 2004], посвященные структурно-генетическому и системно-типологическому изучению лирической книги стихов.

В современном литературоведении понятие «итоговая книга» наделяется определенным терминологическим содержанием. Это разновидность лирической книги (метажанра), которая наряду с циклом относится к контекстовым формам лирики. Итоговая лирическая книга – одна из разновидностей жанровой формы, где раскрываются лирические коллизии и мотивные комплексы, связанные с темой конца жизни или определенного периода биографии поэта, с

подведением итогов и осмыслением прожитого и пережитого. Лучшими образцами итоговых книг в русской литературе считаются «Последние песни» Н. Некрасова, «Вечерние огни» А. Фета, «На закате» и «Вечерний звон» Я. Полонского. В современном литературоведении последних лет появляется все больше работ, изучающих ту или иную книгу в качестве итоговой биографии поэта. Как отмечают исследователи, это показатель того, что тип итоговой книги получил распространение в литературе XX в. и закрепился в качестве одного из инвариантных. В истории якутской литературы издание «Золотые дожди Сергеляха» Сем. Данилова представляет собой яркий пример образца итоговой книги стихов, отличающейся общей лирической коллизией, единством мотивного комплекса, системностью и иерархичностью всех составляющих.

Характерным свойством книги известного поэта, как итогового издания, является введение биографических элементов, которые на полиграфическом уровне проявляются в компоновке исторических фотографий, на которых запечатлены пейзажи Родины поэта, его дача-усадьба, рабочие и творческие встречи с писателями и т.д. Обращает внимание цветовая гамма титульного оформления издания, в которой оттенки телесного и желтого венчает выгравированная золотыми буквами личная подпись поэта на обложке. Подсознательно оттенки желтого и золотого цвета переплетаются с осенним временем года и своеобразно «подготавливают» читателя к раскрытию переживаний элегического модуса. Графическое оформление страниц книги также связано с циклическим кругооборотом времен года (изображение цветков, листьев и веток). Элементы полиграфического плана имеют существенное значение в создании единой авторской концепции в книге, «<...>, нацеливая и ориентируя читательский “горизонт ожидания”». Таким образом, вся сфера оформления, будучи полиреферентной по отношению к книге, выступает в роли формально-содержательной “скрепы” многосоставного художественного целого» [Мирошникова, 2004, с. 119]. Перечисленные факты играют значительную роль в создании жанрово-архитектонического единства итоговой книги писателя.

Начинается книга со стихотворения «*Мин кэриэһим* (Мой завет)»:

*«Сылаас, сырдык сыдьаайдан,
Саха оһобунуу!
Баай дууһалан, баай санаалан,
Саха тылыныы».
Хааммар сылдьар итинник
Өбүгэм кэриэһэ.
Өйбөр, сүрэхпэр диригинник
Инпит үгэһэ.
«Сылаас, сырдык сыдьаайдан,
Саха оһобунуу!
Баай дууһалан, баай санаалан,
Саха тылыныы».
Көмүс, түүлээх баай оннугар,
Алгыһы кытары,
Кэриэс хаалларыам ыччаннар
Ити кэс тыллары.*

«Теплом и светом озаряйся,
как наш якутский камелек,
Будь щедр, богат, неисчерпаем –
таков, как наш родной язык!»
Такой завет ношу я в сердце,
из жизни я его извлек;
Как заклинанье и молитву,
я повторять его привык.
Я передать хочу потомку,
как золотистый уголек,
Один завет, который стоит,
быть может, сотен умных книг:
«Теплом и светом озаряйся,
как наш якутский камелек,
Будь мудрым, щедрым и глубоким –
таким, как наш родной язык!»

(Пер. И. Фоякова)

Представленное стихотворение «открывает» книгу и является ключевым произведением, в котором в «сжатом» виде содержится замысел всей книги. В контексте структуры книги текст можно воспринимать как стихотворение-предисловие. Художественный текст датирован 1977 г. и является одним из последних произведений Сем. Данилова. Поэт обращается к читателю и оставляет свое «завещание» в виде художественных текстов, в целом представляющих собой сокровищницу народной мудрости. Неслучайно автор оформил его в виде фольклорного жанра благопожелания, благословения (*алгыса*). Это священный завет писателя будущему

поколению, читателю. Повторяющиеся лаконичные выражения формульного плана (первое и третье четверостишие) усиливают эмоциональный тон произведения. В качестве ключевых художественных образов, содержащих особый национальный колорит, выступают образы *камелька* (якутской печи) и *сахы тыла* (якутского языка). Важно подчеркнуть, что в переводе на русский язык теряется смысловая модальность содержания текста, раскрывающая глубокую идею ментального уровня.

Поэзия Сем. Данилова содержит разнообразный диапазон обращений, посланий, благопожеланий, адресованных будущему поколению, современникам, читателям («*Ааспыт кэми барытын...* (Забывтое прошлое...)), «*Булуоххут барытын* (Найдете все)», «*Өйдөөн кэбиһинг* (Запомните)», «*Аан дойду бар дьонун сылааһа* (Тепло сердец народов мира)», «*Киһи курдук* (Как человек)» и др.). В простой и лаконичной форме автором актуализируются и поэтизируются мудрые изречения, нравственные ориентиры общечеловеческой гуманности. В интуитивном плане в качестве читателя Сем. Данилов подразумевает именно молодого человека, поскольку художественно оформленные мысли чаще всего носят поучительный, воспитательный характер. Стихотворения поэта заставляют глубоко задуматься над духовно-нравственными ценностями жизни, которые лирический герой понимает и осмысливает, прежде всего, через свои ошибки. Дидактический характер переживаний в книге «Золотые дожди Сергеляха» в первую очередь продиктован авторским замыслом создания итоговой книги – книги-завещания. Стихотворения подобного плана несут функцию поэтических посланий-завещаний следующим поколениям и играют особую роль в создании единой авторской концепции.

В структуре книги важно выделить вводный комплекс стихотворений, посвященных теме детства лирического героя («*Оҕо сааһым ырыата* (Песня моего детства)»), его Родины («*Аба дойдуну туойуу* (Воспевание Родины)») и исторического поколения («*Өрөгөйдүүр көлүөнэ* (Воспевающее поколение)»). Автор сознательно расставляет тексты в начале книги, интуитивно знакомя читателя с важнейшими составляющими жизни лирического героя. Именно эти понятия являются основным фундамен-

том формирования мировоззрения, мировосприятия личности лирического героя Сем. Данилова. Стихотворения специально подчеркивают специфику исторического периода, к которому относится герой, его особое отношение к Родине. Нацеленное поэтизирование образа детства в начале книги стихов воспринимается как композиционный прием, акцентирующий «начало» жизни лирического героя. В рамках метатекста эти стихотворения выполняют функцию вводных произведений.

Особой функциональной значимостью обладает стихотворение «*Сэргэлээххэ көмүс ардах* (Золотые дожди Сергеляха)», которое, прозвучав в заглавии, встречается в контексте книги в качестве отдельного произведения. По своим свойствам это стихотворение-прототекст: метафорическое смысловое «зерно», содержащее в «концентрированном» виде замысел всей книги, афористичная строка, или образное выражение которого, будучи автоцитатой, становится заглавием [Мирошникова, 2002, с. 38]. Приведем пример полного текста стихотворения:

*Төрүү илик мин сиэннэрим
Соргулаах суолларын санатан,
Тэтинг көмүс сэбирдэхтэрин
Тэлгэһэбэр таммалатар.*

*Сэргэлээххэ көмүс ардах
Сэллээбэккэ түһэр, түһэр...
Сааһырбыт киһи санаата
Санньыардык сылаанньыйар.*

*Сэмээр, чуумпу, аа-дьуо хааман
Сэргэлээххэ сылдьан ааһын,
Сэбирдэх сэргэх тылынан
Сайынныын бырастыылаһын.*

*Уонна өйдөөн умнубаттык:
Хаһан, хайдах да кыһаллын –
Сэргэлээх көмүс манньыатын
Солкуобайга атастаһыман!*

Осень на полянах и на склонах,
И ложатся листья у воды,
Как внучат, покуда не рожденных
Золотые первые следы.

Дождик золотой на Сергеляхе –
Значит, скоро выпадет и снег.
Я стою один, в простой рубахе –
Пожилой и грустный человек.

Я давно живу на свете этом,
 Много знал плохих и добрых дней.
 В юности легко прощался с летом,
 Нынче с каждым годом – все трудней.

Думаю, листочек поднимая:
 Как бы ни замучила беда,
 Это золотой не разменяю,
 Ни за что на свете, никогда!
 (Пер. И. Фонякова)

В первую очередь обращает внимание метафорическое название стихотворения. Автором поэтизируется излюбленное время года – осень в местности Сергелях. Художественный образ Сергеляха представляется ключевым, лейтмотивным образом не только в рамках анализируемой книги, но и поэзии автора в целом. Образ просвечивается в качестве слов-звезд, универсального концепта на протяжении всего поэтического творчества Сем. Данилова, а в контексте итоговой книги приобретает наиболее значимый характер («*Мин дьизм*» (Мой дом)), «*Самаан сай уйгута, кундүтэ...*» (Изобилие и благодать теплого лета...)» и др.). Формируется особый хронотоп, связанный с дачей-усадьбой писателя. Пространственно-временная эмпирика, связанная с местностью Сергелях, формирует единое смысловое пространство в книге, которое находит свое отражение не только в художественных текстах, но и визуализируется в виде фотографии в полиграфическом обрамлении (см. «Золотые дожди Сергеляха», 1979, с. 161).

Подчеркнем, что характерная специфика пространственно-временных координат является одним из основных признаков итоговой книги стихов. Если стихотворение воспринимать в качестве отдельно существующего текста (вне контекста книги стихов), то «сужается» пространственно-временная сфера – поэтизируется осенний пейзаж в местности Сергелях. Глубинный идейно-содержательный смысл стихотворения удачно раскрывается именно в контексте книги, где образ *Сергеляха* можно интерпретировать более обширно, ассоциируя его с *жизнью* лирического героя. В этом отношении *осень* вызывает лирические эмоции, связанные с итоговим, завершающим периодом жизни. Прямых мотивов, раскрывающих грустные размышления элегического характера, не наблюдается, их можно уловить косвенно, интуитивно – в кон-

тексте содержательно-смысловых оттенков, в целом выраженных в книге стихов. Можно определить, что в представленном стихотворении фокусируются основные мотивы книги, связанные с завершающим этапом жизни лирического героя. Неслучайно именно это произведение выведено в названии итоговой книги писателя.

Осень – это универсальное время года в элегической лирике, ассоциирующееся чаще всего с возрастным течением человеческой жизни. Крупнейший канадский литературовед Нортон Фрай создал классификацию четырех основных художественных «модусов», соотнеся каждый из них с определенным временем года. Так, трагический модус у него генетически и структурно связан с осенью, переживанием смерти солнечного божества [см.: Эпштейн, 1990, с. 169]. В книге Сем. Данилова формируется специфичный хронотоп, связанный с осенним временем года. В отдельный тематический комплекс складываются произведения, где основной мотивный комплекс связан с быстротекущим временем, подведением итогов («*Кэрэ түгэн*» (Прекрасный миг)), «*Киһи олобо*» (Жизнь человека)), «*Кэм кирбиитэ*» (На рубеже)), «*Мин дьылым хонуктара*» (Мой календарь)), «*Обонньор*» (Старик)), «*Санньыйы...*» (Грусть...)), «*Биһиги*» (Мы)), «*Сиргэ сылдыам, кунгэ көстүөм*» (Буду я на земле, на виду у солнца)) и др.). По функциональной роли и значимости их можно охарактеризовать как стихотворения-звезды (терминология О.В. Мирошниковой), где образно концентрируются и объединяются главные мотивы анализируемой книги стихов. Это опорный комплекс стихотворений, играющий значительную роль в создании жанрово-архитектонической целостности книги. Архитектоника произведений основывается на системе лейтмотивов и сквозных образов, которые часто повторяются в отдельных стихотворениях и являются стержневыми в понимании и формировании особенностей художественной картины мира поэзии Сем. Данилова. Единство ассоциативного контекста формируют слова-звезды *олох* 'жизнь', *дьылба* 'судьба', *кэскил* 'будущее, предназначение, грядущее', *кырдьыы* 'старость', *ыарыы* 'болезнь', *сылайыы* 'усталость', *обонньор* 'старик', *саас* 'возраст', *өлүү* 'смерть', *түмүк* 'итог', *тиһэх* 'итоговый, завершающий'

и др. Обращает внимание лексический состав произведений с семантикой концепта «старости»: *кырдыбыт* ‘состарившийся’, *бокоорбут* ‘согнутый, кривой, горбатый’, *элэйбит* ‘изношенный’, *доболон* ‘хромой’ др. Слова-звезды наделяются не только словарными значениями, но и особой дополнительной смысловой нагрузкой. Лирический герой характеризует себя следующим образом: «*Элэйбит, дьэбиннээх болот – Мин...* ‘Изношенный, заржавевший булат – Я...’; <... > *хоруора умуллан, / Иккистээн күөдьүйбэт уккуннах буолбутун* ‘<... > погасший, как черный пепел, / Не загорающийся второй раз пенек я’ («*Кэм-кэрдии күһэйэн...* (По велению времени...))»); *Көхсүм, санным – нүкүгүр, / Көрүүм кэм да кырабы...* ‘Спина, плечи – сутулые, / Но взгляд по-прежнему зоркий...’» («*Обонньор* (Старик)»). В рамках биологического времени лирического героя философская тема времени переходит в рамки индивидуально-личностного переживания жизни и смерти.

В стихотворениях последних лет переживания лирического героя связываются с диалектикой жизни и смерти, быстрым течением времени, что определяет мотивацию элегического тона. Наблюдается сосредоточенность поэтического «я» на времени и его значении для него, обуславливаемая, прежде всего, жанровым своеобразием элегии. Концепт «итогаемости» в этих произведениях приобретает более выраженный характер, однако элегические мотивы охватывают стихотворения неполностью. Ноты оптимизма, веры и надежды в завтрашний день присутствуют во многих произведениях поэта («*Санньыйыы курус Муорам иитин...* (Печальное грустное Море...)» и др.). В выделенном комплексе стихотворений улавливается контаминация различных мотивов, связанных с завершающим этапом жизни лирического героя, с естественными переживаниями о тленности, бренности человеческой жизни. Превалирование элегических переживаний в лирике поэта мотивирует раскрытие философских размышлений, медитаций.

Элегический хронотоп в этих стихотворениях определяется как хронотоп странничества, вызванный элегическим представлением о жизни, как о коротком «человеческом пути». Е.Н. Рогова [2005] отмечает, что смерть для элегического субъекта – повод для рефлексии, она вносит дисгармонию в существование элегиче-

ского «я», чуждую для идиллического мира, так как грозит утратой неповторимой жизни для элегического субъекта. Ожидание смерти формирует особое элегическое восприятие жизни как пути в один конец. Вся жизнь распадается на ряд мгновений, элегическое воспоминание превращает его во вторичную реальность [Там же, с. 12]. Если раньше лирический герой не задумывался над этими вопросами, то с течением времени наблюдается перемена в его взглядах – в переживаниях выражаются характерная обида на старость, мотив боязни смерти, необратимого приближения конца.

Во многих произведениях Сем. Данилова в качестве своеобразного фона при раскрытии размышлений элегического пафоса выступает пейзаж. Внутреннее состояние души лирического героя передается посредством образных сопоставлений пейзажной лирики:

*Былыттар, күлүмнэс былыттар,
Күлүмнэс түргэнник сырсаллар...
Санаалар, саата суох санаалар,
Мин дууһам нууралын аймыылар...*

*Чуумпура, лункурбут урсуну
Холорук итинник ытыйар.
Ытыйан уу-сэргэ онгороот,
Киэр илгэ, эмискэ ыһыктар.*

*Итинник кэрэгэй кэскилбин
Өйдөөбөт бэйэлээх буолуом дуо!
Күн бээһээ, күн кириэр диэритин,
Кырдыбаас суор этим буолаба.*

Бегут сверкающие облака,
Летят по небу синему спеша –
И ноша дней становится легка,
И ввысь, ликуя, тянется душа.

Так ветер, пролетая над волной,
Завихрится внезапно – и над ней
До неба столб воздвигнет водяной,
Что коновязь для сказочных коней!

Не понимаю, что произошло:
Еще вчера я был, как ворон, стар,
А нынче в мире стало так светло,
И в сердце снова юношеский жар.

Беспорядочный поток мыслей лирического героя, мотивированный переживаниями элегического характера, образно соотносится с таким

природным явлением, как вихрь, который разгоняет спокойное течение облаков. Художественное сопоставление подобного плана усиливает психологизм выражаемых мыслей, сконцентрированных на идее «отрицания старости», «протеста» против быстротечности времени:

*Ол бэйэм кууспаты кууһаары,
Дьылбабар ынгыры бырахтым:
Сааскыны, күн уотун утары
Туймаада чаранар табыстым.*

*Мин дууһаам! Синэ бишр, кэриэскин,
Туолбакка да дураһый!
Эдэрди күл, ытаа эдэрди
Эдэрди таптаангы урбачый!*

*Былыттар халлыбыт халлаанна
Түргэнник да усталлар...
Манньык күн ыары, саас, кыһалба –
Барыта, барыта умнуллар.*

Весна, спасибо, милая тебе!
Я дома в день такой не усiju:
Бросаю вызов возрасту, судьбе –
И на простор Туймады выхожу.

Мне свежий воздух наполняет грудь.
От счастья плачь, засмейся над бедой.
Душа моя! Сегодня ты побудь
В последний раз, быть может, молодой.

Летят, спешат куда-то облака,
И небо проясняется, и нет
Ни седины давнишней у виска,
Ни горестей, ни хворостей, ни лет...
(Пер. И. Фоякова)

Стихотворения, стимулирующие жизнеутверждающий пафос оптимизма часто встречаются в рамках итоговой книги народного поэта («Олор, охсус (Живи, борись)», «Өлүүнү өйдөөбөттүн (Не понимаю я смерть)», «Күннэ сылдыам, күөххэ көстүөм (Буду я на земле, на виду у солнца)», «Санньыйы курус Муорам иитин... (Печальное грустное Море...)» и др.).

На общем фоне лирической книги стихов Сем. Данилова выделяется стихотворение «Киһи олобо (Жизнь)». Глубокий содержательный аспект оформленных мыслей определяет образно-смысловую периферию книги, основанной на философских рассуждениях дидактического характера о жизни, бытии:

*Кырдыабастар, санньыйа,
Мыыналлара үйэлэрин:
– Киһи күн анныгар –
Хонор хоноһо! – диһллэрэ.
<...>*

*«Киһи олобун түмүгэ –
Өлбөт өй өрөгөйө».
Ол иһин күһүн күнүгэр
Мин сүрэбим өргөйөр.*

И в ранней юности, и позже
Я слушал речи стариков:
«На свете каждый – лишь прохожий,
Погостевал – и был таков!»

А осенью, в дни увяданья,
Когда листва летит, звеня,
Исполненное состраданья,
Добреет сердце у меня...

(Пер. И. Фоякова)

Например, в стихотворении «Кэм кирбиитэ (На рубеже времен)» объектом размышлений авторского «я» является проблема дуализма бытия, где ключевым образом выступает философская категория времени. Драматизм образных оппозиций «рождения» и «смерти» усиливает эффект психологизма в тексте.

Образ времени является доминирующим абстрактным образом итоговой книги Сем. Данилова. Реализуется специфичный концепт «времени», включающий в себе следующую систему ключевых понятий – кэм ‘время’, бириэмэ ‘время’, үйэ ‘век’, түгэн ‘миг’, кэрдиис ‘отрезок’, сыл ‘год’, хонук ‘день’, түүн ‘ночь’, киэһэ ‘вечер’ и др. Глубинные особенности мировосприятия лирического субъекта Сем. Данилова в итоговой книге осмысливаются через призму категории времени. Печальные воспоминания о прошлом, соотносящиеся с элегическим тоном переживаний, также характерны для лирики Л.А. Попова («Баттахпар кыһынгы кырыа (На волосах зимний иней)», «Кырдыы (Старость)» и др.). Этические аспекты проблемы жизни и смерти как вечной темы духовной культуры сосредотачиваются в лирике Сем. Данилова и Л. Попова вокруг идеи «смерть – не конец жизни». В истории якутской литературы элегия, как особый жанр лирической поэзии, находит свое дальнейшее развитие именно в 60–70-е гг. (Баал Хабырыыс, Сем. Данилов, Л. Попов, В. Потапова, Д. Дыдаев).

Цепочку опорных художественных текстов продолжает стихотворение «*Мин дьбылым хонуктара* (Мой календарь)». Оригинальность авторского видения выражается в образных интерпретациях, где определенные этапы жизни лирического героя соотносятся с календарными месяцами. Например, *тохсунньу* 'январь' символизирует начальный этап жизни лирического героя:

*Тохсунньум – мин оҕо сааһым –
Тоһуттар аас тымныылааба,
Ол оннугар мин олунньум
Олус сылаас быһыылааба.*

Жизнь моя – как большой календарь,
Коль внимательней к ней приглядеться.
Был отменно суровым январь –
То есть: было нелегкое детство.

Но зато уж потом, в феврале
Сразу оттепель вдруг подоспела <...>

Поэтизируются месяцы февраль, март, апрель, май, июнь и др. При характеристике конкретных этапов жизни лирического героя в первую очередь автором учитывается природная специфика времен года. Базовым аспектом является циклическая система кругооборота жизни с выраженной акцентировкой «начала» и «конца». Концепт «итоговости» в заключительной части стихотворения переплетается с проявленным желанием лирического героя продлить годы жизни:

*Миэнэ сэттинным, ахсынньым –
Мин кырыыстаах ыйдарым –
Уһуохтарын баҕарабын
Өһөс сахалыы санаабар.*

Мой ноябрь, декабрь! Ни листы,
Ни цветов – лишь метелица злится...
Пусть не лучшие месяцы вы –
Постарайтесь подольше продлиться!
(Пер. И. Фонякова)

Фокусирование переживаний лирического Я вокруг идеи «конца» естественным образом формирует мысли о «начале». В этом аспекте у лирического героя возникают счастливые воспоминания о гармонии детства («*Оҕо сааһым ырыата* (Песня моего детства)»), молодости («*Мин эдэр эрдэхпинэ* (Когда я был молодым)»), о первом стихотворении («*Бастакы хоһоон*

(Первое стихотворение)»). Циклическое движение времени вызывает у лирического героя чувство глубокой тоски – старость для него – время грустных воспоминаний о прошедшей юности. В диапазоне выражаемых лирических эмоций четко просвечивается эволюция авторского сознания, которая, к примеру, находит свое отражение в специфике перевоплощения образа Музы («*Саастаах Муузаам!...*(Моя состарившаяся Муза!...)»). По истечении времени авторское «я» Сем. Данилова все чаще концентрируется на проблеме возраста, на воспоминаниях о прошлой жизни. Значительной содержательной и эмоциональной нагрузкой обладает стихотворение «*Кэм кэрдии күһэйэн...* (Время заставляет...), «*Санньыйы курус Муорам итин...* (Печальное грустное Море...)».

Мысли о кратковременности и бренности всего земного достигают в стихотворениях особой остроты. Рассуждения лирического субъекта о разрушительном воздействии времени вызывают грустные эмоции, волнующие до глубины души. Аналог завершающего, итогового периода в жизни лирического героя мотивирует, таким образом, раскрытие элегического типа лирического «я». Наблюдается сосредоточенность лирического «я» на времени и его значении для него, обуславливаемая прежде всего жанровым своеобразием элегии. В стихотворениях этой группы зачастую наблюдается тенденция к философским рассуждениям дидактического характера. Раздумья лирического героя в основном связаны с размышлениями о смысле жизни, судьбе, предназначении. Своеобразие поэтического «я» Сем. Данилова заключается в способности психологически самоуглубиться и интерпретировать проблемы бытия в тонкой ноте философского и медитативного анализа. Характерная философичность поэзии Сем. Данилова определяется тонким психологическим ракурсом переживаний авторского «я», сосредоточенных на раскрытии обобщенной идеи «жизнь / человек». В этом отношении поэзию автора условно можно соотнести к «поэзии мысли», где важен именно эмоциональный уровень восприятия лирических переживаний. Здесь важен содержательный, смысловой аспект выражаемых эмоций.

Присущий лирике Сем. Данилова психологический аспект переживаний наблюдается и в

произведениях современников поэта – Л. Попова и И. Гоголева. Идентичность самовыражения авторского «я» поэтов проявляется в лирическом психологизме глубокого философского и медитативного склада. Объектом размышлений лирического «я» становятся идейно-тематические ориентиры о сущности бытия, о смысле жизни, предназначении человека, интерпретированные в ноте философских раздумий. Лирические переживания поэтов изумляют глубиной и философичностью мысли, содержательностью и масштабностью видения. Гармоничное сочетание содержания и формы произведений позволяет выразить объемную, концептуальную мысль в краткой и лаконичной форме. Типологическое родство авторского «я» Сем. Данилова, Л. Попова и И. Гоголева заключается в способности психологически самоуглубиться и интерпретировать проблемы бытия в тонкой ноте философского и медитативного анализа.

В процессе компоновки книги, как художественного целого, значительную роль играет финальное контекстное объединение. Так, в структуре книги можно выделить концевой комплекс стихотворений – «*Сааһырдах аайы санаа ыарыыр* (С возрастом все тяжелее становятся мысли)», «*Өлүүнү өйдөөбөппүн* (Не понимаю смерть)», «*Ытыллыбыт ох курдук* (Как выпущенная стрела)». Автор сознательно расставляет тексты в конце книги, усиливая и подчеркивая содержательный эффект итоговой книги. Так, динамика мыслей лирического Я, разворачивающаяся устойчивую систему мотивов, формирует стихотворение «Не понимаю смерть», датированное 14-м марта 1978 г. – за год до смерти народного поэта.

При всей трагичности и глубине выражаемых эмоций четко выдержан ритмический строй стихотворения (слог колеблется от 7 до 9), концевые рифмы, аллитерация. Автору удается совместить единство формального и содержательного. Неотвратимый процесс для любого живого человека формирует в сознании авторского «я» мысли, интерпретированные в тонкой ноте психологического уклада, которые вызывают противоречивые чувства боязни, страха перед смертью и неизвестностью... Это яркий пример воплощения уникального свойства ху-

дожественного образа лирики – *образа-переживания* – вызывать чувства и моментально проникать в глубинные черты человеческого подсознания. По сути в этом и состоит парадоксальность теории «нераздельности» и «неслиянности» автора и лирического героя (терминология С.Н. Бройтмана) в произведениях лирического рода литературы. Сем. Данилову мастерски удастся интерпретировать важнейшие вопросы законов бытия, художественное преломление которых происходит посредством удачной поэтизации образов лирики.

Немаловажное значение имеет финальное произведение. Аспекты восприятия мира лирическим субъектом, мотивированные завершающим периодом жизни, поэтизируются в финальном стихотворении «*Ытыллыбыт ох курдук* (Как стрела, выпущенная из лука)». Такое образное сопоставление, «как выпущенная стрела», свидетельствует об устойчивом, твердом характере лирического героя, готового к борьбе, противостоянию. Образ стрелы на модальном уровне ассоциируется с яркостью, мгновенностью. При образной характеристике своей жизни автор-герой находит именно такое акцентное сопоставление. Нацеленная компоновка текста в финале логически завершает выраженные переживания в книге и формирует ее композиционную цельность.

Отмеченные выше стихотворения – это основной корпус произведений, позволивший создать внутреннее единство итоговой книги. Каждое стихотворение выступает как часть целого в общей концепции книги. Формируется композиционная цельность, которая проявляется на уровне устойчивой системы сквозных мотивов, ключевых образов, лексической системы. В первую очередь это продиктовано авторским замыслом создания итоговой книги стихов – книги-завещания. Это не простая подборка стихотворений последних лет, структура книги в жанровом аспекте представляет собой целостность, которую можно рассматривать в единстве многочисленных факторов. Одним из основных структурообразующих факторов создания единой авторской концепции в книге является особый тип субъекта – образ лирического героя, который выступает в качестве объекта для отдельного исследования.

Литература

Данилов Сем. П. Айаным аргыстара. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – 207 с.

Данилов Сем. П. Сэргэлээххэ көмүс ардах. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 216 с.

Мирошникова О.В. Лирическая книга: архитектура и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века). – Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. – 140 с.

Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 339 с.

Рогова Е.Н. Элегический модус художественности в литературном произведении: лис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 178 с.

Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной...: (Система пейзажных образов в русской поэзии). – М.: Высш. шк., 1990. – 302 с.

Е.М. Efremova

**“Golden Rains of Sergelyakh” Sem. P. Danilov: the final book of poems
(Genre-architectonic features)**

The article reflects the results of the study of architectonics and poetics of the book of poems of the Yakutia national poet Sem. P. Danilov. “Sergeleheh kemus ardakh” (“Golden rains of Sergelyakh”), which is presented as a full-fledged author's, “primary”, polythematical, multi-component, monosubject book of poems. It is systemic and holistic, contextual character and defines the lyrical system of the author as an independent art education. It is also established that this edition is the most complete “final” projection of the lyric system of Sem. Danilov. The interaction of various genre beginnings in the publication (elegies, poems-dedications, poems) creates different semantic nuances in the dynamics of the book, which is based on the development of a single lyrical thought and polygenic thinking of the poet. A significant place in the genre aspect of the book is given the elegiac mode. The prevalence of elegiac experiences in the lyrics of the poet motivates the disclosure of philosophical reasoning didactic nature.

The article proposes a classical model for analysis the final book of poems as a special meta-genre applied to the poetry of Sem. Danilov. The analyzed edition is a vivid example of a sample the final book of poems in the Yakut literature, distinguished by a general collision, unity of the motive complex, systemic and hierarchical components.

Keywords: lyric poetry, lyrical text, book of poems, final book of poems, genre, meta-genre, architectonics, author's position, author's concept, author's “I”, lyrical subject, lyrical hero, individual style.

УДК 82.01:81'276.3

Ж.В. Бурцева

**Поэтика «женского текста»: гендерные аспекты
(на материале творчества Ариадны Борисовой)**

Статья посвящена осмыслению гендерных аспектов «женского текста» на материале романа «Божья отметина» Ариадны Борисовой. Роман интересен с точки зрения жанрообразующих доминант, на основе которых определяются типологические особенности женской прозы. Исследование жанровых процессов позволяет понять основополагающие принципы творчества, творческий метод и стиль, раскрыть интерпретации модели мира в произведениях, существенные тенденции развития жанровой системы.

В статье выявляются и раскрываются основные особенности поэтики «женского текста», такие, как тип авторского сознания, автобиографическая или мемуарная жанровая стратегия, специфический хронотоп, виды и типы психологизма, художественного конфликта, проблематика, интертекстуальность, телесность и другие.

Роман «Божья отметина» определен как социально-психологический, при этом в его рамках наблюдаются синтетические жанровые признаки женской прозы, семейной хроники, романа-жизнеописания, автобиографи-

© Ж.В. Бурцева, 2017

ческой прозы. Выявляется доминирующая стратегия творчества – трансформации традиционных жанров и создание на их основе новых жанровых модификаций.

Ключевые слова: женский текст, женская проза, поэтика, гендерные аспекты, жанровые особенности, жанрообразующие признаки.

Выделение таких понятий, как «женская литература», «женская проза», «женская поэзия», «женский текст», «женский тип письма», «женский язык» и «женский стиль», до сих вызывает живые дискуссии и споры. Часть критиков и литературоведов считают, что нецелесообразно выделять женскую литературу как отдельный художественно-эстетический феномен, как самостоятельную область словесности со своими закономерностями. Данные аргументы основываются на тезисе, что есть только хорошая или плохая литература, которая не может делиться по признаку пола, есть статус поэта или писателя, более того в литературе признаки деления более существенные, чем принадлежность к полу. И само слово «женская» в данном случае приобретает коннотацию «вторичного», «худшего», не имеющего права на лидерство и первичность. В этом смысле некоторые мужчины-литераторы отделяют женскую литературу от литературы вообще, а женщины-литераторы в свою очередь требуют уважения к себе как к писателям и поэтам, о чем говорили в свое время Анна Ахматова и Марина Цветаева.

Спорные вопросы связываются и с тем, что есть писательницы, чьи произведения невозможно отнести к женской литературе, отсюда следует, что если женщина способна создавать мужскую литературу, то, несомненно, мужчина – женскую. Для этого не обязательно быть женщиной, достаточно, чтобы главной героиней произведения была женщина и центральная проблематика так или иначе касалась женской судьбы.

Однако факт неутраченной полемики свидетельствует о том, что литература, создаваемая женщинами, все-таки имеет свои отличительные, специфические черты и, соответственно, имеет право занимать особое место, разрабатывать свой критический язык и социально-культурную историю. Здесь уместны слова Анны Ахматовой, произнесенные еще в 1958 г.: «Я научила женщин говорить», и ее творчество, действительно, несет в себе тайны женского психологизма.

Художественная оппозиция так называемых категорий феминности и маскулинности в современной литературе, на наш взгляд, как нельзя актуальна, помогает интерпретировать образы литературных героев, глубже раскрывать тип авторского сознания. Гендерные маркеры поэтики и типологии женского типа текста требуют новых принципов и ракурсов исследования на междисциплинарном уровне. Необходимо изучить конкретные закономерности на уровне мировосприятия и мироотражения как всей женской литературы в целом, так и отдельных ее представительниц, чтобы функционирование термина не строилось исключительно на основе гендерной общности, половой принадлежности.

Теория «гендера» способствует более глубокому пониманию произведения на основе гендерных идентичностей и особенностей, выявлению маскулинных и феминных качеств, а также их разделению и сочетанию в различных культурных сообществах. На сегодняшний день исследователи все больше говорят о дифференциации маскулинной, феминной и андрогинной (смешанной) женской литературы.

Нельзя не подчеркнуть, что концепция женского авторства, женских репрезентативных стратегий, определяемая по признаку пола, берет свои истоки из феминистской литературной критики, возникшей в 70-е г. XX столетия и получившей большое распространение в Западной Европе и США. Основной целью феминистской литературной критики является переоценка классического канона мужских литературных текстов с точки зрения женского авторства, женского чтения, женских стилей письма.

На сегодняшний день феминистскую литературную критику, как правило, делят на следующие основные составляющие: *женская литература* – акцент на пол автора; *женское чтение* – акцент на восприятие читателя; *женское письмо* – акцент на стиль текста; *женская автобиография* – акцент на содержание текста [Информационный портал «Женщина и общество»...].

Также различают три основных вида текстов: «женские» – написанные женщинами-авторами; «феминные» – написанные в стиле, культурно обозначенном как «женский»; «феминистские» – сознательно бросающие вызов методам, целям и задачам доминантного патриархального литературного и культурного канона [Elizabeth Grosz, 1995, p. 9–24].

Как известно, в русской культурной традиции повышение интереса к феномену женской литературы было связано с появлением в 70–80-х гг. таких талантливых поэтесс и писательниц, как Белла Ахмадулина, Татьяна Бек, Людмила Петрушевская, Людмила Разумовская, Татьяна Смертина, Татьяна Толстая, Людмила Улицкая, Виктория Токарева.

В якутской литературе женская литература получила свое стремительное развитие и художественную значимость, благодаря творчеству в 60-е гг. первой признанной якутской поэтессы Варвары Потаповой, в 70–80-е годы – Натальи Харламповой [Романова, 2014], Саргылааны Гольдеровой-Саргы Куо, Александры Григорьевой-Сандаарыйа, Марии Михайловой, Саргылааны Спиридоновой, Клары Васильевой, Люции Нестеревой, в 90-е г. – Ольги Корякиной-Умсууры, Натальи Михалевой-Сайа, Анны Парниковой-Сабарай Ильгэ, Венеры Петровой [Литература Якутии XX века..., 2005]. На наш взгляд, характерные черты женской прозы с ярко выраженным феминным типом хорошо прослеживаются на примере творчества Ариадны Борисовой, автора многих рассказов, повестей, романов, отмеченных престижными литературными премиями. Ее роман «Божья отметина» интересен с точки зрения жанрообразующих доминант, на основе которых определяются гендерные аспекты поэтики женского текста:

1. Тип авторского сознания. В романе воспроизводится мир глазами женщины, раскрываются трагические, противоречивые стороны в её жизни, и с этим связываются основные философские рассуждения в произведении.

В центре внимания – судьба и жизнь главной героини Изольды Готлиб. Она не просто тип героя-женщины, но выразитель авторской идеи. Через ее мысли, переживания, поступки, взаимоотношения с людьми автор передает особенный взгляд на мир, поднимает сложные вопро-

сы, связанные с тяжелой женской судьбой, долей, любовью, мечтой, счастьем, материнством.

Автора интересует гендерная роль главной героини, и это подчиняет себе поэтику произведения. Роман можно назвать *романом-биографией* или *романом-жизнеописанием*.

2. Автобиографическая или мемуарная жанровая стратегия. В романе воссоздается нарративная хронологическая последовательная модель времени. Сюжет построен на основных и типических моментах всякого жизненного пути человека: рождение, детство, учеба, судьба, любовь, испытания. Текст характеризуется ретроспективной перспективой повествования, фиксацией точки повествования, актуализацией времени рассказывания. Но при этом границы между прошлым, настоящим и будущим одновременно размываются, стираются и хронотоп романа переносится в вечное настоящее, создавая впечатление, что все события происходят «сейчас».

Данная характеристика напрямую свидетельствует о *биографической форме* повествования. При этом традиционная автобиографическая парадигма «прошлое – настоящее» заменяется цельным синтетичным временем и категорией памяти.

3. Специфический хронотоп. Данный роман структурно представлен в форме четырех временных пластов: «времени первом», «времени втором» и т.д., и такая пространственно-временная концепция становится средством познания сущности бытия. Четыре времени года – четыре сезона и четыре поры в жизни женщины, подобные четырем временам года во всей их естественной красоте. Жизнь начинается с весны. И в это время закладывается фундамент всей жизни. Автор также подчеркивает календарную культуру якутов, где годы отмеряют веснами. Второй сезон начинается примерно с двадцати одного года, символизирует лето, и в эту пору выполняется главное предназначение – стать матерью. С третьим осенним сезоном начинается вторая половина жизни. А зима завершает путь через все сезоны.

Автор включает в повествование категорию памяти или воспоминания, при этом время в жизни человека мыслится как смена одного типа восприятия мира другим на уровне чувственного проживания жизни, взросления чело-

веческой души: «..а время, какое бы оно ни было, всегда хорошие отметины в человеке обнаруживает, вот только не сразу видны они» [Борисова, 2006, с. 78].

4. Повышенная злободневность, экспрессивность в описании жизни. При этом идея заключается как в психологическом переживании и преодолении описываемой ситуации, так и в том, какие уроки герои извлекают из нее. Одна из особенностей состоит в том, что женская проза – это всегда проза о жизни, в которой автор описывает жизнь в различных *документально-бытовых подробностях*, драматические ситуации, в которых с *глубоким психологизмом* показывает внутренние состояния героев.

Итак, центральная черта – это психологизм. В романе выявляются следующие приемы психологизма: а) внешние проявления внутренней жизни героя; б) психологический портрет героя; в) изображение внутреннего мира героя «извне», через психологический анализ, портретные характеристики, так называемый скрытый психологизм; г) метафорическое описание душевного состояния; д) поток сознания (как разновидность внутреннего монолога); е) сон как душевный кризис, как предчувствие, приводящий к перелому во внутренней жизни человека.

Для психологического типа романа характерно погружение во внутренний мир героя, что и способствует развитию драматического начала и усилению драматизма при раскрытии характера героя, его конфликта с миром или с самим собой.

5. Специфический художественный конфликт, определяемый как *гендерный*, – конфликт гендерной картины мира. В романе можно выделить два вида художественного конфликта: *внешний*, основанный на столкновении героини с окружающей действительностью (другими словами, *социальный*), и *внутренний* (или *психологический*) конфликт, который происходит в душе героини и передает ее внутреннее состояние.

События окружающей действительности в романе являются материалом или поводом для размышлений героев, импульсом к рассуждениям и так или иначе соотносятся с внутренним миром героев.

Автор развивает тему отчуждения человека от общества, исторический фон представлен

как конфронтация личности героев и общественно-политических проблем. Поднимается еврейский вопрос, тема сталинских репрессий, трагизма и разочарования в жизнях отдельных людей в послевоенные, советские годы.

Автор показывает социально-психологические, социально-культурные, нравственные проблемы жизни и истории, при этом концентрирует внимание на личной жизни человека. Социально-историческая панорама событий лишь помогает глубже раскрыть болевые точки человеческой души.

Основной социальный конфликт здесь, который можно назвать и сюжетообразующим, проявился в столкновении героини с несправедливым ложным обвинением в воровстве, в результате чего она, будучи беременной, попадает в тюремное заключение.

Изольда испытывает на себе ужас и цинизм карательной государственной системы, проходит все тяготы заключения, рождает сына и в состоянии полнейшей подавленности и отчужденности совершает самую страшную ошибку – отказывается от ребенка. Эта роковая ошибка оказывается наказанием длиной в жизнь, которую Изольда посвящает поискам ребенка.

Писательница показывает внутренний мир человека в исключительно сложных жизненных обстоятельствах, проследивает, как происходит деформация личности под влиянием среды и как она вынуждает совершать непоправимые ошибки.

Автор идет от социальных конфликтов к личным, психологическим, а затем к общечеловеческим, общебытийным, когда все события и сложные экзистенциальные вопросы бытия сосредотачиваются в душе одного человека.

Поднимается тема женской доли, роковой судьбы, женщина выступает в роли так называемого в литературоведении травматического субъекта или субъекта боли. И, конечно, главный конфликт, составляющий причину страданий женщины, заключен в болевых точках взаимоотношения полов. Словами главной героини обозначена основная концепция женской литературы – есть мир женщины, отличный от мира мужчины: «Настоящим на этом, лишенном всякого смысла, свете был только параллельный мужской мир за оградой, населенный большими независимыми людьми, шагающими мимо вины

и прощения, мимо страданий и слез, мимо, мимо..» [Борисова, 2006, с. 107].

Даже появление на свет сына вызывает у героини облегчение, что он хотя бы не будет знать женских мучений, не совершит безумных женских ошибок.

6. Один из маркеров женской прозы – «нелогичность» поведения героини, а именно: углубление в психологические стороны женской души с точки зрения противопоставления мужской последовательности или рассудительности.

Бесспорно, по мнению исследователей, что «наиболее гендерным, отражающим социально-биологическую специфику пола концептом является любовь, которая собственно и пробуждается половой дифференциацией людей» [Воркачев, 2004, с.189].

Характерно, что любовь в женских текстах часто предстает как некая роковая ошибка, болезнь, наваждение, горькое счастье. В данном произведении тема любви раскрыта как одновременно трагический, но и счастливый момент в жизни героини, когда Изольда проявила несвойственные общепринятой морали и системы ценностей порывы. Вместе с тем автор показывает возможности силы характера и воли женщины, её способность выжить в хаосе.

Автор освещает все стороны жизни без ограничения, описывая, например, ее физиологические аспекты, натурализм процесса родов, что можно назвать чертой *реализма и бытовой прозы*.

7. Телесность художественного образа, заключающаяся в том, что он предстает в более «материальной» или «натуральной» оболочке. Автором выпукло показаны гендерные доминанты внутреннего и телесного мира женщины, воссозданы художественные интерпретации образов мужчин с точки зрения женского восприятия. Это ведет к специфичной проблематике, раскрытию ранее табуированных тем, к углублению в частную жизнь героев.

8. Интертекстуальность. Так, например, название романа отсылает к аллюзиям и реминисценциям, открывая проблему для размышления. «Божья отметина» приобретает неоднозначный и обобщенный смысл, олицетворяет «знак», «метку» как женский жребий, женскую судьбу, долю, в которой есть место как уничтожительно-

му страданию, так и превосходству и величию. «Ты – женщина, ты такой вид человека, который Богом помечен. Неси себя гордо и не плачь. Ни один на свете мужик не стоит твоих слез» [Борисова, 2006, с. 69].

9. Духовный поиск. Способность человека различать добро и зло составляет основу нравственности. Женщина всегда является носителем высоких нравственных идеалов, несмотря на все противоречия в ее судьбе. Одна из сюжетных линий связана с жизнью простой якутской деревенской семьи Майис и Степана, моральные качества и поступки которых позволяют осмыслить, что механизмы взаимоотношения человека с миром людей и природы кроются в привязанности человека к родной земле, в народной мудрости. Эти герои вобрали в себя лучшие качества национального характера, для них родная земля – это и источник жизни, и дом, и связь поколений, и отношение к людям и к самому себе. Нравственная концепция романа соответствует представлению Майис, что люди делятся на две «нации» – хорошие и плохие люди. В основе их семьи лежат любовь, согласие и взаимопонимание. Писательница стремится показать, что семья как неразделимое единство мира мужского и мира женского оказывается единственно возможной гармонией для человека.

10. Особенности языка, которые характеризуются стремлением передать нюансы внутренних размышлений героев, собственное отношение к окружающей действительности на уровне души, сердца, интуиции. В женском речевом поведении доминирует эмоционально-экспрессивный аспект речевого процесса. Диалогические сцены раскрывают взаимоотношения и характеры героев, их мировоззренческие позиции, мимические изменения, жесты, гиперболизацию. Роман проникнут единством мысли, высказанной героями романа, что «человеческая психика – субстанция темная, загадочная...».

Таким образом, жанровая структура романа «Божья отметина» включает в себя элементы различных типов в пределах одного жанра. В результате роман определен как социально-психологический, содержащий в себе жанрообразующие признаки женской прозы, семейной хроники, романа-жизнеописания, автобиографической прозы.

Литература

Борисова А. Божья отметина. – Якутск: Якутия, 2006.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурологический концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Информационный портал «Женщина и общество» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/004t.htm>.

Литература Якутии XX века: историко-культурные очерки. – Якутск: АН РС (Я), 2005.

Романова Л.Н. Поэзия Натальи Харлампьевой. Динамика лирической книги стихов. – Новосибирск: Наука, 2014.

Elizabeth Grosz. Space, Time, and Perversion. Essays on the Politics of Bodies. – New York and London: Routledge, 1995.

Zh.V. Burtseva

Poetics of the “female text”: gender aspects (based on the work of Ariadna Borisova)

The article is devoted to the comprehension of the gender aspects of the “female text” based on the novel “God’s mark” by Ariadna Borisova. The novel is interesting from the point of view of genre-forming dominants, on the basis of which typological features of women's prose are determined. The study of genre processes allows us to understand the fundamental principles of creativity, the creative method and style, to reveal the interpretations of the world model in works, the essential tendencies of development of the genre system.

The article identifies and describes the main features of the poetics of the “female text”, such as the type of author's consciousness, autobiographical or memoir genre strategy, a specific chronotope, types and types of psychology, artistic conflict, perspectives, intertextuality, physicality and others.

The novel “God’s mark” is defined as socio-psychological, while in its framework there are synthetic genre signs of women’s prose, family chronicle, novel-biography, autobiographical prose. The dominant strategy of creativity is revealed - the transformation of traditional genres and the creation on their basis of new genre modifications.

Keywords: female text, female prose, poetics, gender aspects, genre features, genre-forming features.

УДК 82-7:371.686

А.Е. Григорьева

Национальный юмор в контексте мирового кино (на примере анализа французской и американской кинокомедий)

Статья посвящена сравнительному анализу особенностей национального юмора в комедийных фильмах производства США и Франции. Известно, что американский кинематограф ввел практику создания ремейков фильмов из разных стран и значительное место в этом списке занимает Франция. При создании ремейка любой кинодеятель из США всегда учитывает национальные особенности и традиции своей культуры. Данное обстоятельство побудило нас к исследованию особенностей национального юмора и способов создания юмористического эффекта в комедийных фильмах. Материалом для анализа послужили знаменитая французская комедия «Le Jouet» (1976) и ее американский ремейк «The Toy» (1982). В работе используются такие методы исследования, как сравнительный анализ и метод логических обобщений. В статье дается определение понятия «национальный юмор», и особое внимание уделяется языковым средствам создания комического эффекта. В результате исследования представлен примерный список различий и сходств между американским и французским национальным юмором. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что национальный юмор каждой культуры имеет свои уникальные особенности, а также языковые и вербальные средства его реализации.

Ключевые слова: национальный юмор, Франция, США, комедия, кинематограф, ремейк, сравнительный анализ, культура, особенности, ситуация.

© А.Е. Григорьева, 2017

Современная практика общения характеризуется процессами глобализации во всех областях человеческой жизни и деятельности и приводит к увеличению международных контактов. Успешная коммуникация с представителями разных стран предполагает знание и оперирование понятиями, отражающими национальную культуру и мировоззрение представителя того или иного народа. И к этим понятиям, безусловно, необходимо отнести и особенности юмора.

Юмор, прежде всего, представляет собой некое средство передачи мыслей и чувств, не только положительных, но и достаточно часто – отрицательных, которые не принято открыто выражать в обществе. В социальном взаимодействии совместное понимание юмора помогает устанавливать и поддерживать социальные отношения. Лингвисты и психологи также утверждают, что юмор является социальным инструментом, позволяющим эффективно снимать психологическое напряжение и улучшать взаимоотношения. Несомненно, юмор является средством социализации [Числова, 2013]

Говоря в целом о функции и роли юмора в обществе, о его взаимосвязи с человеком, крайне важно учитывать то, что каждый человек несет в себе национальный менталитет, видение мира, свойственное его народу и этнокультуре. В то же время он сталкивается с другим складом мышления и логикой мировосприятия, которые выражены в менталитете представителя другой этнокультуры. Изучение культуры любой страны обязательно предполагает изучение национального юмора и вербальных средств его выражения. Национальный юмор обусловлен территориальными границами стран и регионов, а также менталитетом этноса человека. В зависимости от места, где человек родился и вырос, а также от национально-культурных традиций, складывается как психический склад его характера, так и комедийное восприятие окружающего мира. Превалирующее количество исследователей проблемы признают, что чувство юмора является одним из первостепенных элементов национального характера, что дает возможность отделить человека от представителей других культур и идентифицировать его как часть нации. [Сычев, 2003]

Юмор затрагивает практически все направления, которые имеют отношение к изучению

человеческого поведения, в том числе и кино. В современном обществе кинематограф вне всяких сомнений является одним из главных способов проявления тех или иных форм юмора. Безусловными лидерами по созданию комедийных фильмов, получивших мировое признание, считаются Франция и США.

Понятия «Франция» и «комедия» практически синонимичны: французские комедийные фильмы изначально пришлись по душе зрителям по всему миру. В свою очередь, кинематограф США, давно ставший прибыльным бизнесом, ввел в практику создание ремейков наиболее знаменитых и кассовых кинофильмов, произведенных в других странах. Французские фильмы, в том числе и комедии, традиционно занимают в этом ряду значительное место. Покупка прав для адаптации – нормальная и устойчивая практика. Однако, создание абсолютно идентичной копии невозможно, так как создатель вкладывает в фильм национальный колорит, свою культуру, традиции, особенности общества. В противном случае, при полном переписывании сюжета фильм может быть обречен на провал, учитывая то, что будущий фильм в первую очередь будет направлен на зрителей той страны, где он был снят.

Для того, чтобы выявить особенности национального юмора в контексте мирового кино, в рамках нашего исследования были проанализированы знаменитая французская комедия «Le Jouet» (1976) и американский ремейк «The Toy» (1982), который представляет собой ее точную копию. Фильм рассказывает о том, как избалованный сын одиозного миллионера купил в магазине живого человека в качестве игрушки. Поддавшись на уговоры, журналист Франсуа Перрен согласился пожить в доме миллионера, чтобы развлечь его сына. Никто тогда не подозревал, что в конце он станет для мальчика лучшим другом. Решив повторить успех ленты, американцы пересняли «Игрушку», заменив журналиста-неудачника Франсуа на чернокожего писателя Джека Брауна.

В результате анализа фильмов были выявлены следующие особенности.

В первую очередь, следует говорить о ситуационном юморе, который, как известно, характерен именно для американских комедий. Комический эффект достигается посредством физи-

ческих действий: например, когда герою фильма швыряют в лицо торт или пирог, а затем все остальные люди начинают кидать друг в друга еду. Или, когда героев в вечерних нарядах сталкивают в бассейн. Все испорчено, и все смеются. Так, в американском фильме «The Toy» весь комизм построен на ситуационном юморе: в лица гостей летят пироги, главные герои срывают юбки с женщин, сбивают с ног людей на игрушечной машине, и получают громадное удовольствие от процесса.

Российский исследователь В.И. Шаховский в статье «Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты» характеризует американцев как добродушный, открытый, жизнерадостный народ, способный не только на ежедневные бодрые «Have a nice day или «Take it easy», но и на довольно отталкивающие, эмоциональные истерики. [Шаховский, 1996] Так, герои фильма «The Toy» чрезвычайно темпераментны и не сдерживают своих эмоций: они кричат и визжат, рыдают при людях, кидаются в объятия от переизбытка чувств и т.д.

Что касается французской комедии «Le Jouet», главный герой Франсуа Перрен тоже постоянно попадает в щекотливые ситуации. Однако, в ответ на его выходки, люди остаются совершенно спокойными и невозмутимыми. Подобная сдержанность свидетельствует о том, что французы крайне не любят публичных скандалов, и предпочитают выходить из конфликтных ситуаций с помощью остроумной шутки или иронии.

Например: Франсуа пригласил банкира в ресторан, не имея с собой денег. В ответ, тот не стал громко возмущаться и лишь раздраженно заплатил за обед.

Banquier: Bonne et bien. Je vais payer.

François: Et non, c'est moi qui vous invite.

Banquier: M'inviter avec mon argent, vous êtes trop aimable.

Банкир: Хорошо, я сам заплачу.

Франсуа: Нет, это же я вас пригласил.

Банкир: Приглашать за мои же деньги? Очень мило.

Следующий пример. Франсуа с раздражением наблюдает, как прислуга в доме президента разглядывает его с большим любопытством:

François: Il y a combien employés dans cette maison?

Femme de chambre: 14, Monsieur.

François: Et vous allez venir me regarder comme ça les uns après les autres. On peut organiser une séance collective, non?

Франсуа: Сколько служащих в этом доме?

Горничная: 14, мсье.

Франсуа: Вы по очереди будете на меня смотреть? Может, устроим коллективный сеанс?

Герои американского ремейка «The Toy» отличаются прямоотой и откровенностью и именно на этом построено большинство комических ситуаций в фильме. В данном примере Джек, впуская в дом мистера Морхауса, в шутку делает откровенное предложение.

JACK: Come in, Mr. Morehouse. We were about to make love. You can join in.

Джек: Заходите, м-р Морхаус. Мы собирались заняться любовью. Вы можете присоединиться.

Рассуждая о прямооте американского народа, нужно помнить о главном уставе жителей США – свободе слова, которой наделен любой житель Америки, независимо от пола, расы, социального статуса и т.д. Основой этому служит убежденность в том, что каждый гражданин США имеет право выражать свое мнение, при этом не опасаясь наказания со стороны правительства. Считается, что такая тенденция обеспечивает самостоятельность и свободу, которые гарантируют эффективность управления государством и социальную стабильность.

Именно поэтому, в отличие от сдержанного Франсуа Перрена и других подчиненных в комедии «Le Jouet», герой американского фильма «The Toy» не боится открыто выражать свое недовольство и конфликтовать с самим президентом компании. Так, в разговоре с мистером Ю.С. Бейтсом, Джек сам назначает условия оплаты за свой труд.

Mr. Bates: All right, what do you need?

Jack: I need? Ten thousand dollars. Let's start at a thousand. We'll work our way up.

Mr. Bates: A thousand is highway robbery.

Mr. Bates: A thousand five hundred.

Mr. Bates: That's a deal.

Jack: Two thousand.

Mr. Bates: Now, wait a minute. We had a deal.

Jack: Two-five.

Mr. Bates: All right, but for that kind of money, if Eric blows his nose, you wipe it.

Jack: Three thousand.

Mr. Bates: I wonder if Eric knows what kind of a bastard he's getting.

Мистер Бейтс: Хорошо, что вы хотите?

Джек: Что мне нужно? 10000 долларов. Давайте начнем с тысячи и будем постепенно повышать.

Мистер Бейтс: Тысяча долларов это просто грабеж.

Джек: Тогда 1500 долларов.

Мистер Бейтс: По рукам.

Джек: Две тысячи долларов.

Мистер Бейтс: Минутку, мы же договорились!

Джек: 2500 долларов.

Мистер Бейтс: Хорошо, но за такие деньги, если Эрик высморкается, вы подотрете ему нос.

Джек: 3000 долларов.

Мистер Бейтс: Интересно, знает ли Эрик, с каким жуликом он связался?

Во французском оригинале «Le Joueu» Франсуа, в отличие от прямолинейного Джека Брауна, не осмеливался перечить президенту. Свое недовольство он мог высказать только подчиненным или сыну мсье Рамбаль-Коше. Стоит добавить, что все подчиненные также побаивались президента и беспрекословно выполняли любые поручения.

В отличие от французской комедии, в американском ремейке «The Toy» отношения между президентом и его подчиненными гораздо непринужденнее. Так, прислуга спокойно чокается бокалом с самим Ю. Бейтсом или в ярости хлопает дверью в его кабинете.

Следует отметить, что во Франции, как и в любой другой стране, частым объектом для шуток становится политика. Жители Франции высмеивают правительство или известных политических личностей в безжалостной политической карикатуре или пародиях, изображенных, например, на страницах известного французского еженедельника «Charlie Hebdo» [Кащук, Крупко, 2009]. Так, например, в конце комедии «Le Jouet» Франсуа Перрен вместе с Эриком под лозунгом «Игрушки президента Рамбаль-Коше» выпускает сатирическую газету, где, наконец, разоблачает деспотическое правление президента и его эксцентричные выходки.

Склонность американского юмора к преувеличениям, к некоторому гротеску, отмеченная

рядом исследователей, также присутствует в фильме «The Toy». Подобным образом герои, в частности сам Джек, выражают искреннее восхищение или возмущение.

Jack: Hey, a quarter. I'm gonna buy a car with this.

Джек: Ого, 25 центов. Я куплю себе машину на это.

Mr. Bates: Well, Rasputin, what's next?

Eric: I want to go back to school.

Mr. Bates: What's wrong? Are you disappointed because I didn't drown

Мистер Бейтс: Ну, Распутин, что дальше?

Эрик: Я хочу обратно в школу.

Мистер Бейтс: Что случилось? Ты разочарован тем, что я не утонул?

Национальный юмор в обеих странах – США и Франции – зачастую выходит за рамки позволенного и переходит в абсурдный черный юмор.

Woman: I got two dogs.

Jack: Bring them down. We'll barbecue them.

Woman: I'll do that. You can eat them.

Jack: You're lucky you didn't say you had a kitty.

Женщина: У меня 2 собаки.

Джек: Так приведите их сюда. Мы сделаем из них жаркое.

Женщина: Я так и сделаю. Вы можете их съесть.

Джек: Вам повезло, что у вас не котята.

François: Il y a eu un grand accident de chemin de fer aux États-Unis, Coco. Tu mets sur le coup.

Eric: Pas aux États-Unis, il faut que ça se passe en France.

François: Pourquoi?

Eric: Papa dit toujours pour intéresser les lecteurs il faut des morts français.

Франсуа: Произошла железнодорожная авария в США, Коко. Ты наводишь справки.

Эрик: Не в США. Это должно быть во Франции.

Франсуа: Почему?

Эрик: Папа говорит, чтобы заинтересовать читателя нужны французские трупы.

В дополнение к вышесказанному следует сказать, что каждый народ выбирает различные темы для смеха. В Америке, несмотря на обширность тематики, в настоящее время существуют определенные темы, при высмеивании которых у американцев принято быть сдержанными: различие рас, цвет кожи, вероисповеда-

ние и национальность. Это можно объяснить тем, что практически каждый житель Америки непременно имеет предков, родственников и друзей различного происхождения. Но, как известно, фильм был снят в 80-е годы прошлого века, когда на территории США произошли события, связанные с решением проблемы расизма, и общество только начало приходить в себя после серьезных переломных моментов. Можно предположить, что именно этим изменениям посвящено большинство высказываний и шуток главного героя.

Jack: I can't be bought. This got settled in the Civil War. You can't have slaves.

Джек: Я не продаюсь. Это решили еще в Гражданской войне. Вы не можете иметь рабов.

Mr. Morehouse: What did Mr. Bates say?

Jack: He says I'm sexy and he loves the chicken.

Мистер Морхаус: Что мистер Бейтс сказал?

Джек: Он сказал, что я очень сексуальная. И он обожает курицу!

Продолжая вопрос о тематике американского юмора, можно утверждать, что наиболее популярной мишенью для высмеивания выступают женщины. В 70-е гг. в зарубежной историографии начался новый этап развития женской истории, тесно связанный со второй волной феминизма. Быстрое развитие экономики, появление новых технологий, непрерывный рост бюрократии, медицины и систем образования требовали активного участия женщин в общественной сфере [Нестерова, 2004]. Волна феминистского движения была воспринята в мужском обществе неоднозначно, и на этой почве возникли новые поводы для насмешек. Так, болгарский исследователь Станой Станоев утверждает, что рост роли женщин в обществе и «активность феминистских движений» положили начало анекдотам и шуткам о глупых блондинках; анекдотическая блондинка, по его мнению, обозначает женщину вообще [Бессонов, 2013].

Принято считать, что образ «глупой блондинки» впервые возник в сфере кинематографа, где главными героинями становились не наделенные интеллектом, но внешне привлекательные и обаятельные светловолосые девушки. Ярким примером для этого служит раскованная, вульгарная, глуповатая миссис Ю. С. Бейтс.

Mrs. Bates: U.S. come through that door, like the archangel Gabriel. And he lifted me out of all

that misery. And he give me new hair. And then he give me new boobs. And a mink coat. And a pink Continental. And a charge card at Neiman's.

Миссис Бейтс: Ю.С. вошел в эту дверь как архангел Габриэл. И он избавил меня от всех горестей. И дал мне новые волосы. А затем и новую грудь. И шубу из песца. И розовую "Континенталь". И кредитную карту в Ниманс.

Другой пример – это истеричная и похотливая гувернантка, которая только на первый взгляд казалась строгой и педантичной женщиной. На самом деле гувернантка откровенно приставала к Джеку Брауну с непристойными предложениями:

Mr. Brown. Now sit down for a minute. They're in the dryer, and they're all wet. Now tell me something. Are you brown all over? ... Mr. Brown, I'll make it pleasant. I will scrub your back. I will draw a bath for you.

М-р Браун, присядьте на минутку. Они лежат в сушилке, но еще мокрые. Скажите мне кое-что. Вы весь такой коричневый? М-р Браун, вам будет приятно. Я потру вам спинку. Я наберу вам ванну.

Несмотря на активизацию и продвижение идей феминизма в американском обществе в 1980-х гг., во многих кинокомедиях образ женщины представлен весьма далеким от идеалов феминизма. В современном кинематографе нелепые шутки по отношению к женскому полу воспринимаются как проявление мужского шовинизма, и, следовательно, недопустимы.

That's Fancy Bates. Wife numero three.

Jack: You think she's ready? For black experience.

Это Фэнси. Его третья жена.

Джек: Вы думаете она готова? К черной страсти.

Другой персонаж комедии Мистер Ю. Бейтс также демонстрирует недопустимое отношение к женщинам: так, он распускает руки на торжественном приеме, или говорит откровенные комплименты:

Mr. Bates: Greetings, senator! Greetings!

Senator: Oh, U.S., it's so good to see you. You remember Terry Gay? I sure do. My secretary.

Mr. Bates: You look good enough to eat.

Мистер Бейтс: Мои поздравления, сенатор

Сенатор: О, Ю.С., рад тебя видеть. Вы помните Терри Гай, мою секретаршу?

Мистер Бейтс: Разумеется. Вы выглядите так аппетитно.

Что касается французской картины «Le Jouet», мы видим полную противоположность раскованным американкам: это, например, изысканная, сдержанная мадам Рамбаль-Коше или хрупкая Николь Перрен. Вдобавок к этому, в фильме отражено учтивое и галантное отношение мужчин к женщинам, что доказывает отсутствие едких или грубых шуток в их адрес.

В целом, комедии «Le Jouet» и «The Toy» выставляют в смешном виде вседозволенность богатых чиновников, магнатов, а также трепет обычных людей перед ними.

В результате анализа фильмов «Le Jouet» и «The Toy» были выявлены основные различия и общие черты между французским и американским юмором, причем различий оказалось намного больше:

Персонажи американской комедии крайне темпераментны и не стесняются своих эмоций, в то время как французы в большинстве случаев остаются спокойными и невозмутимыми;

И в американской, и во французской комедии популярны нелепые ситуации, однако французы избегают публичных скандалов благодаря своему остроумию;

Американцы и французы абсолютно по-разному изображают женщин и отношение к ним.

«Черный юмор» популярен и в американском, и во французском юморе, причем американцы позволяют себе шутки на тему расизма.

В заключение, следует добавить, что национальный юмор каждой культуры имеет свои уникальные особенности, а также языковые и вербальные средства реализации. Продемонстрированные примеры реализации юмора во французском и американском фильмах позволяют в некоторой степени судить об особенностях восприятия тех или иных ситуаций и опыта представителей этих двух лингвокультур.

Литература

Бессонов И.А. Блондинка как персонаж современного анекдота // Фольклор XXI века: Герои нашего времени: сборник статей. – М., 2013. – С. 288–298.

Кацук С. М., Крупко А. Г. Особенности французского юмора // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 7. – С. 102–106.

Нестерова С.А. Образ английской и американской женщины в представлении современников (Последняя треть XIX – начало XX веков): Автореферат дис. ... канд. исторических наук. – Самара: Самарский государственный университет, 2004. – 21 с.

Сычев А.А. Природа смеха или Философия комического / науч. ред. д-р философ. наук Р.И. Александрова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 176 с.

Числова Н.М. Юмор как средство выражения радости в межкультурном общении // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 88–93.

Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты. // Языковая личность: культурные концепты: Сб. научных тр. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С. 80–96.

А.Е. Grigorieva

National humor in the context of world cinema (for example, analysis of the French and American comedies)

The article is devoted to the comparative analysis of national humor in comedy films made in the USA and France. It is known that the American cinematograph tends to create the remakes of the films from other cultures and France takes an important place in this list. In the creation of the remake, any filmmaker from the USA considers national features and traditions of his country. This fact prompted us to analyze the features of national humor and ways of creating humorous effect in comedy films. The famous French comedy film “Le Jouet” (1976) and its American remake “The Toy” (1982) serve as a material for analysis. The comparative analysis and method of logical generalizations are used in analysis. The work defines the concept of “national humor” and much attention is given to the language means of creation of comic effect. As a result, the article presents approximate list of differences and similarities between American and French national humor. The analysis leads us to the conclusion that each culture’s national humor is unique and has its own linguistic and verbal means of realization.

Keywords: national humor, France, USA, comedy, cinematograph, remake, comparative analysis, culture, features, situation.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ф.Н. Дьячковский

Всероссийская научная конференция «Письменность в контексте цивилизационной парадигмы»

23–24 марта 2017 г. в г. Якутске состоялась Всероссийская научная конференция «Письменность в контексте цивилизационной парадигмы», посвященная 125-летию со дня рождения первого якутского профессионального лингвиста, общественно-политического деятеля Якутии Семена Андреевича Новгородова и 100-летию выхода в свет первого якутского букваря «Сурук-бичик». Организатором выступил Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН при финансовой поддержке Министерства образования и науки РС (Я). В работе конференции приняли участие более 90 человек, среди них девять из других регионов РФ, представляющих четыре субъекта РФ (г. Уфа, г. Улан-Удэ, г. Новосибирск, г. Санкт-Петербург). В рамках конференции прошла выставка книг и документов о жизни и деятельности С.А. Новгородова, демонстрировались слайды «С.А. Новгородов в фотографиях и документах», подготовленные научной библиотекой ИГИиПМНС СО РАН, сотрудниками Музея истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина и сектора лексикологии института.

Конференцию открыла председатель оргкомитета конференции, врио директора ИГИиПМНС СО РАН, к. ф. н. Н.И. Попова, которая отметила большую значимость проведения данного меро-

приятия для развития языков и культур народов России. Со словами приветствия к участникам конференции обратились научный руководитель ИГИиПМНС СО РАН, д.и.н., профессор А.Н. Алексеев, замминистра образования и науки РС (Я), к.т.н. Ю.А. Шипицын, заместитель Председателя ЯНЦ СО РАН, д.э.н. А.А. Пахомов и руководитель Департамента государственной политики в области средств массовой информации и печати Министерства связи и информационных технологий РС (Я) Н.А. Молчанов. Рабочая часть конференции началась с доклада-презентации об истории появления и переизданий якутского букваря «Сурук-бичик. Оҕо ааҕар кинигэтининин», представленной главным научным сотрудником сектора грамматики и диалектологии ИГИиПМНС СО РАН, д.ф.н. Н.Н. Ефремовым.

Пленарные доклады были посвящены современным актуальным проблемам письменности малых языков РФ. Открыл серию выступлений доклад д. ф. н., проф. П.А. Слепцова «Историко-культурные и теоретические основы письменности С.А. Новгородова». Автор осветил исторические и социально-культурные условия в конце XIX и начале XX в. якутской провинции, которые способствовали появлению С.А. Новгородова, как создателя первого якутского алфавита и письменности, и подчер-

кнул, что С.А. Новгородов навсегда останется в истории якутского народа, прежде всего, как просветитель в подлинном и высоком смысле этого слова. Доклад «С.А. Новгородов и традиции петербургской филологической школы» д.ф.н., проф. Н.В. Покатиловой был посвящен вкладу С.А. Новгородова в развитие якутской письменности. Гость конференции, проф. кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), д.ф.н. А.А. Петров выступил с докладом «Великий Октябрь и создание письменностей на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Он отметил, что для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, как и для других народов СССР, победа Великой Октябрьской социалистической революции сделала доступным всеобщее бесплатное образование. С появлением письменности стало возможным и издание учебной литературы, газет, журналов и книг на родных языках, зародились новые национальные литературы. В образовательных учреждениях, школах, педучилищах и вузах стало возможным преподавание на родных языках. Г.А. Дырхеева, д.ф.н., проф., г.н.с. ИМБит СО РАН (Улан-Удэ) посвятила свое выступление проблемам нормализации в малых языках в социолингвистическом аспекте на материале бурятского языка. Она подчеркнула, что особенность языковой ситуации в Бурятии состоит в том, что, в отличие от многих малых языков России, бурятский имеет сильную поддержку в лице родственного монгольского языка. Нормы литературного языка нестабильны, динамичны, поэтому должны быть выработаны некоторые стандарты, относительно которых существуют варианты литературного языка, региональные и социальные диалекты. Поскольку характер нормализаторской деятельности зависит от конкретной языковой ситуации, конкретного языка, то для языков типа бурятского, который находится в постоянном контакте с крупным языком, такая деятельность должна быть постоянной.

О проблемах норм в современном алтайском языке рассказала А.Р. Тазранова, к.ф.н., с.н.с. Института филологии СО РАН (Новосибирск). Интереснейший обзор азбук и алфавитов, использовавшихся башкирами в XIX – начале XX в., пред-

ставила к.ф.н., зав. кафедрой башкирского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета Л.М. Хусаинова. Она отметила, что на данном этапе развития башкирского языка, башкирской письменности нет необходимости внесения каких-либо изменений, поправок в действующий алфавит. А для более точной передачи специфических звуков, возможно, следует ввести дополнения в орфографические и орфоэпические нормы современного башкирского литературного языка.

Работа второй части секции была посвящена актуальным теоретическим и практическим проблемам письменности, алфавита, орфографии, а также зарождения письменной литературной традиции. О ранней письменности якутов (I половина XIX в.) рассказал д.и.н., г.н.с. сектора истории Якутии ИГиИПМНС СО РАН А.А. Борисов, отметив, что хотя письменность в рассматриваемый период и получила ограниченное распространение, тем не менее имело место преподавание якутского языка в миссионерских целях. Миссионерская деятельность осуществлялась на якутском языке, на нем же велась личная и деловая переписка, на якутский язык осуществлялись переводы светских документов. Весьма интересную тему поднял д.и.н., проф. А.И. Гоголев о происхождении этнонима *saxa* с основой иранского *saka*, входившего в разную фонетическую вариацию в тюркские языки, которые были связаны с кыпчакским компонентом *-so*. А кыпчаки, сохранив многие традиции ранних кочевников посредством воздействия верхнеобской и сrostкинских археологических культур, донесли до позднего средневековья не только разновидности погребения с конем, но и многие материальные основы культуры пазырыкской эпохи.

Целый ряд докладов был посвящен роли научно-педагогической деятельности С.А. Новгородова в изучении таких аспектов якутского языка, как орфография, орфоэпия, диалектология. Прозвучали также доклады, посвященные вопросам якутской письменной литературной традиции и фольклора. Формат мероприятия позволял присутствующим активно участвовать в обсуждении докладов. В целом необходимо отметить, что первый день работы конференции прошел на хорошем полемическом уровне.

Второй день согласно программе предусматривал проведение круглого стола «Нацио-

Организаторы Всероссийской научной конференции «Письменность в контексте цивилизационной парадигмы» с гостями из других регионов РФ

нальная интеллигенция на переломе эпох: интеллектуалы, государство, власть» под руководством д.и.н., завсектором этнографии народов Северо-Востока России ИГиИПМНС СО РАН Е.Н. Романовой.

Основные проблемы, затронутые практически всеми участниками круглого стола, были связаны с общественно-политической деятельностью представителей первого поколения якутской интеллигенции в конце XIX – начале XX в., таких как, А.Е. Кулаковский, В.В. Никифоров-Кюлюмнюр, С.А. Новгородов, Н.Е. Афанасьев и др. Ряд докладов был посвящен роли С.А. Новгородова в просвещении своего народа.

В рамках конференции были представлены стендовые доклады научных сотрудников, преподавателей, аспирантов ИГиИПМНС СО РАН, ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, а также доклады победителей республиканской конференции школьников, проведенной фондом «Барбары», посвященной 125-летию С.А. Новгородова.

В заключительной части конференции были представлены итоговые сообщения руководителей секции и круглого стола. Участники отметили высокий научный уровень конференции, обсудили и приняли рекомендации к итоговому документу мероприятия.

РЕЦЕНЗИИ

П.А. Слепцов, Н.М. Васильева

Рецензия на второе издание «Сурук-бичик. Оҕо ааҕар кинигэтинин» С.А. Новгородова*

Второе издание книги «Сурук-бичик. Оҕо ааҕар кинигэтинин», опубликованное Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (составители Н.И. Данилова, Ф.Н. Дьячковский, Н.Н. Ефремов, В.Д. Монастырев, Н.И. Попова) представляет собой научное издание, приуроченное к 125-летию со дня рождения первого якутского лингвиста, реформатора, просветителя С.А. Новгородова, 100-летию выхода в свет первого якутского букваря «Сахалы сурук-бичик» и адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей якутского языка, прежде всего, учащимся, студентам, учителям. Книга включает предисловие, букварь С.А. Новгородова «Сурук-бичик. Оҕо ааҕар кинигэтинин» (1923), а также несколько приложений.

В предисловии авторами вкратце изложена история якутской письменности, в частности отмечены труды краеведа П.В. Попова об использовании якутами с древних времен и до 30-х гг. XX века специальных знаков, крупного тюрколога Е.И. Убрятовой об истории изучения якутского языка и использовании якутского языка в письме, а также Ф.Г. Сафронова и В.Ф. Иванова об использовании якутского языка в деловой и частной переписке в дореволюционный период.

Примечательно, что предисловие также включает материалы о первых дореволюционных якутских алфавитах, истории создания букваря «Сахалы сурук-бичик», основанного на букваре В.М. Ионова и изданного в 1923 г. благодаря С.А. Новгородову.

Составители показали особую научно-педагогическую значимость букваря «Сахалы сурук-бичик», который сыграл неопределимую роль в становлении и развитии массовой письменности якутов.

Материалы предисловия, на первый взгляд, представляются избыточно объемными, но ввиду многогранности и актуальности излагаемых вопросов, такое глубинное освещение темы видится вполне оправданным.

Таким образом, из предисловия читатели могут получить подробные сведения о системе якутской письменности, её исследователях, истории создания первого якутского букваря, его авторах, роли букваря в обучении якутскому языку и развитии якутской письменности.

«Сурук-бичик. Оҕо ааҕар кинигэтинин» С.А. Новгородова – это выдающийся памятник якутского просветительства, не потерявший значения и в наше время, что объясняется следующими обстоятельствами:

* Букварь с хрестоматией для детского чтения. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. – 104 с. (на якут. яз.).

• Это было воплощением в жизнь давно выношенного С.А.Новгородовым психолого-педагогического принципа обучения детей в национальных школах, в частности в якутских. Еще в 1913 г. он утверждал: «В качестве подготовительного материала необходимо все дорогое и самобытное для данной национальности, будь то произведение словесного творчества народа, предметы его обихода, все другие средства для изучения его истории, языка, верований, всего девственного уклада повседневной его жизни и прочее. Нет сомнения, что все это родное, перенесенное в инородческую школу, сразу преобразует, так как это будет несравненно ближе к сердцу и уму ребенка, ко всей психике, чем современные нам пособия и руководства» (из доклада 1913 г. на Всероссийском съезде народных учителей).

• Энциклопедическим содержанием учебника, которое импонирует нам и восхищает нас до сих пор. Эту энциклопедичность содержания сразу оценил учитель автора проф. Е.Д. Поливанов, которого при жизни считали «обыкновенным гением».

• Большим выразительным иллюстративным материалом. В этом отношении он может быть образцом для многих наших современных учебников.

• Высокой полиграфией, образцовым по тем временам оформлением.

• Образцовым научно-педагогическим оснащением.

• Прекрасным языком и стилем. По этому очень важному для учебников фактору он превосходит многие современные учебники.

• Многие ранние учебные пособия, как говорится, «вышли» из «Сурук-бичик».

В настоящее время букварь «Сурук-бичик. Оҕо ааҕар кинигэтинин» стал библиографической редкостью. Его переиздание, спустя более чем 90 лет, является значимым событием в якутском языкознании и просвещении. Букварь, отражающий якутскую письменность, основанную на латинице, будет интересен также с точки зрения межкультурной и межъязыковой коммуникаций, послужит посылом для новых исследований не только по вопросам орфографии и орфоэпии якутского языка, его историческим аспектам, но и по проблемам истории, краеведения.

Приложения к книге «Сурук-бичик. Оҕо ааҕар кинигэтинин» содержат информационные материалы: копии нормативных правовых актов и документов об увековечении памяти С.А. Новгородова, список лауреатов премии имени С.А. Новгородова.

В целом, насыщенность издания содержательно-информативным материалом подчеркивает возможность его применения в различных сферах теоретической и прикладной лингвистики, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации, а также полноценного использования в образовательном процессе.

Таким образом, данное издание – это не только дань памяти выдающемуся педагогу и просветителю, но имеет и большое значение как для изучения истории просвещения и как образец энциклопедического или универсального учебного пособия, которое мы должны подготовить на новой основе.

А.Н. Мыреева

Вклад в якутское литературоведение

На рубеже веков встает задача осмысления истории национальных литератур, в том числе жанровых исканий ведущих мастеров художественного слова с новых методологических позиций. Так, Н.С. Надьярных утверждает необхо-

димость обновленного взгляда на развитие национальных литератур: «В перечтении, основанном на достижениях современной филологии, с учетом широкого историко-культурного, этногенетического и географического... нужда-

ются литературные произведения национальной классики, а также литературы советского времени»¹.

История якутского романа начинается в 40-е годы XX в., когда появились «Молодежь Марыкчана» (1942) Эрилик Эристина и «Весенняя пора» (1944) Амма Аччыгыйа, заложившие основы романной эпической традиции в якутской литературе.

В изменившихся социально-исторических обстоятельствах литература советского периода получает неоднозначное освещение в литературной науке, в связи с чем актуальна необходимость «перечтения», основанного на широком историко-культурном контексте. С дистанции времени необходимо осмыслить уроки классического якутского романа, в частности, «Молодежь Марыкчана» Эрилик Эристина².

В свете данной проблемы интерес представляет монография известных литературоведов, профессоров СВФУ им. М.К. Аммосова Н.Н. Тобурокова и В.Б. О कोरोковой «Эрилик Эристин : Жизнь и творчество»³.

Н.Н. Тобуроков известен как первый исследователь творчества С.С. Яковлева-Эрилик Эристина. Им основательно исследован творческий вклад писателя в трех монографиях, также он является составителем изданий его художественных произведений и олонхо «Бура Дохсун».

В новой монографии Н.Н. Тобуроков выступил соавтором, со своей ученицей В.Б. О कोरोковой, что обогатило исследование новым видением в свете современных подходов якутского литературоведения.

Роман «Молодежь Марыкчана» (1942) во многом автобиографичен, писатель – сам активный участник гражданской войны, трагические события времени сказались в перипетиях его личной судьбы. Основная сюжетная линия романа определяется показом борьбы марыкчан-

ской молодежи против контрреволюции в якутском улусе, события охватывают 1918–1922 гг.

Основываясь на реальных событиях, автор использовал художественный вымысел, воссоздавая эпическую картину времени. Как было замечено в критике, первый роман был не свободен от однолинейности событий и характеров. Тем не менее, произведение Эрилик Эристина является первым удачным опытом в жанре романа в якутской литературе. По своеобразию проблематики, по особенностям изображения характеров героев, сюжетно-композиционной структуре. «Молодежь Марыкчана» был наиболее «чистым» выражением особенностей историко-революционного романа. Действительно, это был жанр, рожденный временем. Как отмечал Н.Н. Тобуроков, «эпическая широта изображения в сочетании с высоким художественным мастерством содействовала успеху первого романа»⁴.

Жизнь и творчество писателя в книге «Эрилик Эристин. Жизнь и творчество» прослежены на широком фоне общественной и культурной обстановки в Якутии 40-х годов прошлого века. Исследование отличает опора на солидный документальный, архивный материал, о чем свидетельствует и приложение.

В первой главе скрупулезно показано становление личности будущего писателя, его жизнь, полная испытаний. Как известно, Эрилик Эристин сам участник гражданской войны, был всецело предан идее социальной справедливости, строительства нового.

А в конце жизни, потеряв зрение, он совершил творческий подвиг, написав первый роман в якутской литературе «Молодежь Марыкчана». В книге прослежены все этапы его многотрудной судьбы. Первые исследователи романа отмечали плодотворное влияние русской литературы, в частности А. Фадеева, Н. Островского⁵. Так, «сталь закаляется», молодые герои быстро мужают в обстоятельствах сурового времени

¹ Надьярных Н.С. Время перечтений // Способность к диалогу. – М., 1993. Ч.1. – С. 6–29.

² Яковлев С.С. – Эрилик Эристин. Маарыкчаан ыччаттара. Марыкчанские ребята. – Якутск : Кн.изд-во, 1942. – 206 с. (на якут.яз.).

³ Тобуроков Н.Н., О कोरोкова В.Б. Эрилик Эристин. Жизнь и творчество. – Якутск : Ситим-Медиа, 2016. – 328 с. (на якут.яз.).

⁴ Тобуроков Н.Н. Писатель корчагинской закалки (О жизни и творчестве Яковлева С.С.-Эрилик Эристина). – Якутск : Кн.изд-во, 1979. – 151 с.

⁵ Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки. – Якутск : Акад. наук РС (Я), Ин-т гуманитар. исслед., 2005. – С. 333.

под руководством учителя Чинарина, ученика С. Орджоникидзе, красноармейца Вячеслава Щербаня.

Во второй главе показано становление творца, его активное участие в культурной жизни республики, первые опыты. Последующие главы посвящены анализу собственно художественного мастерства писателя. В широком контексте становления якутской литературы 30-х годов показаны творческие достижения писателя во всех основных жанрах поэзии и прозы, убедительно раскрыто своеобразие его индивидуальности.

«Природный» олонхосут, самородок, Эрилик Эристин, не имея специального образования, сам пробил себе дорогу в литературу.

В монографии убедительно показан процесс творческого труда, «психология» творчества. В исследовании поэтики произведений писателя оправдано выделение таких ракурсов, как сюжет и конфликт, образная система, характерология.

Подчеркнуты народно-поэтическая основа, традиции олонхо в системе изобразительно-выразительных средств, в богатом литературном языке: в ритмике, в повторах и в аллитерации, в эпитетах и метафорах. Интересен анализ строения текста в основных произведениях автора: изобразительная сила, мастерство портрета, речевая характеристика, «длинные» периоды. По мнению академика П.А. Слепцова, Эрилик Эри-

стин в своем творчестве совершил поворот к новому качеству языка художественной литературы. Его произведения стали школой художественного мастерства для последующих поколений якутских писателей.

Показан творческий вклад писателя в развитие основных жанров якутской прозы: рассказа, повести, романа, что проявилось и в проблематике, и в поэтике. Рассказ «Хачыгыр», повесть «Сыны революции», роман «Молодежь Марыччана» вошли в классический фонд якутской литературы. Имена героев Уулаах Уйбаана, Хачыгыра, Коли Манасова, Кыра Хабырыыса стали нарицательными, символизируя типы времени. Эрилик Эристин, прежде всего, зачинатель историко-революционного жанра, создал первый роман в якутской литературе, первым ввел интернациональную тему («Сыны революции», «Волнение»).

Таким образом, в монографии «Эрилик Эристин. Жизнь и творчество» на широком фоне исторической эпохи с привлечением новых материалов, в новом ракурсе показана многогранная личность Эрилик Эристина, его вклад в развитие основных жанров, в становление якутского литературного языка.

Монография Н.Н. Тобурокова и В.Б. Окороковой является серьезным вкладом в современную якутскую литературную науку и будет полезна для всех, кто интересуется историей и проблемами развития якутской литературы.

С.М. Трофимова

«Тофаларско-русский словарь» В.И. Рассадина

В 2017 г. в Москве в Издательском доме «Языки славянской культуры» был опубликован «Тофаларско-русский словарь», объемом свыше 16 000 слов, в который вошла уникальная лексика тофаларов (охотников и оленеводов, обитающих в высокогорной саянской тайге), отражающая особенности географической сферы обитания, черты хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры, общественной организации этого народа. Словарь предназна-

чен для специалистов по тюркским языкам и всех тех, кто интересуется языками малочисленных народов.

Словарь включает практически весь лексический запас тофаларского языка, собранный В.И. Рассадиным в течение полувека – с 1963 по 2013 г. Когда автор впервые приступил к изучению тофаларского языка в 1963 г., этот тюркский язык был почти не изучен и почти не известен науке, а имевшиеся в распоряжении уче-

ных опубликованные материалы были весьма противоречивы и не давали подлинного представления о характере языка и его статусе. Выдвигались даже предположения, что это диалект тувинского языка, хотя различия тофаларского и тувинского языков были видны невооруженным глазом. Изучив звуковой строй тофаларского языка, характер его лексического состава, особенности морфологии, включая слово-, формообразование и словоизменение частей речи, сравнив строй тофаларского языка с таковым тувинского и хакасского языков, а также с тюркскими языками других групп, учеными был установлен самостоятельный характер тофаларского языка в составе таежного ареала саянской группы тюркских языков. Поскольку тофаларский язык, отнесенный к языкам малочисленных народов Крайнего Севера, был бесписьменным, то в связи с принятым в 1980 г. Постановлением правительства СССР о развитии народов Крайнего Севера поступил правительственный заказ о создании письменности для тофаларского языка и введении его в школьную программу. Ввиду этого В.И. Рассадин, опираясь на результаты изучения фонетики тофаларского языка, создал в начале 1980-х гг. письменность на основе кириллицы и написал букварь и школьные учебники, которые были одобрены и утверждены Министерством просвещения РСФСР и Иркутским областным отделом народного образования и внедрены в программу обучения тофаларских школ, в которых с 1989 г. началось изучение родного языка.

Несколько слов о тофаларах. Это малочисленный народ, отнесенный к народам Крайнего Севера, насчитывающий не более 700 человек. Населяют они высокогорную тайгу Восточного Саянского хребта, занимаются традиционным охотничьим промыслом и оленеводством, что характерно для немногих тюркских народов и представляет собой уникальный тип хозяйственной деятельности.

До 1930 г. тофалары вели кочевой образ жизни. Основным их жилищем был конический чум, покрытый в летнее время берестяными покрышками, а в зимнее – шкурами лосей и изюбрей. С 1930 г. тофалары перешли на оседлый образ жизни и поселились в селах Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара в Нижнеудинском районе Иркутской области. Основным родом занятий по-прежнему остаются охотничий промысел и разведение домашних северных оленей.

Язык этого небольшого тюркоязычного племени, как установлено автором, восходит к древнеуйгурскому языку и сохраняет многие архаичные черты, имея в своем строе, кроме того, немало инноваций как в фонетике, так и в грамматике. В словаре учтены все особенности строя тофаларского языка и вся специфика хозяйственно-культурного типа, жизненного уклада тофаларов; нашли в нем отражение также своеобразные особенности горно-таежных ландшафтов Восточного Саяна, местного растительного мира и обитающих здесь животных. Лексика, данная в словаре, представляет все части речи и хорошо иллюстрирована материалом из разговорного языка и фольклорных произведений. К словарю даны приложения, включающие географические названия как общие, так и местные; названия родов и патронимий; списки традиционных национальных мужских и женских имен. Словарь имеет большое значение не только для современного тофаларского языка, но и для исторической тюркологии, поскольку включает уникальный лексический материал и закрывает большое белое пятно в области тюркской лексикографии. Неоценимо научное значение этого словаря и для мировой тюркологии.

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (г. Москва).

НЕКРОЛОГ

М.С. Иванов-Багдарыын Сюлбэ

08.11.1928 – 25.03.2017

25 марта 2017 г. ушел из жизни ветеран педагогического труда, заслуженный учитель школы ЯАССР, ученый, топонимист, этнограф, фольклорист, краевед, публицист, общественный деятель Михаил Спиридонович Иванов-Багдарыын Сюлбэ.

М.С. Иванов-Багдарыын Сюлбэ родился 8 ноября 1928 г. в I Нюрбинском наслеге Нюрбинского улуса Якутской АССР в семье многодетного якутского крестьянина. В десятилетнем возрасте остался круглым сиротой и познал все тяготы и лишения жизни. В годы Великой Отечественной войны учился в Вилюйском педагогическом училище. После его успешного окончания с 1945 по 1948 г. работал учителем в далекой Оленекской школе. Затем поступил на историческое отделение Якутского педагогического института (ЯПИ). В феврале 1952 г., будучи студентом 4-го курса ЯПИ, был арестован по ложному обвинению в антисоветской и националистической агитации. Он стойко выдержал сталинский лагерный ад и был освобожден по амнистии. В 1955 г. заочно окончил историко-филологический факультет ЯПИ. В 1955–1958 гг. работал учителем,

директором школы в Кобяйском районе; в 1958–1974 гг. – директором Вилюйского педагогического училища им. Н.Г. Чернышевского; в 1974–1982 гг. – заведующим кабинетом истории и обществоведения Института усовершенствования учителей ЯАССР; в 1983–2003 гг. – старшим научным сотрудником Института гуманитарных исследований АН РС(Я); с 2004 г. – на заслуженном отдыхе.

Его педагогический и организаторский талант раскрылся на посту директора Вилюйского педучилища. Помимо работы по укреплению материальной базы училища, повышению учебно-воспитательной работы, Михаил Спиридонович последовательно и упорно прививал студентам, для которых он был ярким примером служения родине, любовь и преданность традиционным истокам якутской культуры и родного языка. За свою долголетнюю педагогическую деятельность М.С. Иванов вручил диплом учителя начальных классов около полутора тысячам студентам, из которых многие стали отличниками образования и культуры республики, директорами школ, известными педагогами-методистами, видными учеными, заслуженными работниками отраслей народного хозяйства, руководителями предприятий и учреждений, более 40 его воспитанников – заслуженными учителями Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации.

М.С. Иванов писательскую деятельность начал с книги «Атах туппай», изданной в 1967 г. и

посвященной лексике-разговорного жанра детей дошкольного возраста, что, надо сказать, явилось первым опытом подобной литературы на якутском языке. По этой тематике в последующие годы он опубликовал еще три книги.

В годы работы в Вилюйском педучилище он начал заниматься топонимикой и весьма плодотворно. Под псевдонимом Багдарыын Сюлбэ в республиканских и районных газетах стал печатать статьи о происхождении названий местностей, рек, озер и аласов (поляны), что сразу привлекло внимание как научных специалистов, так и краеведов. С целью изучения географических названий Багдарыын Сюлбэ объездил все улусы, сотни наслегов республики, районы Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, где могли проживать выходцы из Якутии. Итогом многолетнего кропотливого и неустанного труда явилась составленная им богатая краеведческим материалом картотека, не имеющая аналога на Северо-Востоке страны и насчитывающая примерно 400 тысяч названий местных топонимов. На базе собранного материала он опубликовал более трех тысяч популярных статей в периодической печати, сотни научных статей в академических изданиях. Десятки книг, написанных в историко-этнографическом плане на основе фактического полевого материала, собранного автором, тут же становились библиографической редкостью. Его по праву можно назвать основателем научного изучения и хранителем исторической топонимики Якутии.

В последние годы жизни Багдарыын Сюлбэ активно продолжал разрабатывать такой вроде бы забытый исследователями, но перспективный раздел якутской ономастики, как антропонимия. Причем его работы посвящены анализу не только дохристианских личных имен жителей Якутии, но и современных имен. Всего по антропонимике им собрана картотека, включающая примерно 50 тысяч имен. Собранный материал по личным именам людей автором подвергался в первую очередь историко-этнографическому обозрению, затем анализу по семантике и этимологии. В его статьях и книгах рассматриваются порядок наречения именем и вопросы, связанные с антропонимией народов Якутии.

Багдарыын Сюлбэ – собиратель и хранитель огромного пласта якутской культуры, а именно устного народного творчества, о чем прекрасно

свидетельствуют его многочисленные публикации в республиканских и улусных средствах массовой информации. Надо подчеркнуть, что он не только собрал, но и осмыслил фактографический материал по фольклору якутского народа. Многолетняя исследовательская работа дала ему возможность опубликовать сборники исторических преданий якутов. Выход же в свет составленной им работы «Предания и легенды старины» в двух частях (Якутск, 2004; 2006) является весьма важным вкладом в якутскую фольклористику. В этом отношении Багдарыын Сюлбэ продолжил замечательные традиции по изданию образцов преданий и мифов, заложенные еще Г.В. Ксенофоновым, Сэсэнном Боло и Г.У. Эргисом.

Труды Багдарыына Сюлбэ, посвященные ономастике народов Якутии, привлекают внимание российских и зарубежных ученых, широко и охотно использующих его указания в области семантики и этимологии в топонимии. Исследования по топонимике, антропонимике и устному народному творчеству, а также его профессиональное историческое образование стали основой для разрешения определенных вопросов в проблематике происхождения якутского народа, народов Севера и этапов заселения ими территории Якутии.

В качестве публициста Багдарыын Сюлбэ имел мужество первым открыто рассказать правду о трагической судьбе ярких представителей якутской интеллигенции и предпринимательства в годы советской власти. Как человек, переживший эпоху сталинских репрессий, в своих книгах он обрисовал сложную общественно-политическую картину того времени, разоблачил экстремистскую идеологию большевизма, раскрыл последствия культа личности и тоталитарного режима, тяжело отразившихся на судьбе якутского народа.

Многогранная деятельность М.С. Иванова-Багдарыына Сюлбэ как краеведа и этнографа общеизвестна. В этом направлении, кроме книг по вышеуказанным аспектам, им опубликовано несколько книг и множество статей, посвященных изучению названий улусов и наслегов, происхождению якутских и тунгусских родов и родословных древ; о доблестном снайпере А.А. Миронове, участнике Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и др.

Большинство его книг написано на родном языке. В этом смысле Багдарыын Сюлбэ был непревзойденным мастером пропаганды якутского языка в сфере науки, активным поборником превращения родного языка в инструмент научного познания. Он последовательно и настойчиво выступал за функциональное расширение якутского языка в условиях урбанизации сельского населения, проявляя при этом искреннюю заботу о его чистоте и сохранности.

М.С. Иванов-Багдарыын Сюлбэ – яркий представитель якутского народа, выступавший

за демократизацию общественно-политической жизни, развитие национального самосознания и культуры. Его принципиальность, честность, духовное богатство и жизненная мудрость снискали ему признание, авторитет и уважение среди его учеников и многих поколений якутян.

П.П. Петров,
к.и.н., заведующий музеем истории
академической науки Якутии
им. Г.П. Башарина

Сведения об авторах

Бурцев Анатолий Алексеевич – д.ф.н., проф. кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова, anatoly_burtsev44@mail.ru

Бурцева Жанна Валерьевна – к.ф.н., с.н.с. сектора литературоведения ИГиИПМНС СО РАН, gvburtseva@mail.ru

Васильев Валерий Егорович – к.и.н., с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГиИПМНС СО РАН, valera305@mail.ru

Васильева Надежда Матвеевна – к.ф.н., н.с. сектора лексикографии ИГиИПМНС СО РАН, tnm69@mail.ru

Винокурова Декабрина Михайловна – к.социол.н., доцент, зав. межкафедральной социологической лабораторией Финансово-экономического института СВФУ им. М.К. Аммосова, dorofdm1@yandex.ru

Винокурова Людмила Егоровна – к.и.н., с.н.с. сектора истории Якутии ИГиИПМНС СО РАН, ludavin@yandex.ru

Готовцева Лина Митрофановна – к.ф.н., с.н.с. сектора лексикологии ИГиИПМНС СО РАН, lingot@rambler.ru

Григорьева Анжелика Егоровна – магистрант 2-го курса Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова, lovemysister93@mail.ru

Дьяконов Виктор Михайлович – к.и.н., с.н.с. сектора археологии ИГиИПМНС СО РАН, dyakonov_vm@rambler.ru

Дьячковский Федор Николаевич – к.ф.н., завсектором лексикологии ИГиИПМНС СО РАН, fedjatschkov0801@mail.ru

Ермолаев Терентий Степанович – к.и.н., н.с. сектора этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, tererm@mail.ru

Ефремова Екатерина Михайловна – к.ф.н., н.с. сектора литературоведения ИГиИПМНС СО РАН, kachkom84@mail.ru

Жукова Людмила Николаевна – к.и.н., с.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Иванов Спиридон Алексеевич – д.ф.н., с.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, spiridon_ivanov@mail.ru

Мыреева Анастасия Никитична – д.ф.н., с.н.с. сектора литературоведения ИГиИПМНС СО РАН, conference@mail.ru

Никитина Саргылана Егоровна – к.и.н., н.с. сектора истории Якутии ИГиИПМНС СО РАН, sarg_nik.ykt@mail.ru

Петров Пантелеймон Пантелеймонович – к.и.н., завмузеем истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина, basharin_museum@mail.ru

Прокопьева Александра Егоровна – к.ф.н., н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН, aleksprok-e@yandex.ru

Слепцов Петр Алексеевич – д.ф.н., проф., г.н.с. сектора лексикографии ИГиИПМНС СО РАН, petr.slepsov@mail.ru

Старостина Сардана Александровна – студентка 4-го курса Финансово-экономического института СВФУ им. М.К. Аммосова, sardaanish95@mail.ru

Трофимова Светлана Менкеновна – д.ф.н., проф. Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, trofimova_sm@kalmsu.ru

Ушницкий Василий Васильевич – к.и.н., с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГиИПМНС СО РАН, voma@mail.ru

Харабаева Виктория Ивановна – к.ф.н., м.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, Stabilo.83@mail.ru

Information about authors

Burtsev Anatoly Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, NEFU named after M.K. Ammosov, anatoly_burtsev44@mail.ru

Burtseva Zhanna Valeryevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Study of Literature of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, gvburtseva@mail.ru

Vasilyev Valery Egorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, valera305@mail.ru

Vasilyeva Nadezhda Matveevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Lexicography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, tnm69@mail.ru

Vinokurova Dekabrina Mikhailovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, the Head of Inter-Departmental Sociological Laboratory of the Financial and Economic Institute of NEFU named after M.K. Ammosov, dorofdm1@yandex.ru

Vinokurova Lyudmila Egorovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of the History of Yakutia of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ludavin@yandex.ru

Gotovtseva Lina Mitrofanovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Lexicography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, lingot@rambler.ru

Grigoryeva Anzhelika Yegorovna – Master of the 2nd course at the Institute of Foreign Philology and Regional Studies of NEFU named after M.K. Ammosov, lovemysister93@mail.ru

Dyakonov Viktor Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, dyakonov_vm@rambler.ru

Dyachkovsky Fyodor Nikolayevich – Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Lexicology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, fedjatschkov0801@mail.ru

Ermolaev Terenty Stepanovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Ethnosociology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, tererm@mail.ru

Efremova Ekaterina Mikhaylovna - Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Study of Literature of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, kachkom84@mail.ru

Zhukova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Paleoasian Philology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, zjukova@mail.ru

Ivanov Spiridon Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Grammar and Dialectology of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, spiridon_ivanov@mail.ru

Myreeva Anastasia Nikitichna – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Study of Literature of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, konference@mail.ru

Nikitina Sargylana Egorovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of the History of Yakutia of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sarg_nik.ykt@mail.ru

Petrov Panteleimon Panteleimonovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Museum of the History of Academic Science of Yakutia named after G.P. Basharin, basharin_museum@mail.ru

Prokopieva Alexandra Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Paleosian Philology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, aleksprok-e@yandex.ru

Sleptsov Petr Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Lexicography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, petr.slepcov@mail.ru

Starostina Sardana Aleksandrovna – the 4th year student SB-13 of the Financial and Economic Institute of the NEFU named after M.K. Ammosov, sardaanish95@mail.ru

Trofimova Svetlana Menkenovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, trofimova_sm@kalmsu.ru

Ushnitsky Vasily Vasilievich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, voma@mail.ru

Kharabaeva Viktoria Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher of the Department Grammar and Dialectology of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Stabilo.83@mail.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Кроме того принимаются статьи информационного и хроникального характера, рецензии и др. Обзорные статьи к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков), краткие сообщения – 3–6, хроника – 1–2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman или Times Sakha, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – не менее 2 см, справа – не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Статьи в разделы "Хроника" и "Рецензии" предоставляются без аннотаций. В заголовке "Аннотации" сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписи рисунков не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторам после текста необходимо указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи указывается индекс УДК.

Статьи, поступающие в редакцию, проходят проверку на антиплагиат (допускается наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 30% от общего объема рукописи), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 307. 8(4112) 36–49–67

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-65055 от 10 марта 2016 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 07.06.2017. Дата выхода в свет 26.06.2017

Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.18. Уч.-изд. л. 15,84. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
